
Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 17. № 2

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор Л. А. Фадеева

© Редакционная коллегия, 2023

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Мартынов М.Ю.</i> Местное самоуправление в России как флуктуирующая политическая реальность (к 30-летию учреждения местного самоуправления Конституцией Российской Федерации)	5
<i>Фролова Ю. Н., Невзоров М. В.</i> Организационная культура политического актора: естественная или самообучающаяся организация	15

Политические институты, процессы, технологии

<i>Чирикова А. Е.</i> Пермский вариант: каких губернаторов и почему предпочитают местные элиты и эксперты?	26
<i>Семенова Д. М., Кудрявцев С. А.</i> ESG в политическом дискурсе современной России: ключевые риски	39
<i>Рогач О. В., Фролова Е. В.</i> Использование механизмов инициативного бюджетирования: готовность населения и доверие к власти	48
<i>Селезнева А. В., Скипин Н. С., Турков Е. А.</i> Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ	60
<i>Самсонова Н. Н.</i> Травма рассказывания в коллективной памяти культурно-этнической общности	71
<i>Чернышов Ю. Г., Дерендяева А. Д.</i> Художник в политике: эволюция образа Г. И. Чорос-Гуркина как общественно-политического деятеля	82

Международные отношения

<i>Жерлицына Н. А.</i> Интеграция мигрантов в Испании и Португалии: европейская стратегия и национальные модели	91
<i>Фадеева Л. А.</i> Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий... ..	101

Обзоры и аналитика

<i>Ефременко Д. В.</i> Леонард Уайт и его вклад в исследования государственного управления ...	112
<i>Онопко О. В.</i> Внешнеполитическая экспертиза: исследовательский потенциал теории секьюритизации	123
<i>Шефер А. А.</i> Посткапитализм в политических теориях современных левых: истоки, современность, перспективы	133
К сведению авторов	142

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

History and theory of politics

<i>Martynov M. Y.</i> Local government in Russia as a fluctuating political reality (dedicated to the 30th anniversary of the establishment of local government by the Constitution of the Russian Federation)..	5
<i>Frolova Yu. N., Nevzorov M. V.</i> Organizational culture of political actor: natural or self-learning organization	15

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Chirikova A. E.</i> Perm choice: which governors and why do local elites and experts prefer?	26
<i>Semenova D. M., Kudryavtsev S. A.</i> Esg in the political discourse of modern Russia: key risks	39
<i>Rogach O. V., Frolova E. V.</i> Development of participatory budgeting mechanisms as a tool for building public confidence in the authorities	48
<i>Selezneva A. V., Skipin N. S., Turkov E. A.</i> Values and semantic dominants of political morality of Russian youth: a political and a psychological analysis	60
<i>Samsonova N. N.</i> Trauma of decossackization in the collective memory of cultural and ethnic community	71
<i>Chernyshov Yu. G., Derendyaeva A. D.</i> Artist in politics: the evolution of the image of G. I. Choros-Gurkin as a public and political figure	82

International Relations

<i>Zherlitsina N. A.</i> Integration of migrants in Spain and Portugal: European strategy and national models	91
<i>Fadeeva L. A.</i> Identity policy securitization as an analytical toolkit	101

Reviews and Analysis

<i>Efremenko D. V.</i> Leonard White and his contribution to the study of public administration	112
<i>Onopko O. V.</i> Foreign policy expertise: the research potential of the securitization theory	123
<i>Shefer A. A.</i> Post-capitalism in the political theories of the modern left: origins, modernity, perspectives	133

Information for the authors	146
--	------------

История и теория политики

УДК: 323.2(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-5-14

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ КАК ФЛУКТУИРУЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (К 30-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

М. Ю. Мартынов

Мартынов Михаил Юрьевич, доктор политических наук доцент, профессор кафедры политологии, Сургутский государственный университет.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

Аннотация

Рассматриваются предпосылки включения в 1993 г. в Конституцию Российской Федерации статьи о местном самоуправлении. Сделан вывод, что к этому моменту в России не было объективных предпосылок для формирования местного самоуправления по радикальному варианту, при котором органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Возможность организации местного самоуправления по этой модели не рассматривалась ни в научном, ни в общественном дискурсе вплоть до 1993 г. Данный вариант возник ситуативно в условиях политического противостояния между Верховным советом и президентской властью в 1993 г. Политической силой, заинтересованной в выведении органов местного самоуправления из системы государственного управления, явились советские чиновники, возглавлявшие местные администрации в период распада советской системы власти. В обмен на политическую поддержку в президентский проект конституции был включен пункт о том, что местные органы власти не входят в систему органов государственного управления. После решения политических задач необходимость в институте местного самоуправления исчезает. Подобные случаи спорадического появления института местного самоуправления и его последующей быстрой ликвидации в прежней российской истории также вызывались ситуативными политическими причинами. Это позволяет говорить о случаях возникновения местного самоуправления в России как особой флуктуирующей политической реальности. Отмечается ограниченность институциональной методологии, абсолютизирующей роль институтов в решении проблем общественного развития.

Ключевые слова: Конституция 1993 г.; местное самоуправление; муниципальное управление; локальная демократия; институционализм.

Проблема взаимоотношений местного самоуправления и государства в научном и публичном дискурсе.

Принятая тридцать лет назад – 12 декабря 1993 г. – Конституция Российской Федерации, провозгласив, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, сформулировала максимально демократический способ организации местного самоуправления.

В публикациях российских и зарубежных авторов на начальном этапе политических реформ в России в 1990-х гг., действительно, превалировали большие ожидания от развития данного института. В соответствии с институциональной теорией предполагалось, что местное самоуправление, в силу именно своей независимости от государства, а также приближенности к населению, явится важнейшим инструментом продвижения демократических преобразований в стране (Арато, 1995; Бородкин, 1997; Оффердал, 1998).

Однако уже в начале 2000-х гг. тональность работ постепенно меняется. Отмечается неспособность муниципальных органов полноценно решать вопросы местного значения и усиление их зависимости от государства (Гельман, 2007: 8; Кружков, 2004: 57). Следует отметить, что и зарубежные исследователи все чаще в этот период приходят к выводу о снижении ценности местного самоуправ-

ления в глазах граждан и усилении его зависимости от государства (Charbit, Michalun, 2009; Local governance in developing countries, 2006).

В 2010-х гг. прежние ожидания от развития местного самоуправления окончательно сменяются пессимистическими оценками. Указывается на утрату местным самоуправлением своей автономии (Панкевич, 2016), низкий уровень доверия граждан его органам (Петухов, 2020: 27–34) и фактическое превращение их в агента государства на местном уровне (Туровский, 2015: 35).

Растянувшаяся на три года тенденция постепенного «огосударствления» местного самоуправления нашла завершение в подготавливаемом в настоящее время в российском парламенте ко вторым чтениям проект нового закона о местном самоуправлении.

Часть авторов оценивают конституционные поправки и разрабатываемые законодательные новеллы достаточно позитивно (Боренштейн, Курасова, 2022; Михеева, Михеев, 2022). В то же время, значительная доля исследователей продолжает прямо указывать на инкорпорирование местного самоуправления в вертикаль государственной власти, прогнозируя полное выхолащивание основ местного самоуправления и отмечая, что различия между местным самоуправлением и государственным управлением на местном уровне стали трудноуловимыми (Казанцева, Кузина, 2022; Валентик, 2022 и др.).

То, что местное самоуправление не имеет ни надлежащей поддержки граждан, ни экономической самостоятельности уже не раз доказывалось отечественными исследователями. Подчеркнем лишь, что данная ситуация сложилась отнюдь не вследствие злого умысла или ошибок государства, не наделившего, например, местное самоуправление необходимой налогооблагаемой базой. Основной причиной является отсутствие социальной основы этого института в виде самодостаточного буржуазного «среднего класса». Экономическая несостоятельность населения, заставляя содержать за счет муниципальных средств всю социальную инфраструктуру, предопределяет необходимость плотного патронажа государства над делами местного сообщества и дотационно-распределительный характер муниципальной экономики и приводит структуру политических институтов в соответствие с базовыми общественными отношениями (Мартынов, 2003а: 52–53).

Но не эти причины, заставляющие свертывать местное самоуправление, в общем-то достаточно известные, составляют предмет нашего исследования. Гораздо важнее понять не то, почему оно исчезает, а то, почему оно вообще периодически возникает в политической системе России, несмотря на полное отсутствие для этого объективных предпосылок.

Предмет, источники и методы исследования

Предметом исследования выступили причины учреждения в Российской Федерации института местного самоуправления в первой половине 1990-х гг. Источниками являлись материалы Конституционного совещания 1993 г., контент-анализ программ политических партий начала 1990-х гг., результаты контент-анализа публикаций районных и городских газет в период 1993–1995 гг. Костромской области. Выбор Костромской области объясним тем, что по своему демографическому составу и социально-экономической структуре в первой половине 1990-х гг. область несла в себе типичные черты большинства городов и регионов России, встретившихся с существенными экономическими трудностями в ходе реформ начала 1990-х гг. Кроме того, областной центр – г. Кострома в середине 1990-х гг. был включен в эксперимент по ускоренному развитию местного самоуправления, и здесь основные черты этого процесса проявились быстрее и рельефнее. В ходе исследования в некоторой мере использовались личные наблюдения автора, являвшегося в 1993–1995 гг. депутатом думы г. Костромы и членом комиссии по развитию местного самоуправления.

Основные результаты

Включение в 1993 г. в Конституцию Российской Федерации статьи о местном самоуправлении выглядит вполне очевидным и естественным результатом демократических ожиданий того времени. Однако на самом деле уровень этих ожиданий отнюдь не поднимался до требования выделения из системы государственного управления местного самоуправления.

В принятом в 1990 г. Законе «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», где впервые появилось понятие местного самоуправления, этот вопрос даже не ставился. Наоборот, разработчики закона подчеркивали, что «нельзя противопоставлять местное само-

управление и государство... Самоуправление развивается не вне, а внутри государственных форм и связано с развитием власти» (Васильев, 2015: 13).

В научных исследованиях предположение о независимости местного самоуправления от органов государственной власти на рубеже 1980–1990-х гг. также не формулировалось в то время ни в какой форме (Максимов 1996: 25). Г. В. Барабашев – самый известный исследователь местного самоуправления – полагал, что местное самоуправление мало чем будет отличаться от Советов (Барабашев, 1991).

Вплоть до 1993 г. требование выделения органов местного самоуправления из структуры государственных органов не фигурировало и в публичном дискусе. Симптоматично, что «из тридцати двух партий России, опубликовавших свои программы к 1993 г., только шесть вообще включили в свои документы пункты о местном самоуправлении, причем в самом разном контексте. Например, если Российская социально-либеральная партия и Социал-демократическая партия России предлагали преобразование Советов в муниципальные нормотворческие органы власти, то Национально-республиканская партия России призывала к реставрации земства, а Партия конституционных демократов Российской Федерации выступала за создание неких «профессиональных органов представительной власти на всех уровнях»» (Мартынов, 2003b: 139).

Обращение к материалам Конституционного совещания 1993 г. также показывает, что на его заседаниях разгорелась нешуточная борьба против включения статьи о самостоятельности местного самоуправления в итоговый документ, как это предлагал президентский проект. Озвучивавший этот проект В.Ф. Шумейко заявил: «Идея президентского варианта Конституции заключается в том, чтобы решительно и резко отделить от государства местное самоуправление. Раз и навсегда»¹.

Однако большинство участников Конституционного совещания подвергли критике это предложение, указывая на отсутствие для его реализации необходимых объективных предпосылок. Один из экспертов прямо заявил: «Я думаю, что не учитывается реальность. А реальность очень определенная: у нас нет никаких местных сообществ. Это калька с английского – это английский термин. Их нет по той простой причине, что у нас нет граждан, составляющих такое сообщество. То есть у нас будет юридический термин, а за ним реальность совершенно иная»².

Против президентского проекта о самостоятельности местного самоуправления активно высказывались юристы. Выступая на заседании Конституционного совещания В. Л. Шейнис так сформулировал их позицию: «Мы долго обсуждали эту проблему в Институте государства и права и пришли к убеждению, что это опасно. Дело в том, что здесь подменяется понятие «автономия» и «отделение от государства» и создаются какие-то удельные княжества, маленькие удельные образования. Поэтому мы считаем, что она неуместна, эта запись, вообще в этой статье»³.

Участник Конституционного совещания Е. М. Кожокин считал, что на попытки под разными предлогами провести тезис о независимости органов местного самоуправления «явно повлияла имеющаяся сейчас политическая ситуация... И поэтому было заложено очень жесткое и независимое местное самоуправление. На самом деле это является утопией, и не только для сегодняшнего дня, но я боюсь, что даже и для завтрашнего дня»⁴.

В ответ на эти аргументы сторонникам президентского проекта не удалось привести ни одного убедительного довода, если не считать отсылки члена Президентского совета Л. В. Смирнягина к существовавшим в России земским «заветам», а «независимость от органов государственной власти – принципиальная черта российского земства»⁵.

Однако вопреки мнению экспертов, статья о независимости органов местного управления вошла в заключительный текст проекта конституции. И это не было случайностью. За этим решением стояли интересы новой возникшей политической силы в лице чиновников местных администраций и руководства исполкомов местных Советов.

Основным стимулом, активизировавшим интерес местных чиновников к переходу к местному самоуправлению, явилось недовольство их ролью в условиях начавшейся приватизации.

¹ Конституционное совещание 29 апр.–10 нояб. 1993 г.: стенограммы, материалы, документы (1995) (Том 10) в. Москва: Юрид. лит.: изд. Администрации Президента Российской Федерации. С. 248.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 226.

⁴ Конституционное совещание 29 апр.–10 нояб. 1993 г.: стенограммы, материалы, документы (1995) (Том 2) а, Москва: Юрид. лит.: изд. Администрации Президента Российской Федерации. С. 86.

⁵ Там же. С. 86–87.

Собственно, недовольство вызывала не сама приватизация, а ее порядок, в соответствии с которым комитеты по управлению государственным имуществом субъектов Федерации не согласовывали свои планы с местными органами власти. Последние не располагали даже перечнем предприятий, подлежащих передаче в частную собственность, а саму передачу предписывалось проводить в указанные краткие сроки (Бабичев, Смирнов, 2018: 88). Не случайно, в этот период на местном уровне «наиболее серьезные схватки происходят по вопросу о контроле и распределении собственности и вопросу о назначении на ключевые места в административных органах» (Ачкасова, 1999: 134–135).

Ситуация обострялась курсом на ускоренную приватизацию, согласно которому к концу 1993 г. в частную собственность должно было перейти около одной трети, а к концу 1994 г. – около половины производственных фондов¹. Значительная часть чиновников российской глубинки просто не допускалась к участию в разделе этого пирога, что резко активизировало их деятельность.

Организациями, взявшими на себя задачу выражения интересов чиновников местных администраций, стали ассоциации городов, возникшие в начале 1990-х гг., среди которых особенно значительную роль играл Союз российских городов (СРГ).

По справедливому мнению Л. В. Гильченко, «успешный ход реформы местной власти на принципах самоуправления вряд ли был возможен без активной деятельности разного рода ассоциаций органов местного самоуправления, таких как Ассоциация городов Северо-Запада, Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Ассоциация городов Юга России, Союза российских городов и Союза малых городов России и др.» (Гильченко, 1998: 52–53). Именно Союзом российских городов была в ноябре 1992 г. была пролоббирована Декларация «О принципах местного самоуправления в России», одобренная VII Съездом народных депутатов Российской Федерации.

Однако вплоть до середины 1993 г. руководство ассоциаций городов, отнюдь не выдвигало в качестве политической цели полный переход на принцип самостоятельности органов местного самоуправления. Задачей-максимумом считалось обеспечение преобладающей роли руководства администраций в структуре органов местного самоуправления.

Ситуация изменилась весной-летом 1993 г., когда обострилось политическое противостояние между Верховным Советом и президентской властью. Перед советскими руководителями на местах открылись куда более заманчивые перспективы. В ходе августовских событий 1991 г. Б. Ельцин обеспечил себе поддержку со стороны руководителей республик и областей, предложив лозунг: «Берите суверенитета столько, сколько вы его сможете проглотить». Но теперь нужны были новые союзники, «и федеральная исполнительная власть нашла их в лице муниципального чиновничества. Для этого вновь был использован тот же прием: обещание максимальных свобод в местных делах в обмен на поддержку в борьбе с конкурентом за власть. Принцип максимальной самостоятельности местного самоуправления, как нельзя лучше отвечавший интересам и чаяниям провинциальных чиновников, и стал политической платой за эту поддержку» (Мартынов, 2003b: 152).

Значимость этой поддержки со стороны муниципальной власти можно проиллюстрировать сравнением численности чиновников разных уровней. Всего в органах исполнительной власти в 1993 г. насчитывалось 947 тыс. чел., «в том числе по уровням власти: федеральный – 34 тыс.; субъекты Федерации – 186 тыс.; районный, городской – 610 тыс.; сельский – 117 тыс.»².

В свою очередь, местные советские руководители в конфликтной ситуации весны-осени 1993 г. готовы были поддержать ту сторону, которая пообещает превратить органы местной власти в самостоятельные политические и экономические субъекты.

Впервые политические требования муниципальной элиты были сформулированы в апреле – марте 1993 г. накануне всероссийского референдума. В городах, входивших в Союз городов России, – Костроме, Барнауле, Краснодаре и др. – синхронно состоялись региональные собрания представителей городов России, принявшие обращение ассоциации. Обращение завершилось недвусмысленным посылом: «Российские города готовы поддержать и без референдума ту власть, которая сделает своей политикой развитие и укрепление системы самоуправления»³. Как заявил председатель Союза

¹ Программа углубления экономических реформ в России (1992). Москва: Республика, с. 38.

² *Российские вести*, 1994, 31 март, с. 2.

³ Киселева, Т. (1993) 'От самоуправления к самовыживанию', *Северная правда*, 11 март, с. 2.

городов Северо-Запада России, председатель Костромского горсовета А.Г. Воронин: «Пока «наверху» дерутся за власть и не знают, как ее поделить, пусть отдадут ее нам»¹.

Составной частью политики руководства местных администраций в этот период становится продвижение в средствах массовой информации идеи самостоятельности местного самоуправления. Ведется активная кампания по дискредитации советской системы управления и агитации за муниципальный принцип организации власти на местном уровне.

К осени 1993 г. политический союз между верховной исполнительной властью и провинциальными элитами окончательно оформился, и когда в сентябре вышел указ Президента о прекращении деятельности Верховного Совета и организации новых выборов, он получил безоговорочную поддержку администраций и исполкомов Советов. Причем аргументировалась эта позиция главами городов, в том числе, именно необходимостью замены системы Советов местным самоуправлением².

В октябрьские дни 1993 г. на заседаниях советов председателей российских городов были приняты обращения к населению с призывом не предпринимать массовых политических акций, опубликованные в местных СМИ³. В результате роспуск советских органов прошел в форме самороспуска без эксцессов и достаточно быстро. Решающую роль в этом сыграло «новое чиновничество, обретшее власть в результате революции 1990–1991 гг.» (Бабичев, Смирнов, 2018: 94).

Попытку опереться на местные органы власти предпринял и Верховный Совет. Он инициировал создание общественного движения «В поддержку конституционного строя и Советов народных депутатов». Например, на состоявшемся летом 1993 г. в г. Костроме учредительном собрании движения присутствовало 97 делегатов, представлявших районные советы, а также основные политические партии⁴.

Однако упомянутое движение так и не получило сколько-нибудь внятной программы. Консолидация в нем разнородных политических сил, не имевших определенного экономического интереса и ясных политических целей, оказалась эфемерной. Так, «на собрании костромского отделения движения на следующий день после расстрела Белого дома из нескольких десятков членов присутствовали только восемь человек, в числе которых не было ни одного представителя советских органов власти» (Мартынов, 2003b: 159). Политика президентской власти, сделавшей ставку на учет реальных запросов местного советского чиновничества, оказалась куда более конкретной и эффективной.

Политическая победа муниципального чиновничества была закреплена включением статьи о местном самоуправлении в конституцию. Правда, статья конституции о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, являлась предметом острой политической борьбы вплоть до последнего момента⁵. Как позже рассказывал о той ситуации автору этих строк А. Г. Воронин, являвшийся в то время руководителем Союза городов Северо-Запада России и членом редакционной комиссии Конституционного совещания, после того как выяснилось, что в заключительной редакции текста конституции не оказалось статьи о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, потребовалось обращение лично к президенту Б. Н. Ельцину. Последний находился в это время на важных международных переговорах, и представитель президента на Конституционном совещании В. Ф. Шумейко, выступавший главным лоббистом требований муниципального чиновничества о независимости местного самоуправления, сумел во время перерыва на этих переговорах добиться аудиенции и в последний момент получить прямое указание президента на включение данной статьи в текст конституции.

Констатируя этот политический успех А. Г. Воронин в интервью корреспонденту местной газеты не без удовлетворения отметил: «Нынешний проект Конституции, по сравнению с летним, расширяет права и возможности органов власти местного самоуправления... Союз городов принял участие в работе над проектом»⁶.

¹ Киселева, Т. (1993) 'От самоуправления к самовывживанию'...

² Викторов, С. (1993) 'Переворот или нормальный ход событий?', *Костромской край*, 23 сент., с. 1.

³ Михайлов, А. (1993) 'Малый Совет Костромы – за реформы', *Северная правда*, 6 окт., с. 2.

⁴ *Костромской край*, 1993, 16 сент., с. 1.

⁵ *Костромские ведомости*, 1993, 17 дек., с. 5.

⁶ *Северная правда*, 1993, 24 нояб., с. 3.

Действительно, оценивая свою роль в этом процессе, руководство ассоциаций городов отмечало, что принятие положения конституции о местном самоуправлении было бы невозможно без их усилий, без их многолетней активной лоббистской деятельности и пропагандистской работы¹.

Платой за поддержку со стороны местной власти в дни политического кризиса стало быстрое осуществление реформы местного самоуправления. Уже в октябре 1993 г. были приняты указы «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления» и «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», а в декабре – Указ «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации».

В соответствии с этими документами, главы местных администраций становились во главе представительных органов. Было обеспечено и плавное перемещение в структуру самоуправления аппаратов местных администраций.

Результат подобного реформирования местного самоуправления по «президентскому» проекту в интересах местных чиновников по оценке исследователей привел к «квазисубъектности» института и выхолащиванию его истинной сущности (Бабичев, Смирнов, 2018: 99).

Прежняя советская «вертикаль» управления оказалась просто разрезана на муниципальные составляющие, но ее бюрократическая сущность никуда не исчезла. Более того, закрепленная в конституции независимость от государственных органов, выводила местных чиновников из-под контроля «сверху», а контроля «снизу» со стороны населения не могло и быть ввиду фактического отсутствия местных сообществ.

Реформа местной власти осуществлялась в интересах муниципальной элиты, оказавшейся полностью удовлетворенной, но это, соответственно не решило ни одной экономической проблемы для самих местных сообществ. Финансовые потребности муниципалитетов изначально не могли быть обеспечены, а перекладывание теперь на них ответственности за содержание социальной инфраструктуры федеральной властью эти проблемы лишь обострило.

Негативно оценивают исследователи и последствия приватизации на местном уровне, поскольку специфический процесс ее проведения лишил местные сообщества последней надежды на формирование собственной базы экономической самостоятельности (Долгова, 2012: 31–32).

Говорить об ожидаемой демократической составляющей в результате учреждения местного самоуправления тоже не приходится. Более того, как показывали социологические исследования, уровень доверия местным органам на всем протяжении его существования неуклонно снижался, находясь гораздо ниже по сравнению с другими институтами власти.

В выигрыше оказалась федеральная исполнительная власть. Она не только получила мощную политическую поддержку в условиях политического кризиса в октябре 1993 г., но и в течение нескольких последующих лет сделала местное самоуправление «разменной монетой» в политической игре с губернаторами, продолжавшейся, по крайней мере, до завершения формирования «вертикали управления» в первой половине 2000-х гг. После этого политическая потребность в существовании местного самоуправления как самостоятельного института отпадает, и начинается процедура его свертывания.

Выводы и обсуждение

Ни в 1993 году, ни в последующий период в постсоветской России не было объективных предпосылок для формирования местного самоуправления по демократическому варианту в виде выделения его из системы органов государственной власти. Отсутствие социальной основы местного самоуправления предопределяло первичную роль государства в управлении местными делами. Соответственно, и в публичном, и в научном дискурсе вплоть до весны-лета 1993 г. именно такая модель рассматривалась как единственно возможная.

Появление радикального варианта местного самоуправления в 1993 г. стало возможным в силу достаточно краткосрочной политической ситуации, связанной с противостоянием представительной и исполнительной ветвями власти. После решения этой политической задачи необходимость в институте исчезает, и вся его последующая история – это история его последовательной ликвидации.

¹ Роль ассоциаций и союзов местных властей в становлении местного самоуправления в Российской Федерации. *Российский Союз местных властей*. Официальный сайт. URL: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/1997/8/8-mm-1.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Подобная инволюция института местного самоуправления – от учреждения до быстрой и полной ликвидации – отнюдь не является для России новостью. Все прежние случаи учреждения этого института – Иваном Грозным в XVI в., Петром I – в XVIII в. и «земства» – в XIX в. – протекали по схожему сценарию. После ликвидации Иваном IV удельного боярства на местах возник вакуум власти, вызвавший, в том числе, повальный разбой на дорогах. Тогда царем и был издан известный указ о назначении «излюбленных голов» от населения для организации защиты от разбоев. Как только был создан институт воевод, необходимость в подобном самоуправлении отпала, и оно было отменено. Аналогичным образом Петром I в условиях ликвидации теперь уже воеводства, погрязшего в коррупции, были учреждены «Бурмистровы палаты». Но когда сформировался институт губернаторства, самоуправление в городах отменили. Учреждение земства в XIX в. диктовалось стремлением верховной власти отвлечь интеллигенцию от критики государства и революционных идей общественно-полезной деятельностью на местах. Другой необходимости в нем не было, поскольку реальное управление на местах продолжали осуществлять государственные органы власти. Как только выяснилось, что земские органы становятся центрами либеральной оппозиции, их деятельность была свернута.

Подобное возникновение местного самоуправления в политической истории России было столь спорадическим, а существование самого института оказывалось столь недолговечным, что для обозначения его краткосрочного существования в политической системе вполне оправдано использование метафоры «политическая флуктуация».

В качестве методологического вывода отметим, что история местного самоуправления в России демонстрирует некоторую ограниченность институциональной методологии, абсолютизирующей роль институтов в общественном развитии. Часто звучащие сетования на то, что трудности организации жизни на местном уровне связаны с неразвитостью института местного самоуправления, лишь затушевывают эти проблемы, создавая иллюзию, что развитие института вполне возможно и определяется лишь политической волей. На самом деле, хотя институты, действительно, способны выступать активной преобразующей силой, возможности их собственного существования и развития достаточно жестко ограничиваются базисными социально-экономическими условиями в виде существующего типа социальных отношений, социальной структуры и распределения собственности. Попытки же создавать институты вне контекста данных условий оборачиваются дискредитацией самой их идеи и последующей неизменной деградацией.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00241).

Список литературы / References

- Арато, А. (1995) `Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направление для дальнейших исследований`, *Политические исследования*, 3, сс. 48–57. [Arato, A. (1995) 'Civil Society Concept: Climbing, decay and recreation – and direction for further research' [Konceptsiya grazhdanskogo obshchestva: voskhozhdenie, upadok i vossozdanie – i napravlenie dlya dal'nejshih issledovaniy], *Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 48–57. (In Russ.)].
- Ачкасова, В. А. (1999) `Особенности конфликтных ситуаций в контексте регионального пространства`, *Социальное взаимодействие на территориях: материалы республиканской научной конференции*, 9–11 декабря, Кемерово, сс. 134–135. [Achkasova, V. A. (1999) 'Features of conflict situations in the context of regional space' [Osobennosti konfliktnykh situatsiy v kontekste regional'nogo prostranstva], *Social'no-politicheskoe vzaimodejstvie na territoriyah: materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii*, 9-11 dekabrja, Kemerovo, pp. 134–135. (In Russ.)].
- Бабичев, И. В., Смирнов, Б. В. (2018) *Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты*. Москва: Норма: ИНФРА-М, 528 с. [Babichev, I. V., Smirnov, B. V. (2018) *Local self-government in modern Russia: formation and development. Historical and legal aspects* [Mestnoe samoupravlenie v sovremennoj Rossii: stanovlenie i razvitie. Istoriko-pravovye aspekty]. Moskva: Norma: INFRA-M, 528 p. (In Russ.)].
- Барабашев, Г. В. (1991) `Совет и мэр в «упряжке» самоуправления`, *Народный депутат*, 11, сс. 36–40. [Barabashev, G. V. (1991)

- ‘The council and the mayor in the "harness" of self-government’ [Sovet i mer v «upryazhke» samoupravleniya], *Narodnyy deputat*, 11, pp. 36–40. (In Russ.).
- Боренштейн, А. Л., Курасова, О. В. (2022) ‘Органы местного самоуправления как субъект муниципальной власти: актуальные проблемы функционирования в свете конституционных изменений’, *Юридический вестник ДГУ*, Т. 41, 1. сс. 31–43. [Borenshtejn, A. L., Kurasova, O. V. (2022) ‘Local self-government bodies as a subject of municipal power: actual problems of functioning in the light of constitutional changes’ [Organy mestnogo samoupravleniya kak sub"ekt municipal'noj vlasti: aktual'nye problemy funkcionirovaniya v svete konstitucionnyh izmenenij], *YUridicheskij vestnik DGU*, Т. 41, 1. pp. 31–43. (In Russ.)].
- Бородкин, Ф. М. (1997) ‘Ценности населения и возможности местного самоуправления’, *Социологические исследования*, 1. сс. 98–111. [Borodkin, F. M. (1997) ‘The values of the population and the possibility of local self-government’ [Cennosti naseleniya i vozmozhnosti mestnogo samoupravleniya]. *Sociological Studies*, 1, pp. 98–111. (In Russ.)].
- Валентик, О. Н. (2022) ‘Европейская Хартия и новый вектор муниципальной реформы в Российской Федерации’, *Этап: экономическая теория, анализ, практика*, 1. сс. 42–56. [Valentik, O. N. (2022) ‘The European Charter and the new vector of municipal Reform in the Russian Federation’ [Evropejskaya Hartiya i novyj vektor municipal'noj reformy v Rossijskoj Federacii], *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 1. pp. 42–56. (In Russ.)].
- Васильев, В. И. (2015) ‘Местное самоуправление: история и современная практика’, *Журнал российского права*, 3, сс. 5–15. [Vasil'ev, V. I. (2015) ‘Local self-government: history and modern practice’ [Mestnoe samoupravlenie: istoriya i sovremennaya praktika], *ZHurnal rossijskogo prava*, 3, pp. 5–15. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я. (2007) ‘От местного самоуправления – к вертикали власти’, *Pro et Contra*, 1 (35), сс. 6–18. [Gel'man, V. YA. (2007) ‘From local government – to the vertical of power’ [Ot mestnogo samoupravleniya – k vertikalii vlasti], *Pro et Contra*, 1 (35), pp. 6–18. (In Russ.)].
- Гильченко, Л. В. (1998) *Местное самоуправление: долгое возвращение: Становление местного самоуправления в России*. Москва: Первый печ. двор, 109 с. [Gil'chenko, L. V. (1998) *Local Self-government: The Long Return: The Formation of Local Self-government in Russia* [Mestnoe samoupravlenie: dolgoe vozvrashchenie: Stanovlenie mestnogo samoupravleniya v Rossii]. Moskva: Pervyj pech. dvor, 109 p. (In Russ.)].
- Долгова, Г. Н. (2012) ‘Последствия политики приватизации и местное самоуправление в Российской Федерации’, *Вестник Поволжского института управления*, 1 (30), сс. 29–35. [Dolgova, G. N. (2012) ‘Consequences of privatization policy and local self-government in the Russian Federation’ [Posledstviya politiki privatizacii i mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii], *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 1 (30), pp. 29–35. (In Russ.)].
- Казанцева, О. Л., Кузина, Е. В. (2022) ‘Местное самоуправление в системе российской государственности: проблемы и перспективы’, *Правоприменение*, Т. 6, 3. сс. 161–171. [Kazanceva, O. L., Kuzina, E. V. (2022) ‘Local self-government in the system of Russian Statehood: problems and prospects’ [Mestnoe samoupravlenie v sisteme rossijskoj gosudarstvennosti: problemy i perspektivy], *Pravoprimeneniye*, Т. 6, 3. pp. 161–171. (In Russ.)].
- Кружков, А. В. (2004) ‘Местное самоуправление в России: несбывающийся проект’, *Политические исследования*, 6, сс. 51–65. [Kruzhkov, A. V. (2004) ‘Local self-government in Russia: an uncomfortable project’ [Mestnoe samoupravlenie v Rossii: nesbyvayushchijsya proekt], *Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 51–65. (In Russ.)].
- Максимов, В. А. (1996) *Проблема местного самоуправления в решениях Конституционного Суда Российской Федерации*. Москва: Юридическая литература. [Maksimov, V. A. (1996) *The problem of Local Self-government in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation* [Problema mestnogo samoupravleniya v resheniyah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii]. Moskva: YUridicheskaya literature. (In Russ.)].
- Мартынов, М. Ю. (2003а) ‘Местное сообщество и социально-экономическая основа местного самоуправления’, *Социологические исследования*, 8, сс. 50–53. [Mar-

- tynov, M. Y. (2003a) 'The local community and the socio-economic basis of local self-government' [Mestnoe soobshchestvo i social'no-ekonomicheskaya osnova mestnogo samoupravleniya], *Sociologicheskie issledovaniya*, 8, pp. 50–53. (In Russ.).
- Мартынов, М. Ю. (2003b) *Местное самоуправление в политической системе России. Теоретико-прикладной анализ: дисс. докт. полит. наук. Москва* [Martynov, M. Y. (2003b) *Local self-government in the political system of Russia. Theoretical and applied analysis* [Mestnoe samoupravlenie v politicheskoy sisteme Rossii. Teoretiko-prikladnoy analiz]: Dr. Diss. (Polit.). Moscow. (In Russ.)].
- Михеева, Т. Н., Михеев, Д. С. (2022) 'Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации', *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право*, Т. 22, вып. 3, сс. 304–309. [Miheeva, T. N., Miheev, D. S. (2022) 'Forms of direct municipal democracy: future transformations' [Formy neposredstvennoy municipal'noy demokratii: gryadushchie transformacii], *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, Т. 22, вып. 3, pp. 304–309. (In Russ.)].
- Оффердал, О. (1999) 'Местное самоуправление в Скандинавии: достижения и перспективы', *Политические исследования*, 2, сс. 155–167. [Offerdal, O. (1999) 'Local Government in Scandinavia: achievements and prospects' [Mestnoe samoupravlenie v Skandinavii: dostizheniya i perspektivy], *Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 155–167. (In Russ.)].
- Панкевич, Н. В. (2016) 'Местное самоуправление в системе государственной власти', *Политические исследования*, 2, сс. 62–79. [Pankevich, N. V. (2016) 'Local self-government within the state governance' [Mestnoe samoupravlenie v sisteme gosudarstvennoj vlasti], *Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 62–79. (In Russ.)].
- Петухов, Р. В. (2020) 'Если ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления?', *Местное право*, 3, сс. 27–34. [Petuhov, R. V. (2020) 'Is there a connection between the destruction of public confidence in local authorities and changes in the constitutional regulation of local self-government' [Esli li svyaz' mezhdru razrusheniyami doveriya obshchestva k mestnym vlastyam i izmeneniyami konstitucionnogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya?], *Mestnoe pravo*, 3, pp. 27–34. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2015) 'Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности', *Политические исследования*, 2, сс. 35–51, [Turovskij, R. F. (2015) 'Russia's local self-government: the agent of the government in the trap of insufficient funding and civil passivity' [Rossijskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoj vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoj passivnosti], *Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 35–51. (In Russ.)].
- Charbit, C., Michalun, M. V. (2009) *Mind the gaps: Managing mutual dependence in relations among levels of government*. Paris: OECD Publishing, 189 p. OECD Working Papers on Public Governance, 14.
- Local governance in developing countries (2006) / Ed. by A. Shah. Washington, DC: World Bank publications, 492 p.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2023

Статья принята к печати: 15.04.2023

**LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA AS A FLUCTUATING POLITICAL REALITY
(DEDICATED TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT
OF LOCAL GOVERNMENT BY THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

M. Y. Martynov

M. Y. Martynov, Doctor of political science, associate Professor, chief researcher,
Surgut state University.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

Abstract

The article discusses the prerequisites for the inclusion of an article on local government in the Constitution of the Russian Federation in 1993. The study shows that at the time there were no objective prerequisites for the formation of local government in Russia in a radical form of local government bodies operating outside from the system of state authorities. Such a scenario was not considered in public discourse up till 1993. It emerged reactively in the context of a political confrontation between the Supreme Soviet and the presidential government in 1993. Soviet officials, in charge of local administrations during the collapse of the Soviet system of power, were the political force interested in such a radical move. In exchange for political support, the presidential draft of the constitution included a clause stating that local authorities are not part of the system of public administration. After political struggles get resolved, the need for the institution of local government disappears. Similar cases in Russian history were also caused by situational political reasons. Hence it is possible to talk about cases of local government emergence in Russia as a special fluctuating political reality. There are limits to institutional methodology, which absolutizes the role of institutions in solving problems of social development.

Keywords: Constitution of 1993; local self-government; municipal administration; local democracy; institutionalism.

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00241).

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-15-25

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА:
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИЛИ САМООБУЧАЮЩАЯСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

Ю. Н. Фролова, М. В. Невзоров

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Невзоров Максим Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: max.nevzorov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7195-9102. ResearcherID: N-6264-2016).

Аннотация

Организационная культура политических акторов рассматривается в контексте соотношения принципов естественной и самообучающейся организации. Актуальность проблематики обусловлена становлением системы публичной власти, а также необходимостью создания понятийной устойчивости в отношении организационной культуры политического актора. Результатом такого осмысления может стать выработка ориентаций акторов (государственных или негосударственных) на конфирмантропную или негантропную биополитику. Методологически статья основана на теории организационных метафор Г. Моргана, подходах П. Сенге, Ф. Селзника, концепции биополитики М. Фуко. Утверждая эпистемологическую значимость аналитического разделения черт естественной и самообучающейся организации при анализе, авторы приходят к выводу о двойственности указанных подходов и их возможном сосуществовании в исследовании организационной культуры политических акторов. Подобный феномен стал возможным благодаря биополитической революции, которая фактически нивелировала этот разрыв. Как следствие, мы находимся на развилке, где первый путь ведет к «биополитической революции», результатом которой становится превращение «ультрасамообучающейся» государственной организации в государство-организм. Второй путь – поддержание нейтральности как организационной цели государства и воплощение этой цели в сети диалоговых структур.

Ключевые слова: организационная культура; политический актор; биополитика; естественная организация; самообучающаяся организация.

В управлении существует неоднозначность трактовки слова «организация», так как, с одной стороны, речь может идти о чем-то уже оформившемся, обладающим целью, структурой и человеческими ресурсами. Но с другой стороны, организация подразумевает процесс, в котором происходит ее становление в первом смысле этого слова. В рамках нашего рассуждения процессы могут развиваться как естественным путем, так и направляться рационально с тем лишь замечанием, что эта рациональность ограниченная, распределенная между многими агентами, как об этом писал Томас Шеллинг, напоминая, что «отклонение от полной рациональности может происходить по различным направлениям. Иррациональность может подразумевать неупорядоченную и противоречивую систему ценностей, плохой расчет, неспособность получить сообщение или неспособность к эффективному общению...» (Шеллинг, 2007: 30). Различие между организацией как результатом и организацией как процессом накладывается на понятия естественной и самообучающейся организаций, позволяя, в свою очередь, определить взаимосвязь объективной структуры с субъективным действием.

Хотя для нас эти различия являются скорее аналитическими, но в процессе исследования мы покажем, что утверждение одного из способов восприятия организации накладывает свой отпечаток на процесс протекания политики. Не вдаваясь в долгие философские размышления, лишь укажем, что

организация как результат развития находится в фокусе классической немецкой философии, но проявляется и в современном политическом дискурсе, где одним из ярких и последних примеров можно назвать идею о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы (Фукуяма, 2010), который постулирует «вечность» либеральной организации власти. Однако данная традиция мысли ставилась под вопрос уже Фридрихом Ницше в его парадоксальном утверждении «о вечном возвращении того же самого». Давая интерпретацию этой идеи, Мартин Хайдеггер пишет: «Бытие и становление лишь кажущимся образом противостоят друг другу, потому что воля к власти как становление в своей глубочайшей сущности есть вечное возвращение того же самого и таким образом – непрерывное опостоянивание того, что лишено постоянства.» (Хайдеггер, 2007: 252). С одной стороны, мы наблюдаем желание дать окончательное и устоявшееся определение, а с другой – должны определить процесс становления организации через практики и процедуры самоописания.

Сегодня, когда Россия находится в процессе создания единой системы публичной власти¹, с нашей точки зрения следует внимательно отнестись к проблематике соотношения естественных и самообучающихся организаций и особенно тех развилок, по которым может пойти их практическое воплощение в жизнь. В теоретическом плане мы бы хотели расширить понимание выдвинутого нами ранее тезиса о том, что «политический режим и политическая система ... не отделимы на уровне процесса от норм, принятых в политической организации, и практик взаимодействия политических акторов друг с другом» (Невзоров, Фролова, 2022: 159). Исходя из этого, мы в начале статьи рассматриваем организацию в перспективе общей теории управления, а затем через критический анализ этой перспективы рассматриваем государственную организацию, которая может пойти или по пути от «ультрасамообучающейся организации» к формированию «государства-организма» или к государственной организации, направленной на поддержание нейтральности и сети диалоговых структур.

Метафоры при осмыслении организационных процессов в теории управления

Ряд теорий организации строятся на использовании метафор с целью определения структуры, особенностей функционирования и специфики менеджмента. Привлечение метафор в таком случае обусловлено их свойствами: будучи изначально лишь средством украшения речи, свойственным художественным текстам, в своем развитии метафора служит не только указанной цели, но и представляет собой более комплексное явление (Lakoff, Johnson, 1980); она, являясь основой концептуальной системы мышления человека, определяет как люди воспринимают информацию, как формируют картину мира и как строят взаимоотношения с другими людьми. Метафора становится основой ежедневных действий, поступков и событий всех сфер человеческой жизни, в том числе и политики.

В каком-то смысле любая теория является метафорой (Morgan, 1997: 5) в силу того, что она создает некую «рамку» для изучения и осмысления процессов. Такой подход характерен для работы Г. Моргана «Образы организации» (Morgan, 1997), где он представляет, каким образом можно заменять разные метафоры для понимания природы организаций. Не отдавая предпочтения какой-либо единственной точке зрения, он подчеркивает, что изучение организаций должно базироваться на преимуществах, создаваемых комбинациями этих подходов. Применительно к политическим акторам мы обратимся к двум метафорам Г. Моргана: естественная организация (организация как организм) и самообучающаяся организация (организация как мозг).

Восприятие организации как естественного организма, заложенное в работах М. Мертона, Т. Парсонса и А. Этциони, явилось продолжением идей Г. Спенсера, который предлагал рассматривать организацию как живой организм, развивающийся в соответствии со своими принципами. В этом смысле процесс организационного развития объективен, а субъективный фактор, реализованный в лице управленца, уходит на второй план и не оказывает значимого влияния на процессы развития организации. На конкретный путь развития организации оказывают влияние как внешние, так и внутренние процессы, которые позволяют ей «самонастраиваться». Г. Морган использует метафору «организация как организм», уделяя особое внимание в таком подходе взаимодействию организационных нужд и окружающей среды, адаптации организации к ее окружению, и утверждает, что разные типы таких «живых организмов» подходят разным видам окружающей среды. Эти ключевые принципы в итоге формулируются в рамках «теории непредвиденных обстоятельств» (contingency theory) (Morgan, 1997: 44), которая, в частности, определяет основную цель менеджмента как «выравнивание» или способствование адаптационным процессам. При этом подходы к управлению могут разли-

¹ См. определение в ст. 2 ФЗ № 394 «О Государственном Совете Российской Федерации».

чаться не только между организациями, но и между частями одного целого – в зависимости от конкретных задач и особенностей окружающей среды.

По-другому рассматриваются акторы в метафоре самообучающейся организации (организация как мозг). Значимый вклад в развитие концепции «самообучающихся» организаций сделал П. Сенге. Он утверждал, что такого вида организация невозможна без единой цели (Сенге, 2018: 233). В отличие от естественных организаций в самообучающихся важны субъективное начало и фактор личного и/или коллективного лидерства: в такой организации именно люди «создают реальность, в которой они живут (Сенге, 2018: 31)». Рассматривая обучающиеся организации, Г. Морган основное внимание уделяет идее, что все организации представляют собой информационные системы и системы, принимающие решения (Morgan, 1997: 78). Внедрение принципов самообучения в политических акторах, прежде всего в органах государственного управления, связано с изменениями организационной культуры в целом и невозможностью справиться с «теми проблемами и требованиями, которые выдвигает современная ситуация и общество» (Идрисова, 2006: 18). В результате чего на первый план выходит не структура или специфика управления организации, а ее миссия и ценности. «Ценностный аспект наиболее важен для становления самообучающихся организаций» (Концевич, 2018: 94) в связи с тем, что он обеспечивает опорную структуру, необходимую для современного управления.

Представляется значимой связь между инновационностью как характеристикой организационной культуры и самообучающейся организацией. Важным отличительным свойством самообучающейся организации является преобладание «обучения, направленного на создание инноваций» (Идрисова, 2006: 32). С точки зрения П. Сенге (Сенге, 2018: 246) потребность в новаторстве является критическим аспектом группового обучения в организации. Причем феномен создания «нового» представляет собой не некое неотъемлемое свойство самообучающихся акторов, которое существует само по себе, а результат диалога и дискуссии как главных методов работы в группе. Инновационность «фиксирует тип внутреннего организационного устройства, для которого характерны высокая нацеленность на системные и систематические нововведения в управлении организацией, персоналом, параметрами производимых продуктов и услуг, взаимодействием с внешней средой организации» (Батоврина, Черняева, 2018). Одним из приоритетных направлений формирования инновационности является развитие и внедрение принципов самообучающейся организации, и тогда, как следствие, любая инновационная организация является самообучающейся.

Роль цели, системы и структуры в организациях

В указанных типах организаций значимым для политического актора различием является та роль, которая отводится цели, системе и структуре. В естественных организациях цель – лишь результат функционирования, тогда как в самообучающихся – цель является одним из определяющих факторов развития. При этом прослеживается связь между растущей потребностью в знаниях и существовании целенаправленных организаций – так, в подходе Д. Норта организации создаются для достижения целей своих создателей (Норт, 1997: 97). Развитие общества и организаций вместе с ним привело к осознанию важности обучения как приобретения знаний, «практической пользы от чистой науки» (Норт, 1997: 99).

В подходе П. Сенге к структуре и системе, а точнее, к системности, отводятся определяющие функции в формировании самообучающейся организации. «Никакой организации не удастся наладить продуктивную учебу, если над мышлением людей господствуют кратковременные события. Если думать только о событиях, то самое большее – мы научимся их предугадывать так, что сможем реагировать заблаговременно и оптимальным образом. Но так мы никогда не научимся творить» (Сенге, 2018: 46). В связи с этим системное мышление становится определяющим для развития самообучающихся организаций и их взаимодействия с миром: «цель – изменить ум, научить его видеть не части, а целое» (Сенге, 2018). Характеризуя фактор системности, П. Сенге подмечает, что самые разные люди в рамках одной системы обычно показывают сходные результаты. В самообучающихся организациях структура системы представляет собой ключевые взаимоотношения, которые определяют динамику поведения в рамках системы, то есть структура влияет на поведение, являясь своего рода независимой переменной. Что касается естественных организаций, то здесь структура может меняться под влиянием внешней среды, что ставит ее в позицию зависимости.

Сами структуры организаций могут быть различными, что отражено в структурно-функциональном подходе Ф. Селзника. Политические акторы, по мнению Ф. Селзника (Selznick, 1948: 25), представляют собой формальные структуры – рационально организованные инструменты

для достижения установленных целей. Таким образом, формальная организация – это структурированное представление рационального действия. Однако индивиды, состоящие в такой организации, своими действиями могут нарушать формальную структуру, создавая таким образом девиации в структуре. Ф. Селзник подчеркивает (Selznick, 1948: 7), что большие организации (к которым, в целом, и относятся политические акторы) такие девиации стремятся устранить путем институционализации, создавая неформальные паттерны. Такие неформальные механизмы впоследствии могут как нанести вред, так и принести пользу всей организации в целом. Однако важным здесь остается тот факт, что индивид своим неформальным влиянием меняет формальную организацию. Ф. Селзник подчеркивает, что хотя индивиды и ограничивают формальность и рациональность организации, ее характеристики не сводятся к характеристикам индивидов. Формальная организация является органическим образованием, которое «принимает решения, действует и вносит коррективы» (Selznick, 1948: 28). В попытке примирить формальное и неформальное, личные потребности индивида и приверженность (commitment) коллективным принципам организации Ф. Селзник предлагает следующий принцип организационного анализа: «Выделить те потребности, которые не могут быть удовлетворены посредством одобренных путей самовыражения и, следовательно, должны удовлетворяться посредством таких адаптивных механизмов, как идеология и манипулирование формальными процессами и структурами с точки зрения неформальных целей» (Selznick, 1948: 32). Растущая значимость формализации ограничений связана с усложнением общественных и, как следствие, организационных процессов. Все большая формализация процессов происходит из-за создания сложных иерархических систем (Норт, 1997: 67), что позволяет решать сложные конфликты и снижать организационные издержки. В этом смысле формальные правила направлены на повышение общей эффективности работы.

Р. Мертон связывает формальность и рациональность как характеристики организаций: здесь каждое действие или совокупность действий «функционально связаны с целями организации» (Merton, 1940). Власть привязана не к отдельному лицу, а к «ведомству» (офису) и является производной от общепризнанного статуса конкретного ведомства. Формальность обеспечивается определенными социальными ритуалами и существующими правилами, которые поддерживают иерархичный порядок. Такой порядок позволяет минимизировать разногласия и упрощает взаимодействие сотрудников. Идеальным типом такой организации является бюрократия в понимании М. Вебера. Однако в этой модели возникает коллизия между требуемой жесткой дисциплиной для обеспечения рациональности самой структуры и нерациональными чувствами и эмоциями, которые могут как усиливать, так ослаблять структуру.

Возможно ли сосуществование принципов естественной и самообучающейся организации?

Представляется, что некий синтез естественной и самообучающейся организации прослеживается в подходе Ф. Лалу о «бирюзовых» организациях. В отличие от метафоричного подхода Г. Моргана, Ф. Лалу рассматривает все организации проходящими определенные этапы развития, последним на сегодняшний день (но не финальным) из которых является «бирюзовый» (Лалу, 2020). В основе «бирюзовой» стадии лежат три основных принципа: самоорганизация как отсутствие жесткой иерархии и переход к сетевой структуре с акцентом на работу в командах; наличие эволюционной цели, которая определяется в процессе развития организации, развивается вместе с ней (здесь мы видим сходство с «естественной организацией»), при этом все сотрудники понимают эту цель и все свои действия «сверяют» с нею; целостность как отношение к сотрудникам организации: они воспринимаются не как инструменты для достижения какой-либо цели, а как целостные личности с неповторимым набором качеств. Структура «бирюзовой» организации существенно упрощается (Лимарев, 2022: 76), а сама организация на последней стадии развития воспринимается как «живой организм» – прямая связь с идеей «естественных» организаций. «Бирюзовая» стадия в развитии организаций соответствует этапу самореализации в иерархии потребностей А. Маслоу – процесс, который тесно связан с самообучением и самоуправлением как самой организации, так и ее сотрудников. Этот аспект приближает «бирюзовый» этап к концепции самообучающихся организаций.

Однако так ли важно четко выделять, какой именно является каждая конкретная организация – естественной или самообучающейся? На примере «бирюзовых» организаций можно увидеть успешно реализованный синтез обоих подходов. Обращаясь к Г. Моргану, стоит вспомнить его утверждение об ограниченности любой теории самой по себе (Morgan, 1997, 8) и, как следствие, необходимости использования сильных сторон каждого из подходов. Таковыми, например, в рамках подхо-

да к организации как к «живому организму» являются акцент на взаимосвязь с внешней средой и внимание к «потребностям» организации, необходимым для ее выживания (Morgan, 1997: 67). А восприятие организации «как мозга» открывает путь для процесса саморазвития и создает возможность для пересмотра принципов управления (Morgan, 1997: 116). Рассмотренная выше «формальность организации» как эмпирическое выражение ее рациональности и связанная с ней иерархичность структуры может становиться препятствием для формирования «бирюзовой» стадии в связи с тем, что иерархия напрямую диссонирует с первым признаком «бирюзовых» организаций – отсутствие иерархии и развитие сетевой структуры. Так, например, политическая партия с четкой иерархичной структурой, вероятно, не может стать полностью «бирюзовой» – в противном случае ей пришлось бы трансформироваться в сетевую организацию.

Возникает вопрос: может ли «бирюзовая» организация быть естественной? Или же она представляет собой синтез некоторых признаков, взятых из обеих теоретических концепций? Вероятно, ответы на эти вопросы предстоит дать в процессе исследований, однако некоторое представление об указанной проблематике было дано уже Ф. Лалу. Обозначая необходимые условия для перехода на «бирюзовую» стадию, он делает акцент лишь на двух моментах – мировоззрение высшего руководства и владельцев компании (Лалу, 2020: 297); таким образом, субъективное начало организации выходит на первый план в процессе перехода на «бирюзовую» стадию, в то время как в естественных организациях субъективный фактор в принципе вторичен. С другой стороны, сама идея существования этапов развития организаций предполагает эволюционность процесса; в этом смысле организации – «просто выражение нынешнего мировоззрения, текущей стадии развития» (Лалу, 2020: 27), то есть лишь результат общего исторического процесса, развития внешней среды – одного из ключевых аспектов, определяющих «естественную» организационную метафору. Как следствие, можно предположить, что сама классификация «самообучающихся» и «естественных» организаций как отличных и самостоятельных единиц излишне категорична.

Определенная взаимосвязь указанных организационных форм прослеживается и у Д. Норта (Норт, 1997: 102): специфика необходимого знания, а значит и процесс обучения находятся в зависимости от конкретного институционального контекста, некой внешней среды организации. Процесс влияния внешней среды на обучение формирует определенные адаптационные механизмы организации, что свойственно «естественным» организациям. С развитием данных процессов знание становится не только продуктом внутреннего пользования организации, но и направляется вовне – в ту самую внешнюю среду, которая стала мотиватором приобретения этого знания. Здесь Д. Норт приводит пример того, как различные организации создают собственные образовательные программы, оказывающие влияние на общество (Норт, 1997: 105). В современном мире можно найти множество примеров подобных явлений: экономические акторы, создающие различные обучающие продукты; общественные организации и политические партии, представляющие различные тренинги, семинары и т. д. Сосуществование и двойственность метафор организационного развития можно увидеть на примере политических акторов.

Организационные метафоры в осмыслении государства

Метафоры могут субъективировать государственную организацию, наделяя ее чертами самообучающейся организации. Мартин ван Кревельд дает такое определение государства – «это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным... С другой стороны, государство включает в себя их всех и претендует на то, чтобы стоять над всеми ними. <...> Государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом (*persona*)» (Ван Кревельд, 2006: 11) Он же описывает практики, которые бы проводили различие между государством и всеми остальными акторами, но одновременно такими практиками, которые позволили бы включить этих акторов в единое политическое образование. Создание бюрократии, инфраструктуры, инструменты монополизации насилия и развитие соответствующей политической теории требовали целенаправленных интервенций в органическую общественную ткань. В этом процессе требовалось организовывать процесс самообучения всех участников организационной структуры.

На первый план выходит представление государства как абстрактной сущности. Анализируя дискуссию марксистов о происхождении государства, Теда Скочпол отметила «давнюю социологическую традицию» объединять государство и общество как эпистемологическую проблему. Вместо этого при изучении социальных революций она взяла за основу гипотезу о существовании *автоном-*

ной государственной организации как действующей в соответствии с интересами господствующего класса, но также и соперничающей с ними (Скочпол, 2017: 62–78).

Однако другие исторические социологи показывают органический характер государства, указывая на непредвиденные изменения во внутренней структуре под воздействием внешнего окружения. Чарльз Тилли показывает, что в исторической перспективе ведение войны требовало не только целенаправленного расширения правительственных структур или введения централизованной налоговой системы, но и создания институтов, с помощью которых можно было «заручиться хотя бы молчаливым согласием почти всего населения и активным содействием немногих, но важнейших людей» (Тилли, 2009: 120). Совершенно в духе «теории непредвиденных обстоятельств» эти институты привели в дальнейшем к парадоксальному «огражданствлению» государства (переходу власти от военных к гражданскому правительству), связанному с увеличением потребностей гражданской экономики, расходов на невоенные цели и ростом гражданского производства (Тилли, 2009: 183).

Далее В. А. Гуторов критикует ван Кревельда за то, что «отождествляя понятия „государство“ и „современное государство“, он с огромной легкостью „лишает“ государственного статуса практически все политические институты, возникшие и просуществовавшие до XVII в.» (Гуторов, 2014: 104) В перспективе статьи данного автора видно как сложно оказывается в политическом анализе отделить естественно сложившиеся политические организации (государства вообще) и самообучающиеся организации (современное государство (state)). Однако хотелось бы отметить, что выделяемые В. А. Гуторовым определения «политики», «правительства» и «лидерства», на наш взгляд, хотя и присутствуют во всех исторически сложившихся *конкретных* политических образованиях (племя, полис, империя и т.д.), но в конце концов они вместе взятые еще не образуют «абстрактной сущности» – автономной государственной организации, которая бы целенаправленно выделяла себя по отношению к внешнему окружению (или даже – намеренно создавала это внешнее окружение).

Целеполагание и инновационность государственной организации

В качестве яркого примера различия в способах целеполагания в естественных и самообучающихся организациях приведем диалог Платона «Критон», в котором гражданин полиса ставит перед Сократом дилемму – бежать или не бежать из полиса. Позиция Критона проста – Сократа осудила часть граждан полиса, но это несправедливо, так как они представляют лишь сами себя, поэтому мы – друзья Сократа, представляющие другую сторону – должны помочь своему другу. Цель Критона (спасти Сократа) вытекает из естественной организации жизни социальной реальности, где личная преданность и мнение ближайшего окружения ценится прежде всего.

Но Сократ говорит о том, что у него есть некий договор не только с гражданами Афин, но также с Законами и Государством, а бегство из Афин будет несправедливо, так как нарушает первоначальные условия («Как же это так, – могут сказать Законы, – разве у нас с тобою, Сократ, был еще какой-нибудь договор, кроме того, чтобы твердо стоять за судебные решения, которые вынесет город?» (Платон, Критон, пер. М.С.Соловьева)). Этот договор, понимается как соглашение о будущем, в котором Сократ должен рассматривать решение большинства как решение целого Полиса, даже в том случае, если большинство осудило его на смерть! Личное целеполагание Сократа исходит из несуществующей социальной реальности, представляя ее так, как будто она уже существует в ней. Примечательно, что Критон настолько не понимает, о чем идет речь, что для простоты Сократу (как и затем Гоббсу) приходится обращаться к приему *просопопеи* и наделять антропоморфными чертами Законы и Государство, помогая тем самым вживую явить Критону эти самостоятельные абстрактные сущности.

Ясно, что принцип автономии-представительства существовал в политической мысли очень давно, однако, превратить его в политическую инновацию стало возможно намного позднее. Интересно, что первым это сделал Т. Гоббс из вполне прагматичных соображений: ему требовалось обосновать первенство монарха в естественной организации власти под влиянием нового социального контекста, запустившего революционные процессы в Англии. С этой целью он вводит понятие «суверен» и наделяет его автономией по отношению к своим подданным и одновременно правом представительства этих подданных (в отношениях с другими государствами или внутри – при решении споров между ними). Такая инновация неожиданно представила смертного монарха, да еще и зависимого от своего происхождения и обязательств феодального толка, в качестве абстрактной сущности, что, вероятно, мыслилось в качестве чуда в глазах рядовых современников и обладало для них чертами эзотерического знания, выводящего на передний план, по словам Карла Шмитта, «многочисленных»

значный мифический образ Левиафана, соединяющий в себе Бога, человека, зверя и машину» (Шмитт, 2006: 146). Однако вполне в духе времени, победила метафора именно машины, порождающей нейтральную область государства, в которой люди «могли бы понимать друг друга и, по крайней мере, прийти к компромиссу, обрести покой, обезопасить и упорядочить свое существование» (Шмитт, 2006: 165). Надо сказать, что эта политическая инновация в конце концов сыграла злую шутку с монархами: оказалось, что функции суверена могут быть возложены на бюрократию и представителей народа, а его учреждение лучше всего доверить «нации».

Объединение двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу принципов – автономии и представительства – породили политическую инновацию, разительно отличающую современное государство (state) от любых других политических образований в истории. Особенность данных отношений, по всей вероятности, кроется в договорных отношениях, которые позволяют *формировать представительство одновременно с учреждением автономии лица-представителя*. Представительство, конечно, существовало и раньше, но всегда лишь как техническое дополнение к тем лицам, которые его наделили такими полномочиями, а автономные группы (societas), как естественные организации, какое бы доминирующее положение они не занимали в обществе, всегда были лишь представителями самих себя. Отметим, что слово societas, согласно Ханне Арендт, «исходно имело в латинском отчетливый, хотя и ограниченный политический смысл; оно означало союз, в который люди вступают друг с другом ради определенной цели, например, чтобы достичь господства над другими или даже совершить преступление» (Арендт, 2017: 36).

Но зачем же было создавать эту самообучающуюся организацию в противовес размеренной естественной организации власти? Государство стало связываться с пониманием договорных отношений, затрагивающих не сферу кратковременного здесь и сейчас, а отдаленного будущего. У Гоббса мы находим различие между договором (contract) как «взаимным перенесением права» и соглашением (covenant), когда «обе стороны могут договориться сразу о том, что их взаимные обязательства будут выполнены после» (Гоббс, 1991: 102). И обратим внимание, что в естественном состоянии Гоббс постулирует невозможность соглашений («тот, кто первый выполняет условия соглашения, не имеет уверенности в том, что другой со своей стороны выполнит их потом» (Гоббс, 1991: 104)). Только наличие третьей стороны – автономной, но одновременно представляющей обе стороны соглашения – позволяет осуществиться *будущему*, которое становится предсказуемым и управляемым, а значит позволяет в *настоящем* заниматься рациональным целеполаганием.

Формализация государства и рефлексивная практика

То, что проделывают Сократ и Гоббс можно было бы, следуя за Мишель Фуко, назвать рефлексивной практикой, которая после осмысления предмета перемещает его в фокус внимания людей и наделяет таким образом чертами независимой сущности. Способ открытия государства влияет на последующее обращение людей с этим объектом. «...Этот способ был наверняка не фактором, безусловно определяющим развитие государственных структур, которые в действительности существовали гораздо раньше, – армии, налоговой системы, правосудия ... но это было безусловно важным для того, чтобы все эти элементы вошли в область активной, согласованной, рефлексивной практики, в область, которая и была государством.» (Фуко, 2011: 361)

До Нового времени государство похоже не проявляло своей материальной природы, а значит не могло соединиться с уже существующими и перечисленными выше инфраструктурами по типу армии и налоговой системы. Так было до момента осмысления концепции государственного интереса – *raison d'état* – как замкнутой на себя сущности государства и одновременно искусства управления, поддерживающего его целостность. Фуко на основе работ мыслителей XVII в. (Палаццо, Хемниц, Бэкон) утверждает, что «цель государственного интереса – это само государство, и если в нем имеется что-то вроде совершенства, счастья, благополучия, то это всегда будет совершенство, счастье, благополучие самого государства» (Фуко, 2011: 338). Обоснование государства происходит в это же время через «государственный переворот», выходящий за пределы общего права и утверждающее государство в отрыве от него – «это чрезвычайные действия вопреки общему праву, действия, которые не сохраняют никакого юридического порядка, никакой формы юстиции.» (Фуко, 2011: 342). Государственный переворот утверждает государство как некоторую «необходимость» перед лицом всех остальных политических субъектов. Конечно, такое утверждение происходит с помощью насилия, но в логике Фуко справедливо будет назвать такое насилие «самообороной», в том смысле, что его задача – обосновать автономию государства от естественного окружения только в чрезвычайной ситуа-

ции. Государство следует неформальным правилам, к которым прибегает для создания искусственных границ с внешней средой.

Далее рефлексивная практика, как показывает М. Фуко, переходит на внешнюю среду и через биополитические практики превращает людей («внешнее окружение») в «население» как объект осмысленного управления. Вместе с этим меняется и практика управления, которая теперь заменяет дисциплинарную власть над телами подданных на биополитическую власть над статистическими совокупностями. Переход происходит уже в тот момент, когда Бэкон перестает рассматривать возможность народного мятежа как угрозу суверену, а прочитывает его как «нечто такое, что нуждается в управлении» (Фуко, 2011: 354). Мятеж стал восприниматься в своей регулярности, так же, как любое стихийное бедствие, и прочитываться в некотором вероятностном ключе. Можно даже обратить внимание на связь между развитием государства, появлением биополитической практики управления населением и страховым делом, равно как института векселя и организаций, обеспечивающих их дееспособность, в этот период времени (Арриги, 2006). В этот момент стоит отметить важную развилку: с одной стороны, естественная организация людей не предполагала наличия государства, но именно с помощью него «население» научилось создавать автономии-представительства для себя и *самостоятельно* ставить и достигать целей в экономической и социальной сфере, с другой стороны, государство не терпело конкуренции со стороны населения, видя в нем угрозу спокойствия, но и не могло без него как источника собственной мощи.

Ультрасамообучающаяся государственная организация

Европейское прочтение проблемы мощи государства (power) было связано с развитием института «полиции» (Фуко, 2011: 405–431), внутри которого разрабатывались методики «укрощения» населения и создания из него стабильной структуры. В этот момент статистика стала инструментом биополитики, который появляется из необходимости разделить и упорядочить общественное «тело» населения, живущего в своих замкнутых естественных организациях. Ключевым здесь становится выбор критериев деления общества, а осуществление власти становится самой возможностью установить иерархию во благо одних против других – «заставить жить и позволить умереть» с помощью инструментов регулирования населения как альтернатива «заставить умереть и позволить жить» с помощью дисциплинарных техник, направленных на тело отдельного индивида. Пересечение двух техник власти привело к формулированию «нормы» (Фуко, 2005: 266–267) и идеи нормализующегося общества, общества, находящегося в некотором желаемом равновесии (и даже в его биологическом аналоге «гомеостаза»). Где ключевой инновацией является тот факт, что это равновесие может быть задано извне государственными инстанциями.

Именно из этого контекста становится возможным появление метафоры организации как «организма», по отношению к которой государство может играть роль «ультрасамообучающейся» организации. Это убирает человека во всем его многообразном бытии и замыкает его в естественных организациях, по отношению к которым государство создает регуляторные механизмы. И процесс «гомеостаза» будет тем эффективнее, чем добровольнее люди будут следовать нормальному поведению, за насилием же закрепляется лишь функция избавления системы от ненормального (нестественного) поведения. (В этом ключе выделяется теория «нового» насилия в статье Родионовой и Смирнова (2022).) Интересно, что выделяемый М. Фуко американский способ биополитики, когда население и каждый индивид отдельно самостоятельно обращаются к себе как к саморефлексивной практике, через которую и осуществляется биополитика (Фуко, 2010: 273–333), в этом ключе стал даже более эффективным механизмом биополитического управления, чем полиция.

Можно согласиться, что после «государственного переворота» спустя века мы переходим в состояние биополитической революции, т. е. окончательное утверждение естественной организации для населения, учреждение населения, совмещающего требования «еще большего потребления, еще большей заботы» с требованием «возврата былого уровня потребления» (Яркеев, Попов, 2022: 16). Появляется допущение о неразличимости государства и общества, сообщающихся по модели «организма». Государство-организм опирается на механизм негативного деления населения – на тех, кто достоин, и тех, кто не достоин нормального уровня потребления. В конце концов биополитическая революция угрожает самообучающейся организации государства и уничтожает политическое пространство. После биополитической революции единый организм начинает воспроизводить себя, естественная организация поглощает самообучающийся тип управления, а автономный представитель лишается автономии – вот метафорические итоги данного процесса.

Возможна ли «бирюзовая» государственная организация?

Рисуя процесс утверждения самообучающейся организации, мы пришли к утопии «государства-организма». На каком этапе организации государственной власти возможно найти инновацию, которая бы иным образом объединяла метафоры естественной и самообучающейся организации. Возможно, такой целью государства может стать *нейтральность* – изначально государство создавалось для создания такой области, в которой люди могли бы свободно проявить себя. А затем, перефразируя Мишеля Фуко, скажем, что речь должна идти не о том, чтобы дать индивидам определенное представление, определенную идею, навязать им нечто, а в том, чтобы воспользоваться активно их позицией, мнением, способом действия (Фуко, 2011: 362–363).

Возражения против такого способа организации обычно исходят из требования наличия в современной государственной организации «единой воли и единого разума», а различие между частным и публичным, внутренним мнением и внешним выражением согласия, согласно критике К. Шмитта, разрушает государство (Шмитт, 2006: 200). Но представляется, что такое мышление не способно зафиксировать процесс становления государственной организации. А требование «единой воли» в итоге приводит или все к той же зависимости государства от общества (т. е. сведение его до *societas* как представителя части общества, сколь бы большой эта часть не была) или наоборот к «защите» общества и сохранению его в первоначальной «естественной» форме.

Но существует значимое предостережение Карла Шмитта, выступающего против разделения общества и государства: «косвенные инстанции» (организации гражданского общества) через парламент подчинили себе государство (Шмитт, 2006: 22). Создав однажды нейтральную область, государство рискует быть разорванным на части совершенно не нейтральными организациями.

Интересно, что ответ лежит в плоскости отвергаемого Шмиттом понятия: «правовое государство не есть вообще ни цель, ни содержание того или иного государства, а лишь способ и характер их осуществления» (Роберт Моль цит. по Шмитт, 2006). Да, парламент может стать инструментом подчинения государства (так, Сократ в диалоге «Критон» сам признавал, что его осудили несправедливо), но, с другой стороны, он есть способ и характер его осуществления как правового государства (и поэтому Сократ признавал решения Суда, хотя и присягал Законам и Государству). Карл Шмитт не замечает важности таких промежуточных звеньев между обществом и государством, как парламент в *нейтрализации* как победы частного, над общим, так и победы общего над частным. Но парламент в организационном смысле необходимо понимать в широком смысле как *сеть диалоговых структур*, сталкивающих друг с другом все возможные организации при решении споров.

Государственная организация, направленная на поддержание нейтральности и сети диалоговых структур, производит опыт взаимодействия людей, который учит отделять себя от целей и структуры частной организации, но оставляет за человеком право черпать из нее свои идеи для общей жизни. Взаимодополнение друг друга воспроизводит единство и различия естественной и обучающейся организации, где, выражаясь словами Фуко, первая – не позволяет «изолировать индивида, отрезать его от других, расколоть жизнь сообщества», а вторая – «утверждает право [индивида] на различие» (Фуко, 2006: 166–167).

Список литературы / References

- Арендт, Х. (2017) *Vita Activa, или о деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс. [Arendt, H. (2017) *The Human Condition* [Vita Activa, ili o deyatel'noy zhizni]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russ.)].
- Батоврина, Е. В., Черняева, Г. В. (2018) 'Принципы и ключевые направления формирования инновационной организационной культуры', *Известия Юго-Западного государственного университета а. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, т. 8, 2 (27), сс. 196–202. [Batovrina, E. V. and Chernyayeva, G. V. (2018) 'The principles and key directions of cultivating innovative organizational culture' [Printsipy i klyuchevyye napravleniya formirovaniya innovatsionnoy organizatsionnoy kul'tury], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, vol. 8, 2 (27), pp. 196–202. (In Russ.)].
- Ван Кревельд, М. (2006) *Расцвет и упадок государства*. Москва: ИРИСЭН. [Van Kreveld, M. (2006) *The Rise and Decline of the State* [Rastsvet i upadok gosudarstva]. Moscow: IRISSEN (In Russ.)].
- Гуторов, В. А. (2014) 'К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций', *Политик*, 3, сс. 91–110. [Gutorov, V. A. (2014)

- ‘To the Question of the Origin of State: Paradoxes and Anomalies of Modern Interpretations’ [K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii], *Polis*, 3, pp. 91–110. (In Russ.).
- Идрисова, А. Р. (2006) *Формирование самообучающейся организации в системе государственного управления*: дисс. ... канд. соц. наук. Казань: КГТУ. [Idrisova, A. R. (2006) *Formation of a self-learning organization in the public administration system* [Formirovaniye samoobuchayushcheysya organizatsii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya]. PhD Diss. Kazan’: KGTU. (In Russ.).]
- Концевич, Г. Е. (2018) *Анализ факторов и тенденций становления самообучающихся организаций в современной России*. Майкоп: Магарин О. Г. [Kontsevich, G. E. (2018) *Analysis of factors and trends in the formation of self-learning organizations in modern Russia* [Analiz faktorov i tendentsiy stanovleniya samoobuchayushchikhsya organizatsiy v sovremennoy Rossii]. Maykop: Magarin O.G. (In Russ.).]
- Лалу, Ф. (2020) *Открывая организации будущего*. Москва: МИФ [Laloux F. (2020) *Reinventing organizations* [Otkryvaya organizatsii budushchego]. Moscow: MIF. (In Russ.).]
- Лимарев, П. В. (2022) ‘Информация как элемент управления в "бирюзовых" организациях’, *Теоретическая экономика*, 7(91), сс. 74–80. DOI 10.52957/22213260_2022_7_74. [Limarev, P. V. (2022) ‘Information as an element of management in teal organizations’ [Informatsiya kak element upravleniya v "biryuzovykh" organizatsiyakh], *Teoreticheskaya ekonomika*, 7(91), pp. 74–80. (In Russ.).]
- Невзоров, М. В., Фролова, Ю. Н. (2022) ‘Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования’, *Государственное управление. Электронный вестник*, 90 (февраль), сс. 156–171. DOI 10.24412/2070-1381-2022-90-156-171 [Nevzorov, M. V. and Frolova, Yu. N. (2022) ‘Organizational Culture of Political Actors as a Prospective Research Direction’ [Organizatsionnaya kul'tura politicheskikh aktorov kak perspektivnoye napravleniye issledovaniya], *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 90, pp. 156–171. (In Russ.).]
- Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала» [North, D. (1997) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* [Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”. (In Russ.).]
- Родионова, М. М., Смирнова, Н. М. (2022) ‘Корабль Тесея: трансформация понятия насилия в политической социальной теории’, *Полития*, 3 (106), сс. 6–27. DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27 [Rodionova, M. M. and Smirnova, N. M. (2022) ‘The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory’ [Korabl' Teseia: transformatsiya poniatii nasiliya v politicheskoi sotsial'noi teorii], *Politiia*, 3 (106), pp. 6–27. (In Russ.).]
- Скочпол, Т. (2017) *Государства и социальные революции*. Москва, Изд-во Института Гайдара [Skochpol, T. (2017) *States and Social Revolutions* [Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.).]
- Сенге, П. (2018) *Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающихся организаций*. Москва: МИФ [Senge, P. (2018) *The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization* [Pyataya distsiplina. Iskustvo i praktika samoobuchayushchikhsya organizatsiy]. Moscow: MIF. (In Russ.).]
- Тилли, Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства 990–1992 гг.* Москва: Территория будущего [Tilli, Ch. (2009) *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990* [Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva 990–1992 gg.]. Moscow: Territoria budushchego. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2005) *Нужно защищать общество*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2005) *Il faut défendre la société* [Nuzhno zashchishchat' obshchestvo]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2010) *Рождение биополитики*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2010) *Naissance de la biopolitique* [Rozhdenie biopolitiki]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]
- Фуко, М. (2011) *Безопасность, территория, население*. СПб.: Наука [Fuko, M. (2011) *Sécurité, territoire, population* [Bezopasnost', territoria, naselenie]. SPb.: Nauka. (In Russ.).]

- Фуко, М. (2006) 'Субъект и власть' в: Фуко, М. *Интеллектуалы и власть*, ч. 3. Москва: Праксис, сс.161–190 [Fuko, M. (2006) 'Subject and Power' [Sub"ekt i vlast'] in: Fuko, M. *Dits et écrits* [Intellektualy i vlast'], chast' 3. Moscow: Praksis, pp. 161–190. (In Russ.)].
- Фукуяма, Ф. (2010) *Конец истории и последний человек*. Москва: АСТ; Полиграфиздат [Fukuiaа, F. (2010) *The End of History and the Last Man* [Konets istorii i posledniy chelovek]. Moscow: AST; Poligrafizdat. (In Russ.)].
- Хайдеггер, М. (2007) 'Метафизика Ницше' (1940) в: Хайдеггер, М. *Ницше*. Том II. Москва: Владимир Даль, сс. 225–350 [Khaidegger, M. (2007) 'Nietzsches Metaphysik' (1940) [Metafizika Nitsshe] in: Khaidegger, M. *Nietzsche* [Nitsshe]. Tom II. Moscow: Vladimir Dal', pp. 225–350. (In Russ.)].
- Шеллинг, Т. (2007) *Стратегия конфликта*. Москва: ИРИСЭН [Shelling, T. (2007) *The Strategy of Conflict* [Strategiya konflikta]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. СПб.: Владимир Даль [Shmitt, K. (2006) *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes* [Leviathan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbса]. SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.)].
- Яркеев, А. В., Попов, Д. В. (2022) 'Биополитическая революция: pro et contra', *Полития*, 2 (105), сс. 6–23. [Iarkeev, A. V. and Popov, D. V. (2022) 'Biopolitical revolution: pro et contra' [Biopoliticheskaia revoliutsiia: pro et contra]. *Politiia*, 2 (105), pp. 6–23. (In Russ.)].
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merton, R. K. (1940) 'Bureaucratic structure and personality', *Social Forces*, vol. 18, 4, pp. 560–568.
- Morgan, G. (1997) *Images of organization*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.
- Selznick, P. (1948) 'Foundations of the theory of organization', *American Sociological Review*, vol. 13, 1, pp. 25–35.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2023

Статья принята к печати: 17.04.2023

ORGANIZATIONAL CULTURE OF POLITICAL ACTOR: NATURAL OR SELF-LEARNING ORGANIZATION

Yu. N. Frolova, M. V. Nevzorov

Yu. N. Frolova, Candidate of Political Science, Department of Political Science, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

M. V. Nevzorov, Candidate of Political Science, Department of Political Science, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: max.nevzorov@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7195-9102. ResearcherID: N-6264-2016).

Abstract

The article addresses the issue of organizational culture of political actors within the principles of natural and self-learning organization. The relevance of the subject is determined by the formation of the system of public authority, as well as the need to create conceptual stability in relation to the organizational culture of the political actor. As a result, the orientations of actors (be it the state or actors inside/outside the state) on confirmantropic or negantropic biopolitics may be developed. Methodologically, the article is based on the theory of organizational metaphors by G.Morgan, the approaches of P.Senge, F.Selznick, and the concept of biopolitics by M.Foucault.

Asserting the epistemological significance of the analytical separation of natural and self-learning organization in the analysis of actors, the authors assume that there is a duality and possible coexistence of these approaches in the study of the organizational culture of political actors. Such a phenomenon became possible due to the biopolitical revolution that leveled this gap. As a result, there is a paradoxical possibility of the formation of a negantropic biopolitics that denies the significant role of an autonomous individual and leadership, suggesting a rejection of the emergence of self-learning political actors.

Keywords: organizational culture; political actor; biopolitics; natural organization; self-learning organization.

Политические институты, процессы, технологии

УДК: 323:353(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-26-38

ПЕРМСКИЙ ВАРИАНТ: КАКИХ ГУБЕРНАТОРОВ И ПОЧЕМУ ПРЕДПОЧИТАЮТ МЕСТНЫЕ ЭЛИТЫ И ЭКСПЕРТЫ?

А. Е. Чирикова

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт Социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра РАН, Россия, Москва.

E-mail: chirikova_a@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7980-3150. ResearcherID: P-3106-2016).

Аннотация

Рассматриваются оценки деятельности губернаторов Пермского края его региональными и муниципальными элитами во временной перспективе – с 2005 по 2022 гг. Особое внимание уделяется сравнительному анализу деятельности губернаторов-«варягов» и местных фигур, в том числе с федеральным опытом. Анализ строится на материалах интервью с экспертами и местной элитой, проведенных автором в разные годы – в 2011, 2018, 2020, 2022 гг. (всего 62 интервью). Материалы публикаций в СМИ позволяют консолидировать оценки деятельности губернаторов внешними экспертами. Основной вывод, полученный в результате анализа – укорененность губернатора в регионе – продолжает играть важную роль для местных элит, однако со временем их восприятие становится все более прагматичным. Сегодня для них важно не только происхождение и социализация губернатора в регионе, но и его способность устанавливать контакты с московской элитой, умение выстроить неконфликтные отношения с ключевыми фигурами в регионе и элитными группами. Для населения, напротив, фактор укорененности продолжает оставаться наиболее значимым при оценке деятельности губернатора.

Ключевые слова: губернатор; Пермский край; губернаторы-«варяги»; укорененность губернаторов в регионе; динамика перемен.

Введение: как менялся губернаторский корпус в предшествующие годы?

11 мая 2022 г. сразу в пяти российских регионах произошла смена губернаторов. В четырех случаях глав регионов сменили выпускники Школы госуправления РАНХиГС, курируемой Администрацией Президента (далее – АП). Так, место главы Томской области Сергея Жвачкина занял замглавы президентского Управления по внутренней политике Владимир Мазур; губернатора Кировской области Игоря Васильева сменил начальник одного из департаментов АП Александр Соколов; руководителя Республики Марий Эл – председатель правительства Калмыкии Юрий Зайцев; губернатора Рязанской области Николая Любимова – глава Росстата Павел Малков; руководителя Саратовской области Валерия Радаева – выходец из региона Роман Бусаргин (Винокуров, Прах, 2022).

По мнению экспертов, уходом пяти губернаторов со своих постов процесс 2022 г. не закончится. Как писали аналитики «Новых известий»: «Времена грядут тяжелые, и главам придется не только выполнять поставленные перед ними КРП, но и как-то самим крутиться на территории. 5 вчерашних отставок – это только начало. Однако структура управления останется прежней»¹.

Следующая волна отставок не заставила себя ждать. По оценкам Туровского Р. Ф. и Луизидис Е. М., факторы губернаторских отставок в России являются более сложными, чем это может показаться на первый взгляд. Рассуждая о причинах отставки одних и назначения других в статусе И.О. (до выборов), аналитики считают, что качественных перемен в связи с санкционным давлением

© Чирикова А. Е., 2023

¹ Пока без чрезвычайщины: что означает массовая ротация губернаторского корпуса? (2022) *Новые известия*, 11 мая. URL: <https://newizv.ru/news/2022-05-11/poka-bez-chrezvychayschiny-cto-oznachaet-massovaya-rotatsiya-gubernatorskogo-korpusa-353987>.

не произошло, но все же Кремль теперь ориентируется не на молодых технократов, как несколько лет назад (Гуляева, 2014, Быстрова, 2018), а на опытных политических менеджеров.

И причина здесь кроется не только в усложнившейся политической и экономической ситуации. Уже начиная с 2019 г., Кремлем принципиально менялась сама модель отбора губернаторов. По оценке политолога из МГУ Сергея Володенкова, данной им еще в 2019 г., «эпоха 1990-х прошла, и новое время требует новых форматов. Губернаторы не только для Кремля, но и для населения всё в большей степени становятся техническими фигурами, менеджерами, которые «должны». Должны и федеральному центру, и жителям своих регионов. В целом электорат становится требовательнее, более осознанно и критично оценивая эффективность руководителей своих территорий».¹ Таким образом, новая модель назначения призвана в большей степени учитывать предпочтения элитных групп и населения, однако утверждать, что вслед за провозглашенными принципами кардинально меняется сама модель, вряд ли возможно. Применительно к Пермскому краю можно утверждать – новая модель работает. Дмитрий Махонин в большей степени знаком с регионом и ориентирован на него, нежели предыдущий губернатор Максим Решетников, и, тем более, «варяг» Виктор Басаргин. Но это не означает, что требования Центра не будут исполняться, даже если они идут вразрез с ожиданиями региональных элит.

Исследование вскрыло существенную, хотя и нерегулярную значимость определенных социально-экономических показателей и критериев управленческой эффективности. Одновременно исследование не подтвердило выводы о системной значимости электоральных факторов при принятии решений о губернаторских отставках, а также вскрыло изменчивость критериев, влияющих на губернаторские отставки.

Оценки эффективности региональной власти используются, по мнению Туровского и Луизидиса, и с ними можно согласиться, для обоснования отдельных кадровых решений, но не повсеместно. Причины авторы видят в том, что федеральная власть заинтересована в контроле над региональными элитами, но не готова связывать себя обязательствами увольнять губернаторов в связи с невыполнением каких-либо ключевых показателей эффективности, поскольку это может нарушать баланс в элитах (Туровский, Луизидис, 2022).

По мнению петербургского политтехнолога Петра Быстрова, в 2022 г. при назначении губернаторов на свои посты до выборов главный тренд – усиление управляемости регионов (Быстров, 2022). И, вероятно, что он прав. Так, все выбранные кандидаты на губернаторский пост в 2022 г. близки к АП или являются выходцами из самой администрации, за исключением Романа Бусаргина, который пришел из Саратовского региона. Вполне резонно можно говорить о том, что в настоящее время выходцы из федерального центра доминируют над укорененными кандидатами. Схожая ситуация наблюдалась и в прошлые годы.

В первый (2000–2004) и третий (с 2012 г. по настоящее время) президентские сроки Путина чаще всего главами регионов становятся федеральные чиновники (50 и 51% соответственно). Во второй срок Путина (2004–2008) и президентство Медведева (2008–2012), напротив, среди всех групп наиболее распространена доля местных кадров (по 40% соответственно).

Другая тенденция, как отмечено в исследовании РБК, на протяжении всего изучаемого периода: постепенно росло число новых губернаторов – «варягов» из других регионов. Если в 2000–2004 гг. таких назначений не было вообще, то в третий срок Путина их доля составила 13%. Если общее число «варягов» (как федеральных, так и из других регионов) среди новых губернаторов в президентство Медведева, составляло 48%, то в третий президентский срок Путина это число выросло до 64%². По мнению Александра Кынева, массовое назначение «варягов» началось после перехода к системе «наделения полномочиями» по представлению Президента, однако наибольшее распространение данная практика получила в 2016–2018 гг. Именно в эти годы региональная власть пережила и самую жесткую за всю новейшую российскую историю кадровую ротацию (Кынев, 2019, 2020).

Одновременно, по мнению А. Кынева, практика назначения «варягов» может претерпеть изменения из-за «выраженного отторжения «варягов» в ряде регионов, что подтолкнет федеральный центр к новому пересмотру системы формирования региональной власти (Кынев, 2019: 147; Кынев, 2020).

¹ Володенков, С. (2019) 'Время менеджеров', *Известия*, 29 марта. URL: <https://iz.ru/859036/sergei-volodenkov/vremiamenedzherov>.

² Дергачев, В., Кузнецова, Е., Линделл, Д. (2017) 'Умнее, моложе, федеральнее', *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/10/17/59de58a99a79474f1855c9d0>.

Вскрытую тенденцию роста числа «варягов» подтверждает исследование, проведенное пермским политологом Петром Пановым (Панов, 2022). Он справедливо связывает рост численности губернаторов-«варягов» с нарастанием политической централизации в России. Вместе с тем, сравнительный кроссрегиональный анализ, проведенный автором, обнаруживает существенные различия между регионами как по доле «варягов» среди губернаторов, так и по доле времени, в течение которого 97 позиций губернатора были заняты «варягами». Эти вариации статистически значимо коррелируют с тремя характеристиками регионов: социокультурной, исторической спецификой и публично-правовым статусом. Это означает, что здесь нет прямых зависимостей, которые бы позволяли говорить об устойчивости тех или иных трендов или нежелании учитывать специфику региона.

Точку зрения политологов, утверждающих, что число «варягов» в губернаторском корпусе растет, поддерживает также петербургский политолог Артем Флягин (Флягин, 2020), который напрямую связывает увеличение их численности с ростом зависимости регионов от Федерального центра.

Но есть и внутренние региональные факторы, обуславливающие рост «варягов». Так, член правления Российской ассоциации политических консультантов (РАПК) Петр Быстров связывает увеличение количества «варягов» с фактором «выжженной земли». Многие главы регионов «зачистили» конкурентных политиков в своих областях, в том числе с помощью уголовных дел, или, добившись их ухода на федеральный уровень. И теперь в регионе выбирать губернатора не из кого. (Дергачев, Кузнецова, Линделл, 2017).

Похоже, что отмеченные в 2017 г. Дергачевым, Кузнецовой и Линделл закономерности соотношения местных и федералов в губернаторском корпусе сохранились и в 2021 г. На замену 7 губернаторов пришли 4 федерала (Тамбовская, Ярославская, Пензенская, Ульяновская области¹). 2 местных губернатора – Тыва и Владимирская область), в Северной Осетии на губернаторский пост был выдвинут политик, имеющий опыт управленческой и политической работы в г. Севастополе. Таким образом, и в 2021 г. с небольшим перевесом, но преобладали федералы. Одновременно в губернаторском пуле просматриваются «варяги» из других регионов, так что общее соотношение сдвигается в сторону «варягов». И вряд ли это случайность.

Зачем Федеральному центру «варяги»? По мнению экспертов, и оно является практически согласованным, Кремль назначает «варягов» для лучшего контроля над регионами, чтобы исключить их превращение в коррумпированные семейные или клановые вотчины. Как представляется, этот подход имеет под собой основание, но возникает вопрос: насколько работа «варягов» эффективна, и воспринимают ли их местные элиты?

По мнению Евгения Минченко, 10 лет назад подавляющее число «варягов»-губернаторов оказались неуспешными. С 2005 по 2011 гг. 47% глав регионов, назначенных в России, были новыми, причем 27% из них были «варягами», 15 из них ушли, не доработав до конца срока (Минченко, 2013).

Схожая оценка была получена автором статьи от самарских элит в ходе качественного исследования, относительно московского назначенца Владимира Артякова (Чирикова, 2011). Самарские элиты оценивали усилия Артякова на своем посту весьма низко, хотя единичные представители элитного корпуса полагали: *«Вместе с Артяковым в регион могут прийти дополнительные ресурсы федерального Центра»*, Тем не менее, многие другие представители элитного корпуса видели в московском ставленнике воплощенное зло: *«Никакой системы интересов у Артякова нет. Он здесь временный человек. Решает он вполне конкретную задачу — предприятия области должны принадлежать концернам, которые находятся в Москве»*

Результатом такой политики стала потеря «лица» области.

Анализируя причины неуспешности «варягов», политолог, профессор Пермского университета Олег Подвинцев, справедливо полагал, что в отличие от выборных губернаторов, кремлевские назначенцы лишены самостоятельного политического капитала. Отсутствие мандата, напрямую полученного от избирателей, делает их уязвимыми и, в конечном счете, более зависимыми от тех же самых региональных элит. Элитам же, хорошо знающим местную специфику, довольно просто, играя на развившемся в постсоветский период чувстве регионального патриотизма, настроить население против «чужака» и привезенной им команды (Подвинцев, 2009).

Эту точку зрения разделяет и Петр Панов, подчеркивающий, что система, при которой губернатор может быть уволен президентом, усиливает позиции не только Центра, но и региональной элиты, поскольку «многие элитные группы обладают собственными каналами взаимодействия с Центром и тем самым приобретают новый рычаг давления на губернатора» (Панов, 2007).

¹ Губернатора Ульяновской области лишь условно можно назвать федералом, он представлял Правительство Московской области в Совете федерации, долгое время был депутатом ГД.

В последние годы, когда во многих регионах были восстановлены прямые губернаторские выборы, положение губернаторов-«варягов» все равно остается неустойчивым. Элиты трудно принимают в своих регионах лиц, не знающих местных условий или игнорирующих их. Однако не исключено, что в последние годы эта тенденция стала ослабевать. Теперь элиты в регионе менее требовательны к укорененности / не укорененности губернатора в регионе, ориентируясь, прежде всего, на его московские связи.

В настоящей статье, на примере одного региона – Пермского края, прослежена траектория работы действующих губернаторов, получены оценки их деятельности региональными и муниципальными элитами во временной перспективе¹, начиная с 2005 и заканчивая 2022 г. Особое внимание уделено сопоставительному анализу деятельности губернаторов – «укорененных», в том числе с федеральным опытом, и московских назначенцев в оценках элит и экспертов. Исследование проводилось с помощью метода интервью в разные годы. Всего было проведено 62 интервью с представителями местной элиты и экспертами.

Местные и федералы: за годом год

За период наблюдений (2005–2022 гг.) в Пермском крае сменилось 4 губернатора. Олег Чиркунов, возглавлявший регион с 2005 по 2012 гг., являлся представителем местной бизнес-элиты, был сенатором и депутатом Законодательного собрания Пермского края. Он являлся креатурой Юрия Трутнева, с которым впоследствии разошелся. Это первый российский губернатор, назначенный на свой пост Кремлем с подачи Юрия Трутнева.

Олега Чиркунова на губернаторском посту сменил Виктор Басаргин, министр регионального развития РФ, которого вполне можно охарактеризовать как «московского назначенца». Он работал в Пермском крае с 2012 по 2017 гг., а затем вновь вернулся в Москву. С 2017 г. по настоящее время является руководителем Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), имеет статус главного государственного транспортного инспектора Российской Федерации.

В 2017 г. регион возглавил представитель местной элиты Максим Решетников, поработавший в свое время в команде Олега Чиркунова и затем перебравшийся в Москву в команду Собянина, где он занимал должность первого заместителя руководителя аппарата мэра и Правительства Москвы, а потом в статусе министра возглавил экономический блок Правительства Москвы. После завершения губернаторских полномочий в 2020 г. он вновь возвращается в Москву с повышением – становится Министром экономического развития РФ. Данного губернатора мы можем назвать «укорененным» губернатором, но с солидным московским опытом (более 10 лет). Важно подчеркнуть, что после назначения Кремлем, Решетников прошел через прямые выборы и получил убедительное число голосов в свою пользу.

На место Максима Решетникова в 2020 г. приходит Дмитрий Махонин. Это выходец из Пермского края, родившийся в регионе и получивший в нем образование. В январе 2013 г. он переехал в Москву, и 28 января того же года был назначен начальником управления контроля топливно-энергетического комплекса ФАС России. Во время работы в структурах ФАС Дмитрий Махонин выступал за реформирование Закона о естественных монополиях; возглавляемое им управление участвовало в расследовании дела против компаний «Сибур Холдинг» и «Газпром газэнергосеть», отправлявших на экспорт сжиженный углеводородный газ при его нехватке внутри страны. В целом Дмитрий Махонин – весьма принципиальный и бескомпромиссный человек, которому может быть весьма непросто договориться с пермскими элитами.

Если попытаться обобщить оценки деятельности всех 4 губернаторов на своих постах, данные региональными и муниципальными элитами, следует констатировать, что нет исключительно плохих или исключительно полезных для региона губернаторов. Каждый из них что-то привнес в регион, в соответствии со своими представлениями. В результате модели управления могут существенно различаться в зависимости от того, что за управленец стоит во главе региона. Все четверо губернаторов внесли свой больший или меньший вклад в развитие региональных процессов Пермского края.

¹ Занимаюсь изучением деятельности губернаторов Пермского края с 1999 г. В течение 20 лет удалось лично встретиться с губернаторами Игумновым, Трутневым, Чиркуновым, Решетниковым, и есть развернутые интервью, на основании которых можно сделать определенные выводы.

Олег Чиркунов: Пермский край как корпорация

Во время своего руководства регионом с 2005 по 2012 гг. Олег Чиркунов воспринимался элитами весьма неоднозначно. Особенно большое число негативных оценок получил Чиркунов в 2010–2011 гг. (первый этап исследования), когда депутаты Законодательного собрания края практически вышли из-под контроля губернатора. Тем не менее, оценки элит того времени были явно разделены. Одни полагали, что он обладал необходимыми ресурсами для перемен в регионе, и много для него сделал. Другие считали, что он излишне высокомерен и использует в регионе квазирыночные методы управления. Это, по мнению элит, привело к тому, что край развивался хуже, чем мог бы, особенно если учесть тот факт, что губернатор слишком много сил тратил на развитие культурных проектов в регионе тогда, когда надо было развивать промышленность. Особенно недовольно им было промышленное лобби.

Спустя 8 лет после ухода первого «укорененного» губернатора (второй этап исследования 2019 г.), время его работы в регионе уже воспринималось региональными элитами и экспертами как достаточное эффективное и интересное для региона: *«Для укорененного губернатора было характерно управление регионом по модели регион как корпорация. Он пытался найти конкурентные преимущества, и за счет этого приобрести некоторое ускорение. Его поведение вызывало непонимание его коллег, губернаторов из соседних регионов. Они его называли выскочкой»*, – продолжает свои размышления эксперт.

Были у этого губернатора и другие достоинства, которые стали очевидны только после его ухода: *«Губернатор был лидер. Его материл весь край, но он построил объездные дороги к столице области. Когда он принимал эти решения, все стояли на дыбах. Кричали, что он деньги отмывает, и понятно, что он их отмывал. Но он сделал дело, за которое его сейчас глубочайшим образом уважают»*, – отмечает другая наша эксперт.

Отдает дань его опережающему мышлению и один из работников администрации: *«Сейчас я могу говорить о нем без чиновничества. Многие сейчас об этом говорят в кулуарах. Многие элитные группы, которые раньше критически говорили о губернаторе, сейчас говорят противоположное. Он во многом опередил свое время»*.

Одновременно губернатор-демократ обладал недостатками, которые ему нередко мешали реализовать собственные идеи: *«Губернатор был стратегически мыслящий человек. Я его сильно уважаю. Но как говорил мой знакомый – в нем все хорошо, но только люди мешают. Он творческий человек. Но он был очень жестким менеджером... Он был не по карману краю»*, – считает эксперт.

Олег Чиркунов много работал с местным самоуправлением, пытаясь сделать из глав рыночно ориентированных людей. Учить их у него было полное право: *«Ум генерала определяется умом лейтенанта. Для того, чтобы руководить главами, надо самому быть лидером. У губернатора это было. Он сам был лидером»*, – не сомневается наш респондент.

Чему хотел научить глав губернатор? Прежде всего, ему было важно, чтобы они мыслили рыночными категориями и умели бороться за финансы. Похоже, что ему это не совсем удалось: *«Губернатор был повернут на то, чтобы из глав сделать менеджеров. Он хотел, чтобы они писали проекты. И могли привлекать деньги. Главы не оправдали его надежды – они не научились быть самостоятельными. И губернатора это приводило в бешенство, когда оставались миллиардные остатки»*, – вспоминает эксперт.

Экспертную позицию подтверждает и бывший руководитель департамента внутренней политики, который непосредственно в то время работал вместе с губернатором с главами местного самоуправления: *«Губернатора бесило – главы к своей работе подходят не прагматично. У них какие-то эмоции... Мифы в голове сидят. Он пытался выйти с ними на простой бизнес-язык. Он не понимал, что такое страх... Он не понимал, что такое инерция мышления. Его бесило то, что нажимаешь на разные кнопки, а они не работают... Это было тогда. Сейчас большая часть кнопок у глав работает»*.

Было ли это недостатком только глав? По экспертному мнению, наблюдаемая необучаемость являлась следствием не только невозможности освоить новые технологии главами, но и ошибками самого учителя: *«Он не доводил начатые процессы до конца. Это была его слабость. Он был к тому же очень импульсивен для нашей области, которая очень сдержанна. Русский мужик медленно запрягает, но быстро едет. Этим мужиков надо было научить»*.

Несмотря на то, что Олега Чиркунова, особенно в последние годы его губернаторства, не поддерживали многие группы региональных элит, в том числе главы местного самоуправления, спустя время он воспринимается действующими фигурами в регионе весьма позитивно, что позволяет некоторым из них утверждать, что *«он опередил свое время»*.

Губернатор Виктор Басаргин: министр одного региона

После ухода местного губернатора на его должность в 2012 г. был назначен Виктор Басаргин, московский ставленник. С ним были связаны определенные ожидания местных элит, но, похоже, что он этих ожиданий не оправдал. Он частично продолжил политику предшественника, однако большее внимание стал уделять социальной политике, заявив о необходимости пересмотреть некоторые проекты, в частности проекты, связанные с культурной столицей и др. В рейтинге эффективности губернаторов, опубликованном в октябре 2015 г. Фондом развития гражданского общества, он занимал последнее, 83-е место.

Все время его правления местные эксперты на протяжении всего срока ожидали его отставки, называя *«серым и невыразительным губернатором»*, не понимая, почему его так долго не снимают с должности. Регион в это время никуда не двинулся, а даже старые прорывные проекты для региона во времена его правления перестали существовать. Регион перестал быть интересной территорией и фактически стал похожим на весьма средненький регион. Основные усилия губернатор направил на социальную сферу.

Вначале местные элиты надеялись, что он привезет с собой работоспособную московскую команду, но ожидания не оправдались. Оптимизм сменился пессимизмом, ситуация в регионе заметно ухудшилась и в политическом, и в социальном, и в экономическом планах. Московскому губернатору не хватало яркости, заинтересованности и темпа. Члены его команды явно не успевали за временем, хотя многое обещали. Московский губернатор провел перестановки в правительстве, которые одобрили далеко не все¹.

Оценки относительно работы Виктора Басаргина отличаются либо скупостью, либо негативным звучанием: *«Этот губернатор сильно к народу не приставал. Народ его терпел. Он говорил на простом человеческом языке. Жил сам, и жить давал другим. Но и сделать ничего не сделал»*, – убеждена эксперт.

Ошибкой, как считают эксперты, была ориентация Виктора Басаргина на социальную политику и поддержку ЖКХ в ущерб промышленности. В этих упреках есть своя доля правды. За первые два года пребывания Виктора Басаргина на посту руководителя региона валовой региональный продукт (ВРП) вырос на 12,5% – с 860 млрд 343 млн руб. в 2012 г. до 967 млрд 858 млн в 2014 г. (данные за 2015 г. не опубликованы). Однако по этому показателю Пермский край переместился с 12-го места среди субъектов РФ в 2012 г. на 15-е – в 2014 г. (Белинская, 2017).

Тем не менее, в реализации социальной политики он достиг заметных результатов. За время его губернаторства в крае построили и реконструировали более 100 детских садов, очереди в них исчезли. По инициативе Басаргина был принят закон, по которому женщины от 19 до 24 лет получали выплату в 60 тыс. руб. за рождение первого ребенка – ситуация уникальная для России в то время. Именно он ввел практику поддержки инвесторов через региональные специнвестпроекты. С конца 2015 г. губернатором были подписаны пять специнвестконтрактов с объемом инвестиций 200 млрд руб. и планами создания около 4 тыс. рабочих мест (Дятликович, 2017).

В 2017 году он был снят со своей должности. Региональные эксперты объясняли отставку губернатора разными причинами. Так один из пермских политологов интерпретировал случившееся комплексом причин, но основное – *«никто в защиту Басаргина единым фронтом или большой группой не выступал. Ему не на кого было опереться»*. Важным, по мнению политолога, было и то, что губернатору не удалось бы обеспечить приемлемый результат на выборах президента, ведь фигура непопулярного губернатора не прибавляет рейтинг для президента. Кроме того, он не смог погасить политические конфликты между элитами: *«Более того, они стали более масштабными, разнообразными, нежели во времена Чиркунова»*. И наконец, по мнению эксперта, им была потеряна связь с общественностью, власть *«закрылась»* (Комалутдинова, 2017).

Людмила Ознобишина, директор ООО «Центр избирательных технологий», основную причину видит в отсутствии консолидации пермских элит и в отсутствии законченных крупных проектов, таких как новое здание для галереи, новая сцена для Пермского театра оперы и балета, третий мост через Каму, и др. *«Все они находились в плоскости «забалтывания»*. Большую роль сыграла также кадровая политика Басаргина: многочисленные скандалы, неоднозначные кадровые решения, приведшие к частой смене глав администрации губернатора. Сыграла роль, по мнению эксперта, и закрытость администрации губернатора.

¹ Печально известным стал факт того, что он хотел привести в регион своего председателя Правительства, но его арестовали, в результате на это место был назначен местный и хорошо знакомый элитам человек.

Олег Подвинцев, в свою очередь, считал, что отставка губернатора была закономерным итогом развития событий. После итогов сентябрьских выборов, по его мнению, губернатор уверовал в свои шансы переизбраться, но они оказались не совсем плохими, а просто плохими. Оценка возможностей его команды, его ближайшего окружения были достаточны очевидны Кремлю. Его действия последних недель, связанные с отставкой краевого правительства, с кадровой лихорадкой, с громкими заявлениями, которые не были ничем подкреплены, вызвали не позитивную, а отрицательную оценку в Москве. Ситуация в крае очевидно ухудшается» (Комалутдинова, 2017).

Внешние эксперты, такие как Михаил Виноградов, Президент Фонда «Петербургская политика», характеризует просчеты Виктора Басаргина следующим образом: *«Басаргин очень тяжело стартовал. Первый вызов для него – ситуация вокруг ареста председателя правительства Пермского края Романа Панова, которая показала, что влияние губернатора ниже, чем ожидали. Вторым вызовом — на фоне тучных лет при Олеге Чиркунове экономическая ситуация становилась все сложнее, и понятно, что нужно было затянуть пояса. Проблема падения с высокого старта остаётся чувствительной на фоне активности местных элит, которые имеют своё мнение по многим вопросам и не стесняются его транслировать»* («Новый компаньон», 30 сент. 2014 г.).

Представители местной элиты, в свою очередь, увидели в действиях губернатора еще один важный нюанс – не выстроенные отношения с главами муниципалитетов и локальной элитой. Бывший руководитель департамента внутренней политики убежден – у губернатора Басаргина были достаточно прагматические требования к главам, но нельзя сказать, что они принимали его как своего руководителя: *«Басаргин был человек во многом прагматичный. Но его скорее терпели. Он не смог понять регион»*.

Таким образом, Виктор Басаргин, вернувшийся в 2017 г. в Москву, оставил после себя скорее негативное впечатление. Можно уверенно говорить о том, что «московский десант» в пермский регион не принес ожидаемых результатов. Случилось ли это из-за персональных ошибок губернатора или повышенных требований местной элиты, однозначно сказать трудно. Но ясно одно – с ожиданиями местной элиты, даже при хорошо выстроенных отношениях с Москвой, нельзя не считаться.

Максим Решетников: всегда хочется большего

Время почти двухгодичного пребывания Максима Решетникова в регионе, выходца из Пермского края, но проработавшего в Москве 10 лет, нельзя назвать однозначным, если опираться на оценки, данные экспертами и представителями элитного корпуса.

Основное недовольство местных элит – отказ от принципов работы своего учителя Олега Чиркунова. Губернатор привез с собой из Москвы выходцев из региона, которые работали с ним в Москве, но ранее жили и работали в регионе. Являясь учеником и ставленником Олега Чиркунова, главным принципом работы которого была креативность и отказ от жестких схем, молодой губернатор в своей работе не захотел продолжить дело учителя, предложив свой управленческий стиль: *«По многим позициям – он не продолжатель дел учителя. Он действует как ученик, который считает – учитель ошибался. Надо было не гвозди забивать, а шурупы закручивать»*.

Несмотря на пополнение команды управленцами с московским опытом, эксперты говорят о том, что команда Решетникова была слишком технократична и неэффективно работала с местным самоуправлением: *«Людей на местах ничему не учили. У них слабая материально-техническая база, это надо учитывать. А их ломают через колено. Региональную власть на местах ненавидели»*, – считает эксперт, бывшая работница региональной администрации.

Также представители элитного и экспертного корпуса отмечают явные недостатки в социально-психологическом портрете губернатора, которые не позволяют смириться с его методами управления: *«Этот губернатор, погруженный в мир схем, не готов к диалогу с элитой, людьми, членами своей команды. Для него нет никакого другого мнения, кроме его собственного. При прежних губернаторах обязательно была группа оппозиционеров. Сегодня оппозиционеров нет»*.

К этому добавляется желание губернатора любой ценой вернуться в Москву, что серьезно раздражает местные элиты: *«Он работал с полтора десятка лет назад с губернатором и занимался программно-целевыми разработками. Людей он не чувствует, и это большая беда для края. Он хочет назад в Москву. Он не чувствует реальности. И объяснять ему что-то бесполезно. Он не может понять, что территории разные»*.

Подтверждает желание губернатора вернуться в Москву, как и безразличие к уникальности людей, и другой наш эксперт, бывший начальник контрольно-аналитического управления: *«Каждый чиновник – это не личность, а винтик и шпунтик в машине, которой управляет губернатор. Если винтик выпал, вставляют другой. Причем лучше московского производства»*.

Хотя сам Решетников в одном из своих интервью утверждает: «Мы должны «вывернуть» всю систему власти и в центр поставить человека» (Дерягина, 2018).

Видит за действиями губернатора не только желание покорить Москву, но и собственные бизнес-интересы, другая наша эксперт-политолог: *«Губернатор плохой менеджер, он не умеет работать с людьми. Это видно по всему, за чтобы он не брался. Возьмем историю с троллейбусами. Он их убрал, и запустил московские автобусы. У губернатора с большой долей вероятности есть в крае свои бизнес-интересы».*

Не удовлетворены элиты и тем как губернатор работает с местным самоуправлением: *«Когда мы раньше работали в администрации, мы с территориями возились. Мы туда ездили. Сейчас никто ни с кем не разговаривает. Сейчас приказывают. Если Вы сделаете плохо, мы вас накажем»,* – вспоминает бывшая работница администрации, непосредственно работающая с главами местного самоуправления.

В результате регионалы давят на местное самоуправление, ради того, чтобы заставить их реализовать необходимые цели любой ценой: *«Региональная власть давит тех немногочисленных лидеров, которые есть на территории. Лидеров мало, потому что для этого надо менять принципы отбора и работать с главами, но этого, похоже, в крае, никто делать не собирается»,* – убеждена пресс-секретарь города Х.

Те представители элит, кто согласен с тем, что с молодым губернатором в регион пришли позитивные перемены, отмечают, прежде всего, его ориентированность на крупный бизнес, стремление к реализации крупных инфраструктурных проектов, хорошее знание принципов привлечения федеральных денег для региональных нужд. Особо эксперты отмечают его умение привлекать федеральные деньги.

Предлагают ставить в зачет Максиму Решетникову и инфраструктурные перемены, которые охватывают, прежде всего, улицы и дороги: *«Что видит сегодня обыватель? Изменившиеся улицы в краевой столице. Появившиеся межрайонные трассы. Я реально ощущаю, это на себе. Раньше ездил на дачу 1,5 часа, сейчас 40 минут, причем по освещенной и ровной дороге»,* – убежден эксперт.

Есть определенные позитивные перемены, связанные со строительством Набережной: *«Плюсом губернатора является его внимание к Набережной, Он довел этот проект до реализации, хотя мы знаем массу примеров, когда деньги просто разворовывались».*

Не отрицают элиты поддержки губернатором крупных компаний, которые формируют экономическое лицо области: *«За два года в регионе практически строится новый завод. Конечно, он строится усилиями собственника. Но без губернаторской поддержки – это вряд ли возможно. Он опирается на свои московские связи и приглашает сюда федеральных министров. Не исключено, что он зарабатывает себе перспективу. Чтобы быть возвращенным в Москву»* – считает бывший начальник контрольно – аналитического управления Края.

Сравнивая усилия прежних губернаторов с Решетниковым, эксперты отмечают: *«У губернатора сегодня больше знаний, как доставать деньги. У него есть опыт работы в Министерстве регионального развития. В аппарате Правительства и в Правительстве Москвы. В России – формат неформальных договоренностей был, есть и будет. Как не порадовать хорошему человеку».*

Однако не менее важно и другое его преимущество, он молод и умеет мыслить стратегически: *«Этого губернатора конечно называют технократом.... Но он стоит на более современных рельсах... Он умеет мыслить стратегически и думать о территории в глобальном смысле... А не жить сиюминутными решениями...»,* – восклицает 32-х летняя пресс-секретарь главы города Х.

Если бы Максим Решетников, спустя два года после работы на своем посту, не был назначен на высокую должность в Москве, вероятно, ему удалось бы реализовать те крупные проекты, которые он наметил. В этом случае регион получил бы новый толчок для своего экономического, социального и политического развития. Уход с поста, когда многие проекты запущены, но не реализованы, усложнил ситуацию в регионе. Вновь региональные элиты оказались в ситуации неопределенности, которая дополнилась ситуацией с коронавирусом, осложнившим ситуацию еще больше. В результате Максиму Решетникову не удалось за счет своего местного происхождения быть убедительным для своей элиты, как и предыдущему губернатору из Москвы. Невидимый конфликт элит сохранился, а отнесенность к Москве вызывала у местной элиты постоянное раздражение, несмотря на понимание того, что контакты с Москвой необходимы. Это позволяет сделать важный вывод – при оценке действий губернатора важна не только и не столько укорененность, но и «рациональность с человеческим лицом», при которой следует искать не только выгоду, но и строить человеческие отношения с элитой, которая способна видеть больше, чем может показаться с первого взгляда.

Дмитрий Махонин: «ты должен всегда гнуть свою линию»

Сменившего в 2020 г. Максима Решетникова Дмитрия Махонина, можно отнести к губернатору, тесно связанному с регионом, несмотря на то, что он почти 7 лет проработал в Москве. Он родился, вырос, учился и работал в Пермском крае. Его укорененность, как считают эксперты, помогают ему в руководстве регионом, хотя запроса на пермское происхождение у местных элит нет, в отличие от населения. Именно так считает местный политик Надежда Агишева: *«Для обывателя важно, что он местный. Для элиты это не основное. Его укорененность чувствуется, он много внимания уделяет муниципалитетам. Куда приезжает Махонин, там звучат понятные сигналы. Он ориентирован на интересы жителей, он сам из Чердыни и хорошо понимает, что значит жить в районе или в малом городе».*

Оценки, даваемые губернатору Махонину представителями элитного корпуса и экспертами после 2-х лет его работы на своем посту, носят преимущественно позитивный характер. От Махонина ждали перемен, и он их начал реализовывать. В результате его место в рейтинге в 2020 г. было всего лишь 37 (Коммерсант-Прикамье, 2020), а в 2022 г. он оказался в первой группе Национального рейтинга губернаторов и занял в ней 15 место (v-kurse.ru, 2022).

К числу достижений губернатора пермский политолог Оксана Рябова относит его ориентацию на экспертное сообщество: *«Его сильная сторона – он готов работать с экспертным сообществом. Он принимал решения с учетом той информации, которая приходила от экспертов. Это было очень позитивно, если сравнивать его действия, с действиями Решетникова».*

Не менее важной позитивной стороной Дмитрия Махонина являются его шаги по коррекции решетниковских начинаний: *«Не то, чтобы Махонин резко пошел против Решетникова, но он решил мягко скорректировать его шаги... Он стал прислушиваться к мнению правозащитников. Он рекомендовал в администрацию города очень приличных людей. Он развернул транспортную реформу Решетникова в нужную сторону. Махонин вернул Перми Теодора Курентзиса в качестве руководителя Дягилевского фестиваля, это было не просто, но он смог договориться. Интеллектуальная часть элиты это оценила»*- считает Оксана Рябова.

Важно, что Махонину удалось договориться с пермской элитой: *«Махонин считается с местной элитой. В отличие от Решетникова, который не считался ни с кем. Люди были для него винтиками. При взаимодействии со своей элитой он идет более мягким и эффективным путем»,* – считает один из экспертов.

Надежда Агишева в своем интервью замечает, что налаженный процесс взаимодействия с местными элитами – заслуга самого Дмитрия Махонина, который никогда не терял связь с регионом: *«Он молод, у него нет усталости, которая складывается к определенному возрасту. У него пока нет скептицизма. В силу своей федеральной работы он всегда близко и много общался с местными политиками. Поэтому у него не было особых сложностей в выстраивании отношений с элитой. Хотя сам факт его назначения произвел эффект взорвавшейся бомбы».*

Другой эксперт подтверждает, что Махонину удалось снять даже невидимые конфликты с элитой, но произошло это благодаря складывающейся в последнее время ситуации: *«Махонину удалось найти общий язык с элитой. Это заслуга скорее не его самого, сколько заслуга ситуации, в которой он оказался. Он был отправлен на смену ненадежному и непопулярному Решетникову, с которым реализовывать долгоиграющие интересы было сложно. И вдруг появляется молодой, местный, свой. С ним можно выстраивать долгосрочные отношения. Элиты понимали – надо стратегически смотреть на коммуникации с новым губернатором».*

Помогла Махонину, как считает эксперт, и ситуация с ковидом: *«Пандемия сыграла ему в плюс. Элиты уже не могли решать вопросы через Москву. Не до них. Надо было решать проблемы на месте, с губернатором».*

В работе с местным самоуправлением Дмитрий Махонин придерживается своей линии, которая позволяет ему выстраивать отношения с местными элитами вполне бесконфликтно: *«Махонин пытается не допускать даже минимальных публичных конфликтов с местным самоуправлением. У него серьезно работает пиар-команда, которая контролирует муниципальную сеть. Она купирует проблемы. Департамент внутренней политики действует достаточно жестко по отношению к муниципалам, но Махонин дистанцирован от конфликтов. Все стрелы летят на администрацию. Именно поэтому создается ощущение, что здесь все стабильно»¹,* – убежден один из наших экспертов.

¹ Исключением является глава Перми Алексей Демкин, с которым конфликты у губернатора есть и они проникают в СМИ. Причина: *«Может быть это связано с интересом Махонина к строительству, а Демкин сам строитель и хотел бы боль»*

Промышленники Пермского Края всегда были влиятельными и требовательными по отношению к власти. Однако сегодня, по мнению экспертов, они сработались с властью, и не готовы ей оппонировать: *«У промышленников сейчас сложная и непонятная ситуация. До конца непонятно, чем дело кончится. Если Уралкалий еще более или менее, то с остальными все сложнее. Я не думаю, что при таком раскладе может возникнуть серьезная оппозиция. На то непохоже»*, – считает эксперт.

Похоже, что данная оценка близка к реальности, которую фактически подтверждает известный пермский промышленник и депутат ЗС Пермского Края Армен Гарслян: *«У нас думающий, включенный губернатор. Это важно. Он погруженный, умеет принимать решения и требовать. Нам импонирует его подход, интерес к вопросам Кизеловского угольного бассейна, поддержка промышленных предприятий. Его не испугать, он готов к любым неудобным ситуациям. Это несет стабильность региону (Суханов, 2021).*

В целом и внешние эксперты давали позитивную оценку итогам первых 100 дней Дмитрия Махонина в роли главы региона. Алексей Куртов, президент РАПК увидел в действиях нового главы края проявление управленческой смелости и настойчивости. На его взгляд, это видно, прежде всего, по решениям отказаться от «великих проектов» его предшественника Максима Решетникова по строительству нового зоопарка и уменьшению финансирования строительства аквапарка. Также он обращает внимание на то, что бывшему тогда врио губернатора удалось «элегантно» выстраивать отношения с местными элитами, в том числе благодаря тому, что «он не терял связь с регионом, так что «фамилии ему все известны, взаимоотношения сохранились» (Клуб регионов, 2020).

В 2022 г. Дмитрий Махонин встречался с Владимиром Путиным, который, по мнению пермских экспертов, продемонстрировал ему полное доверие.

Тем не менее, осенью 2022 г. некоторыми пермскими СМИ была предпринята атака на губернатора в связи с мобилизационными невыплатами. Эксперты связывают попытку подорвать статус губернатора с усилиями мэра, депутата Плотникова, Трутнева – младшего и др. Некоторые убеждены – атака организована из Москвы. Тем не менее, Махонину удалось отбить все атаки и к декабрю все затихло. По мнению политтехнолога Андрея Резвых, действительно имела место координированная медийная атака. Но краевой политблок и сам губернатор грамотно отработали главный негатив этой атаки – вопросы поддержки военнослужащих (Пастухова, 2023). Таким образом, команда губернатора с этой медийной атакой справилась. Эта ситуация наглядно свидетельствует о том, что даже сильный и поддерживаемый большинством элитных групп губернатор не имеет право на ошибку, тем более, если она затрагивает людей в кризисных ситуациях.

Заключение

Итак, проведенный анализ перемен в губернаторском корпусе региона, позволяет сделать осторожное обобщение, – московские назначенцы, даже если они имеют местные корни, приносят, как считают элиты, меньше пользы и им они меньше доверяют, в сравнении с укорененными губернаторами. Однако со временем приверженность к укорененности теряет свою силу у местных элит, хотя для населения этот фактор продолжает оставаться значимым. Частое разочарование, сопровождающее работу московских назначенцев, как правило, имеет под собой реальные основания, однако в некоторых случаях оно определяется отторжением используемых моделей управления регионом, которые расходятся с привычными практиками, к которым привыкли региональные руководители и взаимодействующие с ними и с губернатором местные элиты. Стремление к прагматичности у губернаторов во взаимодействии с элитным корпусом сегодня не оценивается столь негативно, как некоторое время назад. Прагматизм принимается, как и стремление любой ценой привлечь деньги в регион. Однако излишнее давление, нежелание работать с местным бизнесом, открытие региона для московских бизнесменов, отношение к местной власти как к послушным винтикам, вызывает неприятие у элит и может заканчиваться совсем не так победно, как это случилось с губернатором, переведенным на высшую должность в Москву.

шей свободы», – замечает наш эксперт. Другой эксперт фактически подтверждает наличие конфликта между этими двумя фигурами, замечая: *«Это распространено, когда губернатор пытается мэра скосырнуть. Чтобы своего поставить. Иначе в городе проблемы не решить. Демкина поставили, но отобрали у него строительные полномочия. Их перевели в Край. Это мощный шаг. Лоббирование все равно идет, но оно уже не носит публичного характера. В результате Демкин был гораздо влиятельнее, когда он был председателем комиссии по землепользованию в городской думе, нежели сейчас»*. Более поздние оценки деятельности губернатора позволяют убедиться в том, что у главы региона есть и другие оппоненты, но губернатору удастся с ними справиться.

Пермский вариант назначения губернаторов за 15-летний период позволил убедиться в том, что Пермский край в настоящее время получил высшего руководителя, который в основном устраивает местные элиты (правда, далеко не всех), однако, как долго эта ситуация будет сохраняться, прогнозировать сложно.

Список литературы / References

- Белинская, И. (2017) 'Итоги деятельности Виктора Басаргина на посту губернатора Пермского Края, *ТАСС-Досье*, 6 февр. [Belinskaya, I. (2017) 'The results of Viktor Basargin's activities as governor of the Perm Territory' [Itogi deyatel'nosti Viktora Basargina na postu gubernatora Permskogo Kraya], *Tass-Dosie*, 6 febr. (In Russ.)].
- Быстрова, А. (2018) 'Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей', *Власть и элиты*, сс. 331–355. [Bystrova, A. (2018) 'Resignations and elections 2018: update of the governor's corps, pool of recruiting and careers of new characters' [Otstavki i vibori 2018 g.: obnovleniye gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniya i kariery novikh personazhey], *Vlast' i Eliti*, 5, pp. 331–355. (In Russ.)].
- Винокуров, А., Прах, А. (2022) 'Дал пять', *Коммерсант*, 80, с.1, 11 мая. [Vinokurov, A., Prakh, A. (2022) 'Gave five' [Dal pyat'], *Kommersant* 80, 11 may, p. 1. (In Russ.)].
- Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации (2014)* / под ред. Я. Г. Ашихминой, П. В. Панова, О. Б. Подвинцева. Пермь: Пермский научный центр [Ashikhmina, Ya., Panov, P., Podvintsev, O. (eds) (2014) *The Governor's Corps in the Transformation of the political* [Gubernatorskiy korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoy sistemi Rossiyskoy Federatsii]. Perm. (In Russ.)].
- Гуляева, А. (2014) 'Вариант «преемник» на региональном уровне: смена губернаторов в России в 2005–2012 годах', *Неприкосновенный запас*, сс. 67–88. [Gulyayeva, A. (2014) 'Variant "Successor" at the regional level: the change of governors in Russia in 2005–2012' [Variant "preemnik" na regional'nom urovne: smena gubernatorov v Rissii v 2005–2012 godakh], *Neprikosnovenniy zapas*, 2, pp. 67–88. (In Russ.)].
- Дерягина, О. (2018) 'Губернатор – это политик, и чисто технократические методы здесь неприемлемы', *Новый компаньон*, 30 янв. [Deryagina, O. (2018) 'The governor is a politician, and purely technocratic methods are unacceptable here' [Gubernator – eto politik, i chisto tekhnokraticheskiye metodi zdes' nepriemlemi], *Noviy companion*, 30 jan.
- Дятликович, В. (2017) 'Сам попросился: почему не стоит удивляться отставке губернатора Басаргина', *Тасс*, 6 февр. [Deatlikovich, V. (2017) 'He himself asked for: why not be surprised by the resignation of governor Basargin?' [Sam poprosilsia: pochemu ne stoit udivliatsia otstavke gubernatora Basargina], *Tass*, 6 febr. (In Russ.)].
- Комалутдинова, А. (2017) 'Что поставило крест на карьере губернатора Басаргина?', *Ежедневная пермская интернет-газета «Текст»*, 6 февр. [Kamalutdinova, A. (2017) 'What put an end to the career of Governor Basargin?' [Chto postavilo krest na kariere gubernatora Basargina?], *Yezhednevnyaya Permskaya internet-gazeta "Tekst"*, 6 febr. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-варягов как индикатор рецентрализации: опыт 1991–2018 гг.', *Полития*, 2, сс. 125–150. [Kynev, A. V. (2019) 'Phenomenon of governors – varyags as and indicator of recentralization: the experience of 1991–2018' [Fenomen gubernatorov-varyagov kak indikator retsentralizatsii: opyt 1991–2018 gg.], *Pollitiya*, 2, pp. 125–150. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2020) *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. Москва: Фонд «Либеральная миссия». [Kynev, A. V. *Governors in Russia: between election s and nominations* [Gubernatori v Rossii: mezhdru viborami i nazyachrniyami]. Moscow; Fond "Liberal'naya missiya". (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2007) 'Рекрутирование губернатора в условиях неопределенности: «пермский случай»', *Политическая наука*, 2, сс. 148–171. [Panov, P. (2007)

- 'Governor's Recruitment under Uncertainty: "The Permian case"' [Rekrutirovaniye gubernatora v usloviyakh neopredelennosti: "permskiy sluchay"], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 148–171. (In Russ.).
- Панов, П. В. (2022) '«Свои и чужие»: губернаторы-варяги в кроссрегиональном измерении', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 2, сс. 86–98. ["Friends and Strangers: Varangian Governors in a Cross-Regional Dimension" ["Svoi i chuzhiye": gubernatori-variagy v krossregional'nom izmerenii], *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, 2, pp. 86–98. (In Russ.).]
- Пастухова, Е. (2023) 'Кто стоит за атакой на пермского губернатора??' *Информационное агентство URA RU*, 9 янв. [Pastukhova, Ye. (2023) 'Who is behind the attack on the Permian governor?' [Kto stoit za atakoy na permskogo gubernatora?], *News agency URA RU*, 9 jan. (In Russ.).]
- Петров, Н., Титков, А. (2010) *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник*. Москва. [Petrov, N., Titkov, A. (2010) *Power, business, society in the regions: an irregular triangle* [Vlast', biznes, obschestvo v regionakh: nepravil'nyy treugol'nik]. Moscow. (In Russ.).]
- Подвинцев, О. (2009) 'Губернаторы «варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия', *Политэкс*, 2, сс. 56–71. [Podvintsev, O. (2009) 'Governors "varangians" and regional political elites in modern Russia: conditions and trends of interaction' [Gubernatori "variagi" i regional'niye politicheskiye eliti v sovremennoy Rossii: usloviya i tendentsii vzaimodeystviya], *Politex*, 2, pp. 56–71. (In Russ.).]
- 'Пока без чрезвычайщины: что означает массовая ротация губернаторского корпуса' (2022), *Новые известия*, 11 мая. ['So far without an emergency: what does the mass rotation of the governor's corps mean' (2022) [Poka bez chrezvichaischni: chto oznachaet massovaya rotatsia gubernatorskogo korpusa], *Noviye izvestiya*, 11 may. (In Russ.).]
- 'Регионы обеспечат трансфер власти: Петр Быстров о главном политическом тренде 2020 г. (2019), *Газета Звезда*, 24 июня. ['Regions will ensure the transfer of power: Petr Bystrov on the main political trend of 2020' [Regioni obespechat transfer vlasti: Petr Bystrov o glavnom politicheskom trende 2020 goda], *Zvezda*, 24 june. (In Russ.).]
- Суханов, В. (2021) 'Мы начинаем новый пул больших инвестиций. Интервью с Арменом Гарсляном,' *Коммерсант*. Пермь, 232, 21 дек. [Sukhanov, V (2021) 'We are starting a new pool of large investments. Interview with Armen Garstlyan' [Mi nachinayem noviy pul bol'schikh investitsiy. Interviu s Armenom Garstlyanom], *Kommersant Perm*, 232, 21 dec. (In Russ.).]
- Туровский, Р. Ф., Луизидис, Е. М. (2022) 'Факторы губернаторских отставок в России'. *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 161–178. [Turovskiy, R. F., Luizidis, Ye. M. 'Factors of governors resignation' [Faktery gubernatorskikh otstavok v Rossii], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 4, pp. 161–178. (In Russ.).]
- Флягин, А. М. (2020) 'Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019', *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*, 1, сс. 29–39. [Flyagin, A. M. (2020) 'How the portrait of the Russian governor has changed: an analysis of the biographies of the heads of regions. 1991–2019' [Kak izmenilsya portret rossiyskogo gubernatora: analiz biografiy glav regionov], *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, 1, pp. 29–39. (In Russ.).]
- Чирикова, А. Е. (2011) 'Московские назначенцы в губернаторском корпусе: анализ самарского случая', *Полития*, 4 (63), сс. 61–73. [Chirikova, A. (2011) 'Moscow Appointees in the Governor's Corps: An analysis of the Samara case' [Moskovskiye naznachentsi v gubernatorskom korpuse: analiz samarskogo sluchaya], *Politiya*, 4, pp. 61–73. (In Russ.).]
- 'Эксперты поставили оценку врио губернатору Пермского Края Дмитрию Махонину за первые 100 дней его работы' (2020), *Клуб регионов. Федеральная экспертная сеть*. 18 мая. ['Experts rated Acting Governor of the Perm Territory Dmitry Makhonin for the first 100 days of his work' (2020) [Experti postavili otsenku vrio gubernatoru Permskogo Kraya Dmitriyu Makhoninu za perviye sto dneev ego raboti], *Klub regionov. Federal'naya ekspertnaya set'*, 18 may. (In Russ.).]

Статья поступила в редакцию: 25.03.2023

Статья принята к печати: 15.04.2023

**PERM CHOICE:
WHICH GOVERNORS AND WHY DO LOCAL ELITES AND EXPERTS PREFER?**

A. E. Chirikova

A. E. Chirikova, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher,
Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences.

E-mail: chirikova_a@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7980-3150. ResearcherID: P-3106-2016).

Abstract

The article examines the performance assessments of the governors of the Perm region by its regional and municipal elites from 2005 to 2022. Particular attention is paid to a comparative analysis of governors who originated from other regions and local figures, including those who have a federal background. The analysis is based on interviews with experts and local elites, conducted by the author in different years (in 2011, 2018, 2020, 2022; a total of 62 interviews). The interviews are complemented by media publications, which make it possible to consolidate the assessments of governors by external experts. The main conclusion from the analysis is that the governor's local origin continues to play a significant role for local elites, yet over time their views are becoming increasingly pragmatic. Today, they care not only about the origin and socialization of the governor in the region, but also about his ability to establish contacts with the Moscow elite and to build a conflict-free relationship with the key figures in the region and elite groups. For the population, on the contrary, the factor of local origin continues to be the most significant one in assessing the performance of the governor.

Keywords: governor; Perm Territory; governors-varangians; rootedness of governors in the region; dynamics of change.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-39-47

ESG В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ

Д. М. Семенова, С. А. Кудрявцев

Семенова Дарья Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры Государственного управления и истории,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

E-mail: d.m.semenova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4107-4634. ResearcherID: HZJ-8390-2023).

Кудрявцев Сергей Алексеевич, аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.

E-mail: ks-yar@inbox.ru (ORCID: 0009-0004-7849-2225. ResearcherID: HZJ-8767-2023).

Аннотация

Актуальность исследования связана с необходимостью формирования собственной политики и стратегии развития повестки ESG в политическом пространстве России в новых международных и геополитических условиях. Сложившаяся международная и внутривнутриполитическая ситуация требует особого подхода к осмыслению и выявлению существующих рисков в сфере формирования ESG повестки. Цель исследования – определение основных рисков в политическом пространстве в рамках процесса формирования повестки ESG в современной России. Предлагаем понимание политического риска как ситуации неопределенности, которая как негативно, так и позитивно может влиять на политическую ситуацию и стейкхолдеров. Основными методами исследования являются контент-анализ, SWOT-анализ, а также качественные методы оценки рисков: разработка матрицы вероятности и воздействия. Результаты исследования показывают, что в российском пространстве вовлечены в обсуждение темы и реализацию повестки ESG большое количество стейкхолдеров – представителей разных политических групп и организаций. В ходе исследования были определены группы рисков с наибольшим влиянием, прежде всего, это правовые и финансовые, а также риски стратегического планирования.

Ключевые слова: риск; ESG-повестка; политические стейкхолдеры; политические риски; устойчивое развитие; стратегия развития регионов.

Введение

Повестка ESG становится актуальной в международном политическом пространстве достаточно давно. Традиционно возникновение темы ESG связывают с именем генерального секретаря ООН Кофи Аннана, в 2004 г. им были сформулированы ESG принципы, ориентированные на комплексное и ответственное развитие управления с учетом интересов окружающей среды и общества. Изначально речь шла только о бизнес-сфере, но в настоящее время принятие политических решений в рамках управления государством или регионом также может рассматриваться с учетом трех базовых составляющих концепции: environment – обращение с отходами, качество воздуха, воды, почвы и городской среды; social – развитие человеческого капитала, здравоохранения и социальной сферы; governance – совершенствование управления, как государственного, так и коммерческого, а также обеспечение устойчивого экономического роста.

Агентство Gartner¹ в 2021 г. концепты ESG и Sustainability обозначило как долгосрочные тренды на ближайшие 10 лет (2020–2030), и спрогнозировало смену дискурса с тематики цифровой трансформации и автоматизации на темы, связанные с обществом – его развитием, безопасностью и устойчивостью.

© Семенова Д. М., Кудрявцев С. А., 2023

¹ Gartner Says ESG Tops General Counsel's Governance and Board Management Goals for 2021 URL: <https://www.gartner.com/en/finance/glossary/environmental-social-and-governance-esg> (дата обращения: 24.03.2023).

С точки зрения динамики развития политического пространства тема ESG интересна тем, что объединяет интересы и повестки дня различных стейкхолдеров: крупных промышленных предприятий, инвесторов, государства и общества. Решение вопросов, направленных на развитие окружающей среды, общества и управления, является стратегическим и требует взаимодействия и диалога существующих заинтересованных сторон, тем самым создавая пространство для возникновения большого количества рисков.

Исследования ESG в российской науке, в основном, строятся вокруг вопросов финансовых и инвестиционных рисков, определения стратегии развития предприятия и его конкурентоспособности. Отдельным блоком идут исследования, определяющие специфику управления «устойчивыми» проектами. Однако данная тема включает в себя и большой блок политических вопросов, связанных с возможностями развития и участия регионов, существующими ограничениями и рисками; данные вопросы на текущий момент изучены недостаточно. Туганов Т. З., Танина А. В., (2022) в своем исследовании раскрывают опыт Санкт-Петербурга, одного из лидеров российских рейтингов региона по ESG показателям. Однако в работе обозначены риски и проблемы сбора данных для рейтинга, которые могут давать искаженное представление о действительности. Измайлова М.А. (2022) рассматривает перспективы развития ESG-повестки в России в современных условиях, и возможное смещение фокуса внимания с экологического на социальный фактор.

Изучению политических рисков посвящены работы таких классиков политической мысли, как Э. Гидденс (1994), Н. Луман (1994), У. Бек (2000). В современной науке можно выделить работы В.С. Загашвили (2017), где анализируются внутренние и внешние политические риски, с которыми сталкивались российские компании в зарубежной инвестиционной деятельности. В работе А. Н. Бордовских (2020) представлена история изучения политических рисков в науке, а также исследование глобальных рисков современности. К ключевым рискам современности автор относит экологические, технологические и финансовые риски, отдельно выделяя экополитические риски, которые на текущий момент могут составить конкуренцию экономическим и финансовым, и оказывают огромное влияние на международное политическое пространство. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова (2015) анализируют риски и возможности современного глобального управления, М.В. Нарышкина рассматривает политические риски в деятельности политических партий России (2017). Автор выделяет основные этапы управления рисками, которые соответствуют сложившейся практике риск-менеджмента в организациях.

Во многих исследованиях политический риск понимается как ситуация возможных экономических потерь. В статье мы предлагаем более широкое понимание политического риска – как ситуации неопределенности, которая как негативно, так и позитивно может повлиять на политическую ситуацию и стейкхолдеров.

С точки зрения политической науки в современном быстроменяющемся мире при оценке сложившейся ситуации и возможных перспектив важно включать в политический анализ исследование рисков и выстраивать стратегии управления ими. Анализ деятельности стейкхолдеров в политическом пространстве позволяет расширить границы восприятия политической проблемы, увидеть существующие возможности и ограничения.

Определение политических рисков осуществлялось на основании изучения политического дискурса, под которым в исследовании понимается дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков (согласно разработанному Т.А. ван Дейком подходу (1989: 6)).

Одним из ключевых в исследовании является понятие политической повестки дня, в рамках которой формируется стратегия развития ESG в России, следовательно, определяются подходы к управлению, цели, задачи, ресурсы, способы коммуникации. Под политической повесткой дня мы понимаем актуальные проблемы, отражающие потребности общества в целом или требования отдельных групп интересов, на которые политики и администраторы готовы и способны реагировать, принимать решения и предпринимать действия. (Дегтярев, 2010: 85)

Цель исследования – определение основных рисков в политическом пространстве в рамках процесса формирования повестки ESG в современной России.

Источниковой базой исследования послужили новостные ленты сайтов Министерства экономического развития РФ, Аналитического центра при Правительстве РФ, ВЭБ.РФ, нормативно-правовые акты РФ в области устойчивого развития, стратегии развития регионов, отчеты о работе за 2021–2022 гг. Экспертного совета по устойчивому развитию, а также рейтинги устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов РФ за 2021–2022 гг.

Временные рамки исследования: 2021 – март 2023 г.

Основные методы исследования: контент-анализ, SWOT-анализ, анализ политических рисков, а также качественные методы оценки рисков: разработка матрицы вероятности и воздействия.

Основные стейкхолдеры и инструменты в формировании повестки ESG в России

В России за 2022 г. происходит повышение интереса к повестке ESG, прежде всего, в связи с изменениями в отношениях с западными государствами. На текущий момент приостановлено участие России во многих международных рейтингах и мероприятиях. Вследствие этого встает вопрос о дальнейшем развитии и перспективах ESG-повестки в политическом пространстве современной России.

Разворот России «на Восток» не снимает актуальности темы ESG. Ключевые стратегические партнеры Российской Федерации, такие как Китай, уже декларируют, что в будущем экономическое сотрудничество и внешнеторговые операции будут выстраиваться с учетом «углеродного баланса».

С точки зрения стратегического развития регионов повестка ESG также оказывает большое влияние: в России создаются рейтинги регионов, которые влияют на общую инвестиционную привлекательность, а также на позиционирование глав регионов в публичном пространстве.

На текущий момент в российском политическом пространстве можно выделить следующих политических стейкхолдеров, которые влияют на повестку дня в теме ESG: государственные структуры – Аналитический центр при Правительстве РФ, Министерство экономического развития и Экспертный совет по устойчивому развитию и зеленому финансированию, главы регионов России, государственная корпорация развития "ВЭБ.РФ".

К стейкхолдерам как представителям крупных промышленных предприятий, которые оказывают значительное влияние на политический дискурс, можно отнести Северсталь, Газпром, Норникель, Хибур. В финансовом секторе, основными участниками политической повестки можно назвать ПАО Сбербанк, Центробанк РФ.

Также в формировании повестки дня по ESG принимают участие: некоммерческая организация «Проектный альянс», ООО «Raex», Национальный ESG Альянс, который позиционирует себя как площадка для диалога между бизнесом и государством по теме ESG.

Экспертный совет по устойчивому развитию (ЭСУР) под председательством Министра Максима Решетникова включает в себя представителей 78 крупных промышленных предприятий России, организаций общественного и финансового сектора, бизнес-ассоциации и проч., и его состав постоянно увеличивается.

Тема ESG в российском политическом пространстве институционализована и представлена в ряде нормативно-правовых актов (начиная с 1996 г.: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. №440 «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г."). Эти документы включают большое количество целей и целевых показателей в парадигме ESG.

В рамках региональной политики тема ESG также является актуальной и обсуждаемой. Директор департамента экономического развития, заместитель губернатора Ханты-Мансийского автономного округа (Югра) Роман Генкель¹ уверен, что принципы ESG должны поддерживаться и транслироваться государством. По его мнению, именно на региональные, муниципальные и федеральные власти население возлагает окончательную ответственность за устойчивое развитие.

В Стратегиях развития до 2030 г. в ряде регионов также звучит ориентация на устойчивое развитие. Например, популяризация ESG-концепции в части соблюдения предприятиями экологических критериев устойчивого развития в целях повышения инвестиционной, репутационной привлекательности зафиксирована в Стратегии развития Рязани до 2030 г.²

Ключевыми практиками, позволяющими взаимодействовать стейкхолдерам, являются следующие: рейтинги, конкурс проектов устойчивого развития, который проводит «Проектный альянс», социальное проектирование - развитие отношений, бизнес-муниципалитеты.

ESG-рэнкинг направлен на привлечение внимания к актуальным вопросам устойчивого развития регионов и вовлечение региональных правительств в работу по внедрению механизмов

¹ ESG - реальность, или устойчивое развитие регионов. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/press/detail/15441/> (дата обращения: 23.03.2023).

² Стратегия социально-экономического развития города Рязани до 2030 года. URL: https://mineconom.ryazangov.ru/direction/economy/proekt_strategii.pdf?ysclid=1fsh87xlgq679723894 (дата обращения: 23.03.2023).

устойчивого развития в систему регионального управления. Качество государственного управления в регионе наравне с экологическими и социальными показателями влияет на место региона в рейтинге. В тройку лидеров два года подряд входят Москва и Татарстан, но если в прошлом году вторую позицию в субрэнкинге занимала Тюменская область, то в 2020 г. её место занял Ханты-Мансийский округ¹.

В дискурсе-пространстве Государственной думы (на официальном сайте) тема ESG встречается всего пять раз (2021–2022)². С точки зрения перспектив развития можно выделить разработку ESG-индекса городов, создание системы оценки устойчивости инфраструктурных проектов, которые соответствуют всем международным стандартам. Одним из направлений развития называется согласование целей и задач реализации ESG-повестки на федеральном и региональном уровнях.

SWOT-анализ политического дискурса в рамках ESG-повестки

В ходе исследования политического дискурса в российском пространстве были определены следующие возможности развития ESG повестки: ESG рассматривается как долгосрочный тренд, который остается в России. Сейчас анализируется возможность создания собственного российского правового пространства, а также собственных ESG стандартов, что может повысить качество управления и позволит стать более независимыми от внешних рейтингов и инвестиций. Имеет значение разработка и совместная реализация проектов, с участием бизнеса и государства.

На уровне внешней политики России реализация ESG стратегии внутри государства позволит оставаться привлекательным партнером при взаимодействии со странами Азии. Правительства Китая, Гонконга, Малайзии, Индии, Вьетнама и Сингапура взяли курс до 2050 г. на развитие устойчивой инфраструктуры компаний, реализацию устойчивых проектов, развитие рынка устойчивого финансирования³.

Основными ограничениями на сегодня в политическом дискурсе являются приостановка действия международных стандартов и рейтингов, недостаток знаний и компетенций в России в сфере управления устойчивыми проектами и отсутствие единого нормативного регулирования учета ESG-факторов и ESG-развития для регионов.

Сильными сторонами можно назвать: взаимодействие и диалог в политическом пространстве разных групп стейкхолдеров: государство, промышленные предприятия, бизнес, экспертное сообщество и другие. ESG-повестка стоит перед необходимостью искать такие управленческие решения, которые смогут удовлетворить все заинтересованные стороны.

Слабые стороны: отсутствие единого понятийного аппарата, единой концепции в области финансирования устойчивых проектов. Особого внимания требует необходимость адаптации системы государственного проектного управления, в том числе Национальными проектами, к требованиям ESG.

Идентификация рисков: качественный и количественный анализ рисков

В ходе исследования были определены следующие группы рисков: во-первых, правовые риски и управление правовыми коллизиями. Несмотря на достаточно долгий период формирования нормативно-правовой базы в данной сфере, большое количество вопросов остается нерешенными: вопрос предоставления отчетов и данных, обязательности включения в политическую повестку дня, соотношения статуса включенных/невключенных организаций в повестку ESG.

Серьезные риски представляет достоверность и открытость данных, в том числе и тех, которые предоставляются для ESG-рейтинга. Многие организации оставляют данные по реализации повестки ESG закрытыми, и до сих пор этот вопрос не регулируется нормативно-правовыми актами.

Риски, связанные с политикой регионов и включением их в повестку ESG, тоже существуют. С одной стороны, подобные процессы для региона могут служить фактором развития, и в политическом дискурсе главы ряда регионов используют устойчивое развитие в своем позиционировании. На

¹ ESG-рейтинг российских регионов (2020 год). URL: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2020/analitics/ESG_rating_regions_2020/?ysclid=lfshayz8gj9858543 (дата обращения: 23.03.2023).

² <http://duma.gov.ru>.

³ Вокруг света: зелёные и ответственные. Как учесть требования повестки устойчивого развития в любой точке мира URL: <https://sber.pro/special/vokrug-sveta-zelenye-i-otvetstvennye-kak-uchest-trebovaniya-povestki-ustojchivogo-razvitiya-v-lyuboj-tochke-mira> (дата обращения: 24.03.2023).

уровне государственной власти неоднократно заявляется, что субъекты Российской Федерации должны стать площадками для апробации новых решений и подходов. Однако, согласно данным рейтинга, очевиден существующий серьёзный разрыв между регионами. В ряде регионов аналитики констатируют инерционность мышления и непонимание выгод региональными элитами. При отсутствии мер, направленных на поддержание и развитие отстающих регионов от лидирующих, возможно прогнозировать усиление разрыва между территориями, риск дисбаланса.

Следующая группа рисков – управленческие, которые возникают вследствие возрастания сложности управления за счет большого количества стейкхолдеров с разнонаправленными интересами, что, во-первых, может провоцировать конфликты, во-вторых, может привести к рискам увеличения сроков принятия управленческих решений. К управленческим рискам относится риск перекладывания ответственности за управленческие решения в повестке ESG на государственные структуры, вследствие чего возникнет вероятность пассивности остальных стейкхолдеров и низкой степени вовлеченности в реализацию на уровне своего предприятия или региона. Еще одним управленческим риском может быть сопротивление компаний формированию нефинансовой отчетности.

Финансовые риски обусловлены тем, что реализация повестки ESG связана всегда с дополнительными расходами, в условиях кризиса вполне вероятно снижение финансирования и изменение приоритетов как у крупных компаний, так и у государства в целом.

К социальным рискам можно отнести незнание и непонимание большей частью населения России ESG-повестки и специфики управления, поэтому наличие терминов ESG в политическом дискурсе представителей власти может вызвать отрицательную реакцию со стороны населения.

Стратегические риски связаны с потребностью долгосрочного планирования. Стратегии развития ESG в дискурсе зарубежных государств строятся на прогнозах до 2050–2070 гг. Управленческие решения в области ESG ориентированы на перспективу, и результаты могут быть получены только через определенный период времени, а в условиях быстроменяющегося мира, долгосрочное планирование может быть затруднено.

Для определения вероятности возникновения каждого из рисков воспользуемся следующими значениями:

Таблица 1

Определение вероятности риска, %

Интервал вероятностей	Формулировка	Числовая оценка
От 1 до 14	крайне маловероятно	1
От 15 до 28	низкая вероятность	2
От 29 до 42	скорее нет	3
От 43 до 57	50-50	4
От 58 до 72	возможно	5
От 73 до 86	весьма правдоподобно	6
От 87 до 99	почти наверняка	7

Таблица 2

Шкала для оценки последствий рисков (ущерб)

Оценка	Влияние на управленческие решения/систему
1 (низкая)	незначительное
2 (средняя)	умеренное
3 (высокая)	высокое
4 (критическая)	критическое

Построим матрицу вероятности и воздействия выявленных рисков, на основании изученных документов, материалов и мнений экспертов:

- 1) правовые риски: 6x3;
- 2) информационные риски 6x2;
- 3) риски региональной политики 5x2;
- 4) управленческие риски 4x2;
- 5) финансовые риски 6x3;
- 6) социальные 5x2;
- 7) стратегические 5x3.

Таблица 3

**Матрица вероятности и воздействия рисков на повестку ESG
в политическом пространстве России**

Критический (4)							
Высокий (3)					Стратегические	Правовые и финансовые	
Средний (2)				Управленческие	Региональные, социальные	Информационные	
Низкий (1)							
	Маловероятно (1)	Низкая вероятность (2)	Скорее нет (3)	50/50 (4)	Возможно (5)	Правдоподобно (6)	Наверняка (7)

В результате анализа видно, что в политическом пространстве России присутствуют два серьезных риска, которые могут оказать значительное влияние на повестку ESG – это финансовый риск и риски в правовой сфере. С высокой степенью влияния являются риски стратегического планирования. Четыре риска являются средними по соотношению вероятности/влияния, что также требует управленческого внимания и планирования управления.

Заключение

В ходе исследования были изучены актуальные материалы относительно повестки ESG в российском политическом пространстве, выявлен высокий интерес к этой повестке крупных промышленных предприятий, банков, экспертных сообществ, государственных структур и организаций. Несмотря на прекращение сотрудничества с западными государствами, наметились новые возможности и перспективы, такие как развитие собственных инструментов управления (рейтинги, ранкинги, правовые документы), сотрудничество с государствами АТР.

Основываясь на том, что стратегия развития ESG в целом имеет долгосрочный характер и связана со стратегическим планированием, а также подразумевает необходимость поиска общего решения большим количеством заинтересованных сторон, можно констатировать, что это направление провоцирует возникновение разнообразных рисков, которые необходимо учитывать при принятии политических решений и, более того, которые требуют постоянного управленческого внимания, мониторинга и контроля, поскольку управление рисками и неопределённостью имеет постоянный циклический характер.

Идентификация и управление рисками в политическом пространстве становятся все более актуальными и в контексте роста неопределенности и сложности окружающей среды. Теория черного лебедя Н. Талеба (2009), концепция «пермакризиса», о котором активно стали говорить после 2022 г., диктуют необходимость развития устойчивости и гибкости в управлении, что как раз и достигается путем управления рисками.

Список литературы / References

- Ануфриев, В. П., Гудим, Ю. В., Каминов, А. А. (2021) Устойчивое развитие. Энергоэффективность. Зеленая экономика. Москва: ИНФРА-М, 201 с. [электронное издание]. DOI: <https://dx.doi.org/10.12737/1226403>. [Anufriev, V. P., Gudim, Yu. V., Kaminov, A. A. (2021) *Sustainable Development. Energy efficiency. Green economy* [Ustoichivoe razvitie. Energoeffektivnost'. Zelenaya ekonomika]. Moscow: INFRA-M, 201 p. E-book library [online]. (In Russ.)].
- Барановский, В. Г., Иванова, Н. И., отв. ред. (2015) *Глобальное управление: возможности и риски*. Москва, ИМЭМО РАН, 315 с. [Baranovskii, V. G., Ivanova, N. I., отв. red. (2015) *Global Governance: Opportunities and Risks*. [Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski]. Moscow, IMEMO RAN, 315 p. (In Russ.)].
- Бек, У. (2000) *Общество риска: на пути к другому модерну*. Москва. [Bek, U. (2000) *Risk society: on the way to another modernity* [Obshchestvoriska: naputi k drugomu modern]. Moscow. (In Russ.)].
- Боброва, О. С. (2022) 'От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств', *Государственное управление. Электронный вестник*, 91, сс. 94–103. [Bobrova, O. S. (2022) 'From sustainable development to ESG: the experience of European companies and governments' [Ot ustoichivogo razvitiya k ESG: opyt evropeiskikh kompanii pravitel'stv], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyvestnik*, 91, pp. 94–103. (In Russ.)].
- Бордовских, А. Н. (2020) 'Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления', *Анализ и прогноз, Журнал ИМЭМО РАН*, 1, сс. 63–73. DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73. [Bordovskikh, A. N. (2020) 'Political risks in the face of global challenges to traditional public administration systems' [Politicheskieriski v usloviyakh global'nykh vyzovov traditsionnym sistemam gosupravleniya], *Analiz I prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 1, pp. 63–73. Available at: <https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-63-73>. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (1994) 'Судьбы, риск и безопасность', *Thesis*, Вып.5. [Giddens, E. (1994) 'Fate, risk and safety' [Sud'by, risk ibezonacnost'], *Thesis*. Вып. 5. (In Russ.)].
- Дейк, Т. А. Ван. (1989) *Язык. Познание. Коммуникация* / пер. с англ. [Deik, T. A. van. (1989) *Language. Cognition. Communication* [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya] / per. s angl. Moscow. (In Russ.)].
- Загашвили, В. С. (2017) 'Политические риски зарубежных инвестиций российских компаний', *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (12), сс. 27–35. [Zagashvili, V. S. (2017) 'Political risks of foreign investments by Russian companies' [Politicheskie risk izarubezhnykh investitsii rossiiskikh kompanii], *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*, 61 (12), pp. 27–35. (In Russ.)].
- Измайлова, М. А. (2022) 'Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений', *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 13 (2), сс. 185–201. [Izmailova, M. A. (2022) 'Implementation of ESG strategies of Russian companies under sanctions restrictions' [Realizatsiya ESG-strategii rossiiskikh kompanii v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenii], *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, 13 (2), pp. 185–201. (In Russ.)].
- Луман, Н. (1994) 'Понятие риска' / пер. А. Ф. Филиппова, *Thesis*, 5. [Luman, N. (1994) 'The concept of risk' [Ponyatieriska] / per. A. F. Filippova, *Thesis*, 5. (In Russ.)].
- Матвеевко, Ю. И. (2012) 'Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения', *Социология власти*, 1, сс. 147–158. [Matveenko, Yu. I. (2012) 'Political risk: about some methods and applied models of its analysis and study' [Politicheskii risk: o nekotorykhmetodakhprikladnykhmodelyakh ego analizaiizucheniya], *Sotsiologiya vlasti*, 1, pp. 147–158. (In Russ.)].
- Нарышкина, М. В. (2017) 'Основные методы оценки политических рисков в деятельности политических партий', *Право и политика*, 3, сс. 62–73. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.3.22067. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22067. [Naryshkina, M. V. (2017) 'Basic methods for assessing political risks in the activities of political parties' [Osnovnye metody otsenki politiki-

chesk ikhriskov v deyatelnosti politicheskikh partii], *Pravo i politika*, 3, pp. 62–73. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.3.22067 [online]. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22067. (In Russ.).

Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ-2022): сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 11–12 нояб., Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 819 с. DOI 10.18720/IEP/2021.4. [Digital Transformation of Economic Systems: Problems and Prospects (ECOPROM-2022) [Tsifrovaya transformatsiya ekonomicheskikh sistem: problem i perspektivy], Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with Foreign Participation, Sankt-Peterburg, 11–12 noyab., Sankt-Peterburg: POLITEKH-PRESS, 819 p. (In Russ.)].

Соловьев, Э. (2010) 'Политические риски – фактор формирования российского инвестиционного имиджа', *Мировая экономика и международные отношения*, 4, сс. 64–70. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-4-64-70>. [Solov'ev, E. (2010) 'Political risks - a factor in the formation of the Russian investment image' [Politicheskieriski – faktor formirovaniya rossiiskogo investitsionnogo imidzha], *Mirovaya ekonomika imezhdunarodnye otnosheniya*, 4, pp. 64–70. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-4-64-70>. (In Russ.)].

Талеб, Н. Н. (2009) *Черный лебедь под знаком непредсказуемости*. Москва: Издательство Колибри. [Taleb, N. N. (2009) *Black swan under the sign of unpredictability* [Chernyilebed' pod znakom nepredskazuemosti]. Moscow: Izdatel'stvo Kolibri. (In Russ.)].

Ялманов, Н. И. (2012) 'Риск и неопределенность в процессе принятия политических решений', *Вопросы управления*, 1, сс. 41–45. [Yalmanov, N. I. (2012) 'Risk and Uncertainty in Political Decision Making' [Risk ineopredelennost' v protsesse prinyatiya politicheskikh reshenii], *Voprosy upravleniya*, 1, pp. 41–45. (In Russ.)].

Althaus, C. (2009) *Calculating Political Risk*. Published by Routledge, 304 p.

Alexander, C., Sheedy, E. (2004) *The Professional Risk Managers' Handbook: A Comprehensive Guide to Current Theory and Best Practices*.

Clark, E. (1997) 'Valuing Political Risk', *Journal of International Money and Finance*, Vol. 16, 3, pp. 477–490.

Holburn, G. L. F., Zelner, B. A. (2009) *Political capabilities, policy risk, and international investment strategy: Evidence from the global electric power industry*. Working paper.

Labuschagne, C. (2005) 'Sustainable Project Life Cycle Management: the need to integrate life cycles in the manufacturing sector', *International Journal of Project Management*, Vol. 23, pp. 159–168.

Morgan, M. G., Florig, H. K., DeKay, M. L. and Fischbeck, P. (2000) 'Categorizing risks for risk ranking', *Risk Analysis*, Vol. 20, 1, pp. 49–58.

Strategies and Techniques for Investors and Financial Institutions (2008) Blackwell publisher.

Silvius, A. J. G. and Tharp, J. (2013) *Sustainability Integration for Effective Project Management*, IGI Global Publishing.

Silvius, G., Kampinga, M., Paniagua, S., Mooi, H. (2017) 'Considering sustainability in project management decision making; An investigation using Q-methodology', *International Journal of Project Management*, 35, pp. 1133–1150.

Simon, J. D. (1982) 'Political risk assessment: Past trends and future prospects', *Columbia Journal of World Business*, pp. 62–71.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023

Статья принята к печати: 17.04.2023

ESG IN THE POLITICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA: KEY RISKS

D. M. Semenova, S. A. Kudryavtsev

D. M. Semenova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University.
E-mail: d.m.semenova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4107-4634. ResearcherID: HZJ-8390-2023).

S. A. Kudryavtsev, Graduate Student of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University, Moscow, Russia.
E-mail: ks-yar@inbox.ru (ORCID: 0009-0004-7849-2225. ResearcherID: HZJ-8767-2023).

Abstract

The relevance of the research is connected with the need to form its own policy and strategy for the development of the ESG agenda in the political space of Russia in the new international and geopolitical conditions. The current international and domestic political situation requires a special approach to understanding and identifying existing risks in the field of forming the ESG agenda. The purpose of the study is to identify the main risks in the political space within the framework of the ESG agenda formation process in modern Russia. In this research, we propose a broader understanding of political risk as a situation of uncertainty that can negatively and positively affect the political situation and stakeholders. The main research methods are content analysis, SWOT analysis, as well as qualitative risk assessment methods: the development of a probability and impact matrix. The results of the study show that a large number of stakeholders (representatives of various political groups and organizations) are involved in the discussion of the topic and the implementation of the ESG agenda in the Russian space. The study identified risk groups with the greatest impact, primarily legal and financial. Also, risks with a high degree of influence are the risks of strategic planning.

Keywords: risk; ESG agenda; political stakeholders; political risks; sustainable development; regional development strategy.

УДК: 323.32(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-48-59

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ: ГОТОВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ

О. В. Рогач, Е. В. Фролова

Рогач Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ.
E-mail: rokach16@mail.ru (ORCID: 0000-0002-3031-4575).

Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ.
E-mail: efrolova06@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8958-4561).

Аннотация

Анализируются возможности использования механизма инициативного бюджетирования через оценку готовности населения к участию в данных практиках. В фокусе внимания исследователей оценка доверия населения к деятельности органов власти как предиктора формирования их готовности к софинансированию проектов инициативного бюджетирования. Ведущим методом исследования выбран анкетный опрос населения (N=447). Результаты исследования иллюстрируют достаточно низкий интерес общественности к личному участию в практиках инициативного бюджетирования (64,0% не готовы вкладывать свои средства в проекты развития местных сообществ). Респонденты признают актуальность обращения к механизму софинансирования, только в случае, если он затрагивает их индивидуальные интересы (40,4% – «да, если проблема стоит остро и касается меня (моей семьи) лично»). В ходе исследования было установлено, что каждый третий житель не удовлетворен деятельностью органов местного самоуправления в целом, наиболее негативные оценки были получены по показателю обеспечения прозрачности использования бюджетных средств (46,1%). Полученные результаты свидетельствуют о низком уровне доверия к власти в вопросах расходования средств муниципального бюджета, при этом недостаточность ресурса доверия лимитирует готовность жителей вкладывать финансовые средства в развитие территории. Делается вывод, что отсутствие у общественности уверенности в том, что органы местного самоуправления ориентированы на интересы жителей и поддержку местных инициатив будет снижать готовность к участию в практиках реализации проектов софинансирования. Делается заключение, что низкий уровень осведомленности граждан о практиках инициативного бюджетирования усугубляет проблемы низкого уровня доверия населения к финансовой деятельности органов власти, снижает удовлетворенность эффективностью реализации контрольно-бюджетных функций.

Ключевые слова: доверие; органы власти; инициативное бюджетирование; местные инициативы.

Введение

В современных условиях кризисного состояния социально-экономической сферы российских территорий внимание политиков привлечено к поиску новых возможностей решения вопросов муниципального и государственного развития. В частности, В. В. Путин на заседании Совета при Президенте по развитию местного самоуправления, проведенного 20 апреля 2023 г., отметил значимость проектов инициативного бюджетирования, которые «способствуют притяжению талантливых людей, формированию новых точек роста, объединению и самореализации граждан, продвижению их инициатив».¹ Как политический, так и научный дискурс свидетельствует, что учет мнений граждан, их привлечение к процессам управления обеспечивает консолидацию интересов власти и населения

© Рогач О. В., Фролова Е. В., 2023

¹ Владимир Путин: растет интерес к проектам инициативного бюджетирования – 2023 г. Портал по инициативному бюджетированию. Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/vladimir-putin-rastet-interes-k-proektam-iniciativnogo-byudzhetirovaniya-1/> (дата обращения: 01.05.2023)

Однако данные процессы во многом лимитированы бюджетными ограничениями, экономическими и политическими дисфункциями, что создает основу для дестабилизации отношений власть-общество, потери доверия широких масс населения к деятельности управленческих структур (Медведева, 2018).

По мнению ряда ученых, в наиболее уязвимой позиции находятся органы муниципального управления, для которых выстраивание доверительных отношений с жителями затруднено в силу ограничений автономии их деятельности, финансовой недостаточности местных бюджетов (Широков, Юркова, 2018). Муниципальная практика иллюстрируется фрагментарными попытками привлечения общественности к решению вопросов местного значения как инструмента повышения доверия к власти и признания легитимности ряда проектных инициатив (Рогач, Фролова, 2022; Шульга и др., 2017). Вместе с тем нельзя не признать «пессимистичную тональность» таких практик: отмечается низкий уровень вовлеченности населения, недоверие и отчужденность от действий властей, низкая информированность о возможностях участия общественности в проектах развития территории (Александрова, 2019; Ильичева и др., 2021).

Можно предположить, что финансовая нестабильность муниципалитетов снижает эффективность деятельности органов местной власти в вопросах самоорганизации граждан, построения результативной коммуникации и обратной связи с жителями (Nared, 2018). Анализ ряда исследований обозначил вектор возможных трансформаций механизмов экономического участия населения в контексте решения вопросов местного значения (Медведева и др., 2021; Cabannes, 2018; Estrada, Bastida, 2020). Особую роль здесь играет практика софинансирования населением проектов территориального развития. Институциональным драйвером данных тенденций выступила масштабная урбанизация территорий и, как следствие, рост численности жителей, локализованных на территориях с низкой инфраструктурной обеспеченностью. В России практики софинансирования также получили признание эффективного инструмента вовлечения общественности в реализацию муниципальных проектов¹. В частности, принято говорить о механизме инициативного бюджетирования, в основе которого заложены активная гражданская позиция населения, непосредственное участие его представителей в выборе объектов расходования бюджетных средств муниципального образования, софинансирование проектов, которые обеспечивают нужды местного населения.

Как показывают результаты исследований, применение практик инициативного бюджетирования становится инструментом повышения релевантности действий властей потребностям и ожиданиям местного населения (Goncalve, 2014). Опираясь на данное заключение, можно сделать вывод, что сближение интересов органов управления и местного сообщества в вопросах территориального развития будет способствовать росту доверия. Вместе с тем результаты исследований, проведенных на российском материале, показывают низкую готовность населения к участию в проектах инициативного бюджетирования. Во многом это связывают с недостаточным уровнем социально-политической активности граждан, дифференциацией доходов, несформированными компетенциями представителей органов власти в части организации практик софинансирования общественных проектов, что в целом лимитирует возможности роста уровня институционального доверия (Подгорская, Мирошниченко, 2021). Таким образом, возникает дисфункциональность в процессах формирования доверия к власти, где, с одной стороны, его отсутствие ограничивает общественное стремление к реализации партнерских проектов, а с другой стороны, сложность и неоднозначность воплощения на практике механизма инициативного бюджетирования не позволяет сформировать устойчивый базис доверия.

Специфика дизайна механизма инициативного бюджетирования требует создания контекстных условий для формирования доверия, в том числе развития кадрового потенциала муниципальной службы. Зарубежные исследования иллюстрируют устойчивую связь между уровнем компетенции, штатной численностью муниципальной службы и эффективностью реализации социально значимых проектов, направленных на социально-экономическое развитие территории (Burrier, 2019).

Таким образом, анализ научной литературы показывает высокую актуальность практик инициативного бюджетирования наряду с недостаточным уровнем исследования контекстных условий и специфики его реализации в современных условиях. Требуется более детальный анализ готовности населения к участию в проектах инициативного бюджетирования, осведомленности о возможных перспективах софинансирования общественно значимых инициатив.

¹ Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / А.А. Беленчук, В.В. Вагин. [Электронный ресурс]. URL: www.minfin.ru.

Методы. Цель исследования – анализ специфики реализации проектов инициативного бюджетирования в российских условиях. Авторы фокусируют внимание на рассмотрении инициативного бюджетирования как площадки конструктивного диалога власти и населения, взаимосвязи готовности населения к софинансированию социально-значимых проектов и уровня доверия к органам местного самоуправления.

Под *доверием* населения к местной власти предлагается понимать уверенность граждан в том, что органы управления будут учитывать их нужды при решении социальных проблем, эффективно использовать бюджетные средства, поддерживать инициативы местной общественности, создавать условия для участия населения в принятии управленческих решений. В ходе исследования для оценки уровня доверия населения к органам власти использовался инструментарий, фокусирующийся на деятельностной компоненте доверия, что исключает абстрактно обобщенные формулировки (например, доверяете или нет). В фокусе данного подхода инструментарий исследования включает ряд вопросов, оценивающих эффективность деятельности органов власти по выстраиванию фундамента открытого взаимодействия с населением по распределению бюджетных средств.

При подготовке материалов были поставлены следующие исследовательские задачи:

1. Анализ уровня осведомленности граждан о механизмах инициативного бюджетирования.
2. Оценка уровня готовности населения к участию в решении вопросов развития территории, в том числе в практиках инициативного бюджетирования.
3. Анализ оценок эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере взаимодействия с населением (учет нужд и потребностей, поддержка общественных инициатив, вовлечение в принятие решений).

Гипотеза исследования: недостаточный уровень уверенности граждан в том, что местная власть будет соблюдать принципы конструктивного диалога с населением (учет потребностей и мнений жителей при принятии решений, поддержка общественных инициатив, прозрачность использования бюджетных средств) снижает готовность к участию в практиках инициативного бюджетирования.

В ходе выполнения исследовательских работ авторами использовался комплекс общенаучных методов исследования: обобщение, систематизация, анализ документов. В качестве ключевого метода исследования использовался анкетный опрос населения (N=447). Инструментарий исследования подготовлен с использованием Google Forms¹. Выборка стихийная, распространение ссылки на анкету осуществлялась с использованием принципа снежного кома. Работа проведена в 2022 г. и носила характер пилотажного исследования.

Территориальный охват респондентов представлен регионами РФ. Из них 61,3% – жители городов с численностью свыше 100 тыс. чел.; 21,5% – жители городов с численностью менее 100 тыс. чел.; 17,2% – жители сельских поселений. Социально-демографические характеристики респондентов имеют следующее распределение: 53% – женщин, 47% мужчин. Из них: 64,4% респондентов в возрасте 18–29 лет, 19,7% – в возрасте 30–44 лет, 10,5% – в возрасте 45–54 лет, 5,3% респондентов старше 55 лет. Подобное нарушение возрастных пропорций выборки респондентов может рассматриваться как некоторое ограничение, однако пилотажный характер исследования и доминирование в выборке опрошенных экономически активного населения соответствует поставленным задачам.

В виду низкого уровня развития инициативного бюджетирования при конструировании выборки не представлялось возможным обеспечить пропорциональное представительство регионов, имеющих различный опыт организации проектов софинансирования. Тем не менее, для повышения качества проводимого исследования авторами были включены в выборку регионы (Санкт-Петербург и Волгоградская область), которые по результатам оценки, проведенной Минфином, демонстрируют лучшие практики инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации за 2021 г.² Низкое представительство респондентов из регионов-лидеров в области инициативного бюджетирования может рассматриваться как дополнительное ограничение данного исследования.

Результаты. Прежде всего, респондентам был задан вопрос «Насколько хорошо Вы осведомлены о механизме инициативного бюджетирования?». Так согласно полученным данным, 42,7% опрошенных никогда не слышали о данных практиках (рис. 1). Среди респондентов из регионов-лидеров

¹ Анкета на Google Forms. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfOglzauWMZ0pxDcMfcNwhiGYLR4iVQwJnQiGf8gSAFAyghg/viewform?usp=sf_link.

² Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf.

(демонстрирующие лучшие практики инициативного бюджетирования) доля тех, кто выбрал данный вариант ответа ниже – 22,2%.

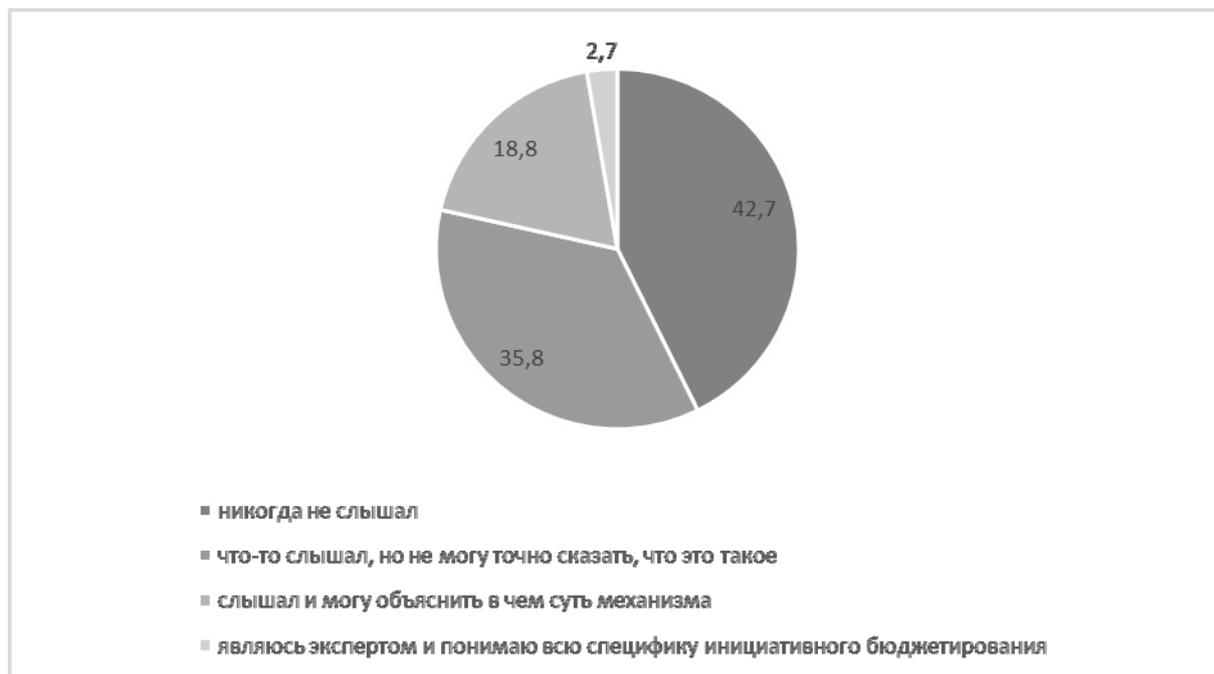

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько хорошо Вы осведомлены о механизме инициативного бюджетирования?», %

В целом более половины респондентов полагают, что имеют целостное представление о данном механизме, из них 2,7% считают, что являются экспертами и понимают всю специфику инициативного бюджетирования. Детализация ответов на вопрос о том, какие ассоциации вызывает понятие «инициативное бюджетирование» подтверждает данную позицию. Были даны следующие интерпретации: «добровольное и осознанное вложение средств в проект», «добровольное финансирование», «вклад средств по своей инициативе», «форма непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления путем выдвижения инициатив по целям расходования определенной части бюджетных средств» и пр.

Более половины респондентов (56,2%) полагают, что софинансирование проектов – эффективный механизм решения вопросов местного значения, а 60,2% видят в инициативном бюджетировании возможность для участия предпринимателей в реализации проектов. При этом только каждый четвертый респондент готов внести вклад в решение вопросов развития своего поселения (28,6% – «да, готов вложить»); 30,2% ответили отрицательно на данный вопрос. Среди жителей регионов-лидеров в области инициативного бюджетирования данное распределение имеет следующий вид: 66,7% – «да, готов вложить», 33,3% – «да, если проблема стоит очень остро и касается меня (моей семьи) лично». Примечательно, что среди данной группы респондентов отрицательные ответы не были получены.

В целом по выборке, только часть опрошенных признают актуальность практики софинансирования в случае, если она затрагивает индивидуальные интересы и потребности гражданина (40,4% – «да, если проблема стоит остро и касается меня (моей семьи) лично»). Полученные данные позволяют сделать вывод о разделении в массовом сознании общественных и индивидуальных интересов. Кроме того, дистанцированность от проблем местных сообществ определяет характер мотивации населения к участию в практиках инициативного бюджетирования, где доминирующую роль играет актуализация проблемы в малом радиусе (семья, близкие). Расширение радиуса восприятия интересов местного сообщества возможно только на основе выстраивания доверительных отношений между муниципальными властями и населением, установления устойчивых горизонтальных связей между жителями.

Таблица 1

Зависимость распределения ответов на вопрос: «Готовы ли Вы внести свой вклад в решение вопросов развития Вашего города/села/двора?» от типа муниципального образования, %

Тип муниципального образования	Готовы ли Вы внести свой вклад в решение вопросов развития Вашего города/села/двора?			
	да, готов вложить	да, если проблема стоит очень остро и касается меня (моей семьи) лично	нет, не готов	затрудняюсь ответить
Сельское поселение	37,7	31,2	28,6	2,5
Город с численностью населения менее 100 тыс. чел	27,1	43,8	28,1	1,0
Город с численностью населения свыше 100 тыс.	26,6	40,9	31,0	1,5
<i>Среднее по выборке</i>	<i>28,6</i>	<i>40,4</i>	<i>30,2</i>	<i>0,8</i>

Интерес представляет тот факт, что сельские жители демонстрируют более высокий уровень готовности к личному участию в решении территориальных проблем (37,7%, что выше средних значений на 11,1 п.п.) Можно предположить, что более тесные практики общения в ограниченном локальном пространстве, а также персонифицированный характер взаимодействия с представителями сельской Администрации снижает уровень дистанцированности от коллективно значимых проблем (табл. 1). Данный вывод находит свое отражение в политическом дискурсе. По мнению министра финансов РФ А.Г. Силуанова, необходимо расширение практик инициативного бюджетирования на местах, «в первую очередь, поселенческого уровня, через механизм финансовой помощи со стороны субъекта»¹.

Кроме того, более высокие оценки результатов деятельности органов местного самоуправления по вовлечению населения в решение совместных проблем в сельских поселениях (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость распределения ответов на вопрос: «Оцените эффективность деятельности органов местного самоуправления в сфере вовлечения населения в принятие решений по разрешению общих проблем?» от типа муниципального образования, %

Тип муниципального образования	Оцените эффективность деятельности органов местного самоуправления в сфере вовлечения населения в принятие решений по разрешению общих проблем?		
	удовлетворен	не удовлетворен	затрудняюсь ответить
Сельское поселение	39,0	35,1	25,9
Город с численностью населения менее 100 тыс. чел	31,3	44,7	24,0
Город с численностью населения свыше 100 тыс.	37,6	33,9	28,5
<i>Среднее по выборке</i>	<i>36,5</i>	<i>36,5</i>	<i>27,1</i>

Надо отметить, что респонденты в целом достаточно низко оценивают эффективность деятельности органов местного самоуправления в таких сферах, как: «учет нужд населения при решении социальных проблем» и «поддержка инициатив граждан по развитию территории». Вариант ответа «не удовлетворен» выбрали 43,6% и 38,7%, соответственно (рис. 2). Данные результаты иллюстри-

¹ Владимир Путин: растет интерес к проектам инициативного бюджетирования – 2023 г. Портал по инициативному бюджетированию. Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/vladimir-putin-rastet-interes-k-proektam-iniciativnogo-byudzhetirovaniya-1/> (дата обращения: 01.05.2023).

ругают отсутствие уверенности жителей в том, что местная власть соблюдает принципы партнерского диалога с населением, заинтересована в совместном принятии управленческих решений.

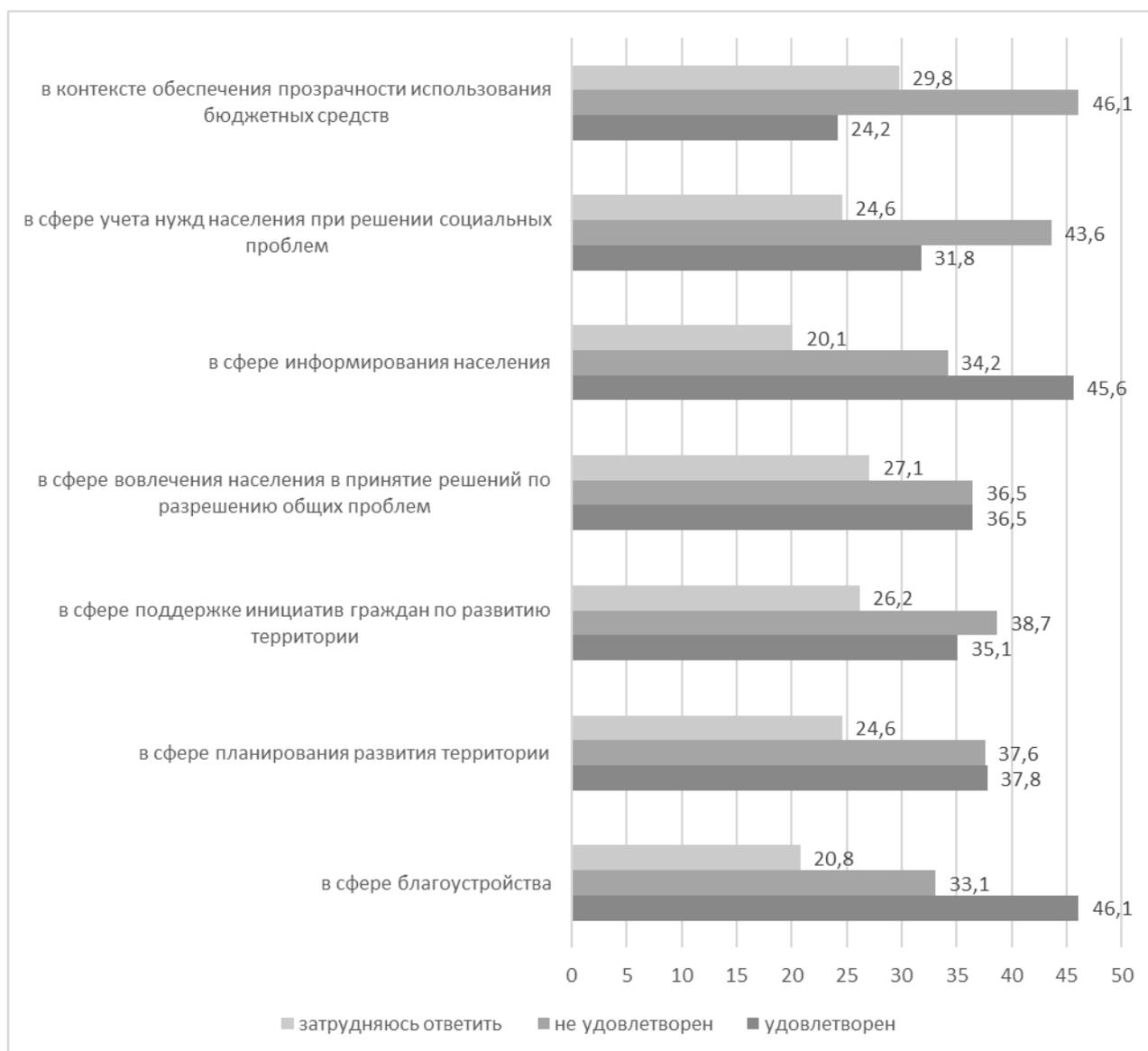

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Оцените эффективность деятельности органов местного самоуправления в...», %

Вызывает тревогу тот факт, что 46,1% опрошенных не удовлетворены эффективностью деятельности органов местного самоуправления в вопросе обеспечения прозрачности использования бюджетных средств. В данном контексте достаточно сложно прогнозировать готовность населения к софинансированию муниципальных проектов, инициаторами которых выступает местная власть, не обеспечивающая, по мнению респондентов, соблюдение прозрачности финансовых потоков. Это может быть связано с тем, что в проектах инициативного бюджетирования ключевую роль играет доверие между всеми заинтересованными субъектами, открытость позиций, уверенность в предсказуемости действий друг друга.

Стоит отметить, что 71,4% опрошенных разделяют мнение о том, что решение вопросов местного значения требует непосредственного участия граждан в определении и выборе объектов расходования бюджета. Однако, 38,7% полагают, что население местных сообществ не обладает необходимыми знаниями для выбора объектов расходования бюджетных средств, поэтому лучше отказаться от такой практики. Также 48,3% респондентов считают неэффективным общественный контроль за реализацией местных инициатив (в той форме, что он сейчас существует).

Ответы респондентов демонстрируют достаточно низкий интерес общественности к инициативному бюджетированию: 64,0% опрошенных не готовы вкладывать свои средства в проекты разви-

тия местных сообществ. Только каждый четвертый респондент высказался утвердительно по данному вопросу (25,5%). В распределении ответов на данный вопрос прослеживается позиция респондентов, дифференцирующих готовность своего участия в зависимости от ряда факторов (10,5% опрошенных выбрали вариант ответа «при определенных условиях»).

Рассмотрим зависимость между готовностью населения вкладывать свои средства в проекты развития местных сообществ и уверенностью граждан в ориентации местных властей на их нужды (табл. 3). Для корректности оценок использовался сбор дифференцированных ответов по ключевым элементам доверия населения к органам власти, что соответствует задачам и методологии исследования.

Таблица 3

Зависимость готовности населения вкладывать свои средства (софинансирование) в проекты развития местных сообществ от оценок эффективности деятельности органов местного самоуправления, %

Оцените эффективность деятельности органов местного самоуправления...	Готовы ли вы вкладывать свои средства (софинансирование) в проекты развития местных сообществ?		
	да	нет	при определенных условиях
<i>в сфере учета нужд населения при решении социальных проблем</i>			
удовлетворен	40,1	53,5	6,4
не удовлетворен	23,6	63,6	12,8
затрудняюсь ответить	10,0	78,2	11,8
<i>в сфере вовлечения населения в принятие решений по разрешению общих проблем</i>			
удовлетворен	36,8	55,8	7,4
не удовлетворен	21,5	64,4	14,1
затрудняюсь ответить	15,7	74,4	9,9
<i>в сфере поддержке инициатив граждан по развитию территории</i>			
удовлетворен	40,1	53,5	6,4
не удовлетворен	22,0	63,6	14,4
затрудняюсь ответить	11,1	78,6	10,3
<i>в контексте обеспечения прозрачности использования бюджетных средств</i>			
удовлетворен	50,0	46,3	3,7
не удовлетворен	21,8	67,5	10,7
затрудняюсь ответить	11,3	73,0	15,7
Среднее значение по выборке	25,5	64,0	10,5

Наиболее значимым фактором, формирующим готовность населения к участию в практиках инициативного бюджетирования, является обеспечение властью прозрачности использования финансовых средств. В частности, среди тех, кто удовлетворен эффективностью деятельности органов местного самоуправления по данному параметру, значительно выше доля респондентов, высказавших готовность к участию в практиках инициативного бюджетирования (50,0%, что выше средних значений на 24,5 п.п.). Не менее значимыми факторами являются следующие: учет нужд населения при решении социальных проблем и поддержка инициатив граждан по развитию территории. Среди тех, кто выбрал вариант «удовлетворен» по данным параметрам также выше доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о готовности к вложению своих средств в проекты развития местных сообществ (40,1%, что выше средних значений на 14,6 п.п.).

Обсуждение. В ходе исследования было выявлено противоречие между восприятием механизмов инициативного бюджетирования как наиболее эффективной практики решения территориальных проблем и низким уровнем готовности населения к участию в данных проектах. В этом контексте органам муниципальной власти необходимо обратить внимание на выстраивание доверия с представителями местных сообществ, что позволит нивелировать такие дисфункциональные проявления в гражданской активности, как дистанцированность, отчуждение, ориентация на индивидуальные интересы, а не общественные цели. В рамках данного направления особую роль играет актуализация практик роста бюджетной грамотности населения, что позволяет участникам финансового партнерства чувствовать уверенность в соблюдении договоренностей и регламентированных норм

инициативного бюджетирования. Кроме того, рост бюджетной грамотности населения позволит популяризировать такие преимущества данного механизма, как минимизация коррупционных рисков, развитие общественного контроля, мониторинга за целевым расходованием бюджетных средств (Вагин, Гаврилова, 2017). Современные исследования иллюстрируют возможность деления ожидаемых от инициативного бюджетирования эффектов на три группы: развитие основ гражданской активности местных жителей, повышение качества инфраструктурного фонда и эффективности бюджетного климата территории (Константин, Соколов, 2022).

Результаты исследования показали недостаточный уровень информированности населения о практиках инициативного бюджетирования. Можно предположить, что неготовность жителей к софинансированию проектов территориального развития отчасти становится следствием информационного вакуума вокруг данных механизмов, недостаточности накопленного положительного опыта совместного решения социальных проблем. Другим лимитирующим фактором, как показали результаты исследования, является достаточно «слабая» позиция современных муниципалитетов в вопросах поддержки местных инициатив. Данные выводы созвучны заключениям других российских ученых, где подчеркивается значимость активной роли органов власти, без устойчивого партнерства с которыми местные сообщества не в состоянии эффективно решать территориальные проблемы (Майкова, Симонова, 2014).

Результаты исследования показали, что в регионах-лидерах, где активно развиваются практики инициативного бюджетирования осведомленность жителей и их готовность участвовать в проектах софинансирования выше, чем в среднем по выборке. Можно предположить, что такие практики продвижения местных инициатив, как творческие конкурсы по созданию лучших просветительских материалов, проведение информационных компаний в сотрудничестве со СМИ и региональными отделениями МФЦ (например, Волгоградская область), доказывают свою эффективность формирования лояльного отношения населения к софинансированию муниципальных проектов. Однако, как показали результаты исследования, популяризация проектов инициативного бюджетирования не гарантирует высокой оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в данных регионах.

В ходе исследования было установлено, что каждый третий житель (в целом по выборке) не удовлетворен деятельностью органов местного самоуправления в таких сферах, как планирование развития территории, благоустройство. Наиболее негативные оценки были получены по показателю обеспечения прозрачности использования бюджетных средств. Полученные результаты свидетельствуют о низком уровне доверия к власти в вопросах общественного взаимодействия. Недостаточность доверительного ресурса лимитирует готовность жителей вкладывать финансовые средства в развитие территории, поскольку управление ими необходимо делегировать органам местного самоуправления, которые не смогли на данном этапе накопить определенный «репутационный капитал». Данный вывод коррелирует с результатами исследований, проведенными другими авторами. В частности, в работах российских ученых определены ключевые характеристики репутационного капитала власти: уверенность в надежности сотрудничества, стабильность, эффективность взаимодействия с населением (Розанова, 2016). При этом высокие оценки эффективности деятельности органов власти в решении социально-экономических проблем, их ориентация на потребности населения становится фундаментом построения доверия (Малкина и др., 2020). Можно предположить, что выстраивание доверительных взаимодействий власти и общества позволит перенести полюс принятия решения при реализации практик инициативного бюджетирования с регионального уровня на местный (Сивинцева, Будник, 2018), при активном включении населения в решение вопросов местного значения. В этом контексте взаимодействие власти и населения по определению стратегических ориентиров развития территории с использованием механизма инициативного бюджетирования, создает возможность для артикуляции позиции населения по тем или иным вопросам, актуализированных в общественном сознании территориальных проблем.

Заключение

Реализация практик инициативного бюджетирования сегодня находится в центре внимания как политиков, так и ученых. Вовлечение населения в проекты софинансирования представляет собой ключевой механизм решения политических проблем дистанционности населения от местной власти, снижения уровня доверия. Анализ материалов исследования позволил сделать ряд выводов.

Отмечается противоречие между высокой оценкой населением механизмов инициативного бюджетирования и низким уровнем его готовности к участию в проектах софинансирования. Авторами делается вывод о первопричине данного противоречия, а именно – низком уровне доверия к органам власти. Поскольку инициативное бюджетирование предполагает партнерское взаимодействие власти и населения, отсутствие у общественности уверенности в том, что органы местного самоуправления ориентированы на потребности жителей и поддержку местных инициатив будет снижать готовность к участию в практиках реализации проектов софинансирования.

Популяризация практик инициативного бюджетирования формирует более высокий уровень осведомленности и лояльности населения к проектам софинансирования, готовность вкладывать собственные средства в развитие территории. Тем не менее, в регионах-лидерах в сфере инициативного бюджетирования несмотря на высокий уровень лояльности к данным практикам, отмечается неудовлетворенность граждан деятельностью органов местного самоуправления в части обеспечения прозрачности расходования бюджетных средств и вовлечения населения в процессы принятия управленческих решений. Можно предположить, что информационная поддержка инициативного бюджетирования – желаемое направление приложения усилий местных органов власти, однако именно доверие в системе власть–общество ставится фундаментом развития проектов софинансирования.

В большинстве своем респонденты дифференцируют общественные и личные интересы, что обуславливает их ориентацию на решение вопросов «ближнего радиуса» при низкой готовности внести финансовый вклад в развитие местных сообществ. При этом жители сельских территорий демонстрируют более высокий потенциал участия в решении вопросов развития своего села. Можно предположить, что близость власти и населения, тесные коммуникации, обусловленные сельским укладом жизни, инициируют рост доверия к совместным проектам. Подтверждением данного вывода может служить следующее распределение ответов респондентов: среди сельских жителей выше доля удовлетворенных деятельностью органов власти по вовлечению населения в принятие решений на местном уровне.

В ходе исследования делается вывод, что недостаточный уровень осведомленности граждан о практиках инициативного бюджетирования усугубляет проблемы низкого уровня доверия населения к финансовой деятельности органов власти, снижает удовлетворенность эффективностью реализации контрольно-бюджетных функций. Результаты исследования подтвердили гипотезу о влиянии недостаточного уровня уверенности граждан в соблюдении принципов конструктивного диалога со стороны власти (учет потребностей и мнений жителей при принятии решений, поддержка общественных инициатив, прозрачность использования бюджетных средств) на снижение их готовности к участию в практиках инициативного бюджетирования. Полученные результаты позволяют выработать меры, направленные на оптимизацию политики местных властей, скорректировать стратегию их взаимодействия с населением.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Список литературы / References

- Александрова, О. А. (2019) 'Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития', *Экономическое возрождение России*, 3 (61), сс. 71–81. [Aleksandrova, O. A. (2019) 'Ensuring an atmosphere of trust as a condition for economic development' [Obespecheniye atmosfery doveriya kak usloviye ekonomicheskogo razvitiya], *Economic revival of Russia*, 3 (61), pp. 71–81. (In Russ.)].
- Вагин, В. В., Гаврилова, Н. В. (2017) 'Методология оценки программ и практик инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации', *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, 10 (12), сс. 1393–1406. [Vagin, V. V., Gavrilova, N. V. (2017) 'Methodology for evaluating programs and practices of initiative budgeting in the constituent entities of the Russian Federation' [Metodologiya otsenki programm i praktik initsiativnogo byudzhetrovaniya v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii], *Financial Analytics: Problems and Solutions*, 10 (12), pp. 1393–1406. (In Russ.)]. DOI: 10.24891/fa.10.12.1393.
- Ильичева, Л. Е., Кондрашов, А. О., Лапин, А. В. (2021) 'Доверие как мост над пропа-

- стью неуверенности между властью и обществом», *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, сс. 162–185. [Plyicheva, L. E., Kondrashov, A. O., Lapin, A. V. (2021). 'Trust as a bridge over the abyss of uncertainty between government and society' [Doveriye kak most nad propast'yu neuverennosti mezhdv vlast'yu i obshchestvom], *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2, pp. 162–185. (In Russ.)]. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917.
- Константин, В. В., Соколов, И. А. (2022) 'Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России', *Экономическая политика*, 17 (2), сс. 34–61. [Konstantin, V. V., Sokolov, I. A. (2022) 'Prospects and conditions for the demand for initiative budgeting in Russia' [Perspektivy i usloviya vostrebovanosti initsiativnogo byudzhetrovaniya v Rossii], *Economic policy*, 17 (2), pp. 34–61. (In Russ.)]. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-34-61.
- Майкова, Э. Ю., Симонова, Е. В. (2014) 'Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях', *Власть*, 22 (1), сс. 90–94. [Maykova, E. Yu., Simonova, E. V. (2014) 'Civil participation of the population as a factor in the development of local self-government in Russian municipalities [Grazhdanskoye uchastiye naseleniya kak faktor razvitiya mestnogo samoupravleniya v rossiyskikh munitsipal'nykh obrazovaniyakh], *Power*, 22 (1), pp. 90–94. (In Russ.)].
- Малкина, М. Ю., Овчинников, В. Н., Холодilin, К. А. (2020) 'Институциональные факторы политического доверия в современной России', *Журнал институциональных исследований*, 12 (4), сс. 77–93. [Malkina, M. Yu., Ovchinnikov, V. N., Kholodilin, K. A. (2020) 'Institutional Factors of Political Trust in Contemporary Russia' [Institutsional'nyye faktory politicheskogo doveriya v sovremennoy Rossii'], *Journal of Institutional Studies*, 12(4), pp. 77–93. (In Russ.)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093.
- Медведева, Н. В. (2018) 'Участие бизнеса в социальном развитии территории: ограничения и возможности', *Вопросы экономики*, 6, сс. 126–132. [Medvedeva, N. V. (2018) 'Business Participation in the Social Development of the Territory: Limitations and Opportunities' [Uchastiye biznesa v sotsial'nom razvitii territorii: ogranicheniya i vozmozhnosti], *Issues of Economics*, 6, pp. 126–132. (In Russ.)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-126-132.
- Медведева, Н. В., Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2021) 'Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью', *Социологические исследования*, 10, сс. 132–137. [Medvedeva, N. V., Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2021) 'Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities' [Vzaimodeystviye i perspektivy partnerstva territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya s mestnoy vlast'yu], *Sociological research*, 10, pp. 132–137. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S013216250015275-5.
- Подгорская, С. В., Мирошниченко, Т. А. (2021) 'Роль механизма партисипаторного бюджетирования в развитии сельских территорий (на примере Ростовской области)', *Мелиорация и гидротехника*, 11 (4), сс. 187–206. [Podgorskaya, S. V., Miroshnichenko, T. A. (2021) 'The role of the mechanism of participatory budgeting in the development of rural areas (on the example of the Rostov region)' [Rol' mekhanizma partisipatornogo byudzhetrovaniya v razvitii sel'skikh territoriy (na primere Rostovskoy oblasti)], *Melioration and hydraulic engineering*, 11 (4), pp. 187–206. (In Russ.)]. DOI: 10.31774/2712-9357-2021-11-4-187-206.
- Рогач, О. В., Фролова, Е. В. (2022) 'Драйверы формирования гражданской активности населения в муниципальных образованиях Российской Федерации', *Ars Administrandi. Искусство управления*, 14 (2), сс. 306–326. [Rogach, O. V., Frolova, E. V. (2022) 'Drivers of the formation of civil activity of the population in the municipalities of the Russian Federation' [Drayvery formirovaniya grazhdanskoy aktivnosti naseleniya v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossiyskoy Federatsii], *Ars Administrandi. The art of management*, 14 (2), pp. 306–326. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-306-326.

- Розанова, Н. Н. (2016) 'Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития', *Вестник государственного и муниципального управления*, 3 (22), сс. 63–68. [Rozanova, N. N. (2016). 'The reputational capital of power as a resource for regional development' [Reputatsionnyy kapital vlasti kak resurs regional'nogo razvitiya], *Bulletin of State and Municipal Administration*, 3 (22), pp. 63–68. (In Russ.)]. DOI: 10.12737/22391.
- Сивинцева, О. В., Будник, К. В. (2018) 'Партиципаторные инструменты в субъектах РФ: самообложение граждан и инициативное бюджетирование', *Ars Administrandi. Искусство управления*, 10 (1), сс. 96–127. [Sivintseva, O. V., Budnik, K. V. (2018) 'Participatory tools in the subjects of the Russian Federation: self-taxation of citizens and initiative budgeting' [Partisipatornyye instrumenty v sub"yektakh RF: samooblozheniye grazhdan i initsiativnoye byudzhetrovaniye], *Ars Administrandi. The Art of Management*, 10 (1), pp. 96–127. (In Russ.)]. DOI:10.17072/2218-9173-2018-1-96-127.
- Широков, А. Н., Юркова, С. Н. (2018) 'Изменение подходов к формированию структуры органов местного самоуправления', *Эффективное управление как фактор устойчивого развития территории. Сборник материалов межрегионального межвузовского круглого стола*, сс. 32–40. [Shirokov, A. N., Yurkova, S. N. (2018). 'Changing approaches to the formation of the structure of local governments' [Izmeneniye podkhodov k formirovaniyu struktury organov mestnogo samoupravleniya], *Effective management as a factor in the sustainable development of the territory. Collection of materials of the interregional interuniversity round table*, pp. 32–40. (In Russ.)].
- Шульга, И. Е., Вагин, В. В., Хачатрян, Г. Н. и др. (2017) *Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения*. Москва, 124 с. [Shulga, I. E., Vagin, V. V., Khachatryan, G. N. et al. (2017) *Proactive budgeting. Russian experience in the field of citizens' participation in solving issues of local importance* [Initsiativnoye byudzhetrovaniye. Rossiyskiy opyt v oblasti uchastiya grazhdan v reshenii voprosov mestnogo znacheniya]. Moscow, 124 p. (In Russ.)].
- Burrier, G. (2019) 'Politics or Technical Criteria? The Determinants of Infrastructure Investments in Brazil', *Journal of development studies*, 55 (7), pp. 1436–1454.
- Cabannes, Y. (2018) 'Highlights on some Asian and Russian Participatory Budgeting Pioneers', *International Observatory on Participatory Democracy*, 27 p.
- Estrada, L., Bastida, F. (2020) 'Effective transparency and institutional trust in honduran municipal governments', *Administration & Society*, 52 (6), pp. 890–926. DOI: 10.1177/0095399719874346.
- Goncalve, S. (2014) 'The Effects of Participatory Budgeting on Municipal Expenditures and Infant Mortality in Brazil', *World Development*, (53), pp. 94–110. DOI:10.1016/j.worlddev.2013.01.009.
- Nared, J. (2018) 'Local Self-government Reforms in Slovenia: Discourse on Centrality and Peripherality', *Perspectives on Geographical Marginality*, 3, pp. 243–256. DOI 10.1007/978-3-319-59002-8_17.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 01.05.2023

Статья принята к печати: 12.05.2023

**DEVELOPMENT OF PARTICIPATORY BUDGETING MECHANISMS
AS A TOOL FOR BUILDING PUBLIC CONFIDENCE IN THE AUTHORITIES**

O. V. Rogach, E. V. Frolova

O. V. Rogach, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology,
Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: rogach16@mail.ru (ORCID: 0000-0002-3031-4575).

E. V. Frolova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology,
Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: efrolova06@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8958-4561).

Abstract

The article analyzes the possibility of using the mechanism of participatory budgeting through an assessment of the public's readiness to participate in these practices. The research focuses on the population's trust assessment regarding the activities of government bodies as a predictor of the evolving of their readiness to co-finance projects of participatory budgeting. The leading research method is a questionnaire survey of the population. The results illustrate a rather low interest of the public in participation in the practices of the participatory budgeting. The respondents recognize the relevance of resorting to the mechanism of co-financing only if it affects their individual interests. The results indicate a low level of confidence in the authorities when it comes to the budget spending, meanwhile the insufficient resource of credibility limits the residents' willingness to invest money in the development of the territory. The research finds that the lack of public confidence that the local government acts in the interests of residents and supports local initiatives will reduce public willingness to participate in the implementation of co-financing projects. In addition, the low level of citizens' awareness of the practices of participatory budgeting aggravates the situation and reduces the level of satisfaction with the effectiveness of the implementation of control and budgetary functions.

Keywords: trust; authorities; initiative budgeting; local initiatives.

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Е. А. Турков

Селезнева Антонина Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики,

МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва.

E-mail: ntonina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-2500-6356. ResearcherID: S-4239-2017).

Скипин Николай Сергеевич, научный сотрудник ИНИОН РАН, аспирант кафедры социологии и психологии политики,

МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва.

E-mail: skipin@inion.ru (ORCID: 0000-0003-4267-0099. ResearcherID: GLN-5810-2022).

Турков Егор Анатольевич, студент,

Мюнхенский университет им. Людвиг-Максимиллиана, Германия, Мюнхен.

E-mail: turegor1209@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1813-757X. ResearcherID: Y-3186-2018).

Аннотация

Представлены результаты эмпирического исследования лексико-семантического аспекта политической морали современной российской молодежи, проведенного на базе комплекса методологических принципов политической психологии и моральной философии. Представленные в статье концепты фиксируют процесс формирования у российской молодежи новой по смысловым акцентам политической морали, сохраняющей вместе с тем ряд ключевых для отечественных традиций этического мышления ценностно-культурных доминант и их вербальных воплощений: концепты блага, справедливости и др. На базе традиционных и новых концептов, обладающих как имманентным, так и привнесенным моральным содержанием, в политическом сознании молодых россиян вырабатываются новые этические критерии оценки политики, сформулированные как нравственные постулаты «и себе, и другим» по отношению к политикам и «мне – все, я – никому» по отношению к себе. Их психологическое значение для общей системы моральных норм молодежи заключается в снятии ряда этических ограничений и усилении эгоцентрических, гедонистических и прагматических установок в сознании молодежи в ущерб установкам на субъектный нравственный поступок. Анализ концептов показал, что политической морали молодых россиян свойственны содержательно-смысловая эклектичность, фрагментарность, когнитивная простота и эмоциональная насыщенность, ограничивающие ее идентификационный и мотивационно-волевой потенциал.

Ключевые слова: политическая мораль; молодежь; концепт; лексико-семантическое поле; ценность; субъект; эгоцентризм.

Кризис морального сознания россиян, фиксируемый в психологической литературе на протяжении последнего десятилетия (Психологические исследования нравственности, 2013), определяет трансформацию его ценностно-смыслового базиса и вербально-речевого инструментария его выражения. Так, исследователи отмечают упрощение этического лексикона граждан, выражающееся в снижении частоты использования ряда составляющих его понятий. Особую тревогу вызывает сокращение употребительности и упрощенное понимание базовых для отечественной этики концептов, таких как «добро», «совесть», «любовь» и др. (Глазкова, 2016).

Данный процесс актуален, как показывают психолингвистические исследования (Дмитриева и Чулкина, 2022) и для российской молодежи, отличающейся низким уровнем сформированности системы моральных норм, принципов и представлений (Ферапонтова, 2015: 14). В условиях смены поли-

тических поколений (Палитай и др., 2020: 68) и постепенного прихода в политику «цифрового» поколения (Prensky, 2001) актуальность приобретает предметное изучение семантики слов, вербализующих политико-моральные доминанты сознания молодых россиян.

Теоретико-методологические основы исследования

На настоящий момент в социально-гуманитарных науках не сформулированы системные теоретические основы и методологические принципы междисциплинарного изучения политической морали. Исключение составляют немногочисленные работы, предметом которых, однако, является не политическая мораль как целостная духовно-психологическая система, а ее отдельные составляющие: нормы, понятия, ценности, поступки и т.д. (Гулевич, 2007; Журавлев и Юревич, 2012; Baderin, 2021; Deichmann, 2015; Hatemi et al., 2019; Kreutz, 2023).

В основе представленного в статье исследования лежит разработанная авторами модель (Новая политическая этика..., 2021: 27), синтезирующая некоторые теоретико-методологические положения моральной философии и политической психологии в сфере изучения политической морали как сверхсознательного по своей природе нормативного регулятора сознания и деятельности человека (Гусейнов, 2019).

Согласно данной модели, политическая мораль представляет собой целостную совокупность установок, представлений, норм, убеждений, принципов, основанную на ценностно-культурном идеале должного в политике и формирующуюся в социокультурном и событийном контекстах (Новая политическая этика..., 2021: 27). Политическая мораль есть результат объективации, обобщения, абсолютизации и универсализации индивидуального и коллективного опыта деятельности личности, ретранслируемого в процессе политической социализации.

Политическая мораль обладает, по выражению отечественного этика О.Г. Дробницкого, сложной «многоэтажной» структурой (Дробницкий, 2002: 211-213). В контексте данной работы особый интерес для нас представляют два «этажа», комплементарных уровням политического сознания: ценностный и когнитивно-нормативный.

Ядро политической морали составляют ценности – имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом, ментальные константы, определяющие содержательно-смысловую структуру политического сознания и бессознательного. Ценности характеризуются системной организованностью, иерархической упорядоченностью, высоким уровнем устойчивости к воздействиям изменений внешней среды (Селезнева, 2019). Функциональное значение ценностей определяется их единством с потребностно-мотивационной и когнитивной сферами (Тихомандрицкая и Дубовская, 1999) в детерминации, регулировании и определении направленности политико-психологических процессов.

Содержательное раскрытие ценностей происходит в нормативной системе политической морали, составляющей ее верхний, относительно изменчивый под влиянием социально-политического контекста, уровень (Ракитянский, 2011: 91). Структуру данного слоя составляет система представлений, образов, ассоциаций, принципов, убеждений, идеалов, отражающая «долженствовательный момент» политической морали (Дробницкий, 1972). Данный уровень обеспечивает также становление и реализацию функционального аппарата политической морали, включающего функции смысло- и целеполагания, детерминации и ориентирования политической активности.

Нормативная система задается не столько логикой сверхсознательных идеалов, сколько повседневной практикой политических действий (Капустин, 2004: 59) и представлений о ней. Следствием двойной детерминации политической морали является имманентная противоречивость, выражающаяся в дихотомии должного и сущего.

В теоретическом ракурсе противоречие между нравственными обязанностями и политическими способами их исполнения выражается в понятии *реалистической этики*, интегрирующей идеалистические и прагматические нормы в единые установления и ограничивающей критерий универсальности требованиями практичности, вариативности, учета конкретной ситуации и интересов сторон (Гаман-Голутвина, 2005: 164). Эмпирическое исследование политической морали в данном контексте предполагает выявление идеалистического либо прагматического начала, доминирующего в политико-моральных представлениях и установках граждан.

Уточним, что идеалистические нормы основаны на трансцендентных идеалах блага, справедливости, совести (Карадже, 2017: 327), соотношенных с представлениями о национально-государственных интересах как высших по отношению к отдельной личности целевых ориентирах (Гаман-Голутвина, 2005: 165). Прагматические нормы заданы в форме житейского опыта, определяются конкретно-историческим контекстом и направлены на решение задач, стоящих «здесь и сейчас» перед человеком.

Наличие «вертикального» измерения в направленности политической морали в виде идеалистических норм обеспечивает возможность выхода личности за пределы обыденно-необходимого уровня политической жизни и обретения качеств самосознающего и самодетерминирующего волевого источника нравственного поступка, способного успешно решать встающие перед ним в ходе жизнедеятельности экзистенциальные дилеммы (Kohlberg, 1981: 39). Данный факт обуславливает методологическую значимость концепта и принципа субъекта (Ракитянский, 2020) в процессе изучения политической этики российских граждан. В контексте данного исследования, основанного на анализе высказываний респондентов, речь идет о выявлении в них *пресуппозиции* субъектности, раскрывающей себя впоследствии в нравственном поступке.

Методологическим инструментом анализа содержательно-смысловой структуры политической морали является понятие концепта. По своей природе концепт есть многомерное смысловое образование, детерминируемое культурой и опредмечивающееся в языке (Кошкина, 2009). Иными словами, концепт представляет собой вербальную репрезентацию сознания, отражающую ценностные механизмы регуляции личности, характерные для нее способы интерпретации реальности, мотивации деятельности. Структуру концепта составляет, по мнению академика Ю.С. Степанова, сложное и готовое к раскрытию в словесных знаках сочленение представлений, образов, установок, переживаний, ассоциаций (Степанов, 1997), сгруппированных вокруг базовой идеи. С лингвистической точки зрения эта структура проецируется на систему значений, в центре которой находится базовое понятие. Функция концепта заключается в формировании мыслительного дискурса (Исследование речевого мышления..., 1985: 75), закрепленного за определенным способом вербально-речевой реализации.

В основе речевого применения концепта лежит процесс выбора из системы множественных значений, заключающийся в выделении одних, нужных в данной ситуации, систем связей и торможением других, не соответствующих ей. Таким образом, происходит актуализация адекватного данной ситуации смысла концепта (Лурия, 2006).

В завершение отметим, что эмпирическая часть данного исследования была реализована с опорой на методологический принцип сочетания количественных и качественных методов изучения политического сознания граждан.

Характеристика исследования

Эмпирический блок исследования был реализован с помощью методов анкетированного опроса и фокус-групповых дискуссий с представителями российской молодежи в возрасте 18–30 лет. Было опрошено 1 705 респондентов из 63 субъектов РФ, представляющих все федеральные округа (осень 2020 г.), и проведено 6 фокус-групп с молодыми российскими гражданами из 15 регионов РФ, представляющих разные федеральные округа и типы субъектов федерации (2021 г.).

Предложенные респондентам вопросы были посвящены широкому спектру политико-моральных проблем: оценке политики в целом и ее составляющих (войны, коррупции и др.) с точки зрения должного, реальному облику российских политиков и его идеалу с точки зрения должного, определению базовых моральных понятий и т.д.

Данное исследование направлено на анализ речевого инструментария и выявление выражаемых с его помощью ценностно-смысловых доминант политической морали российской молодежи. Как следствие, за рамками текста остается детальный анализ их взаимосвязи с половозрастными, региональными, социально-экономическими и иными факторами.

Политико-моральные концепты современной российской молодежи

Результаты исследования показали, что респонденты применяют как традиционные концепты отечественной морали, обладающие имманентным этическим содержанием, такие как искренность и справедливость, так и новые, с привнесенным этическим смыслом. Среди последних обращают на

себя внимание утилитарные по своему базовому значению концепты, например, комфорт. Вместе с тем в «словаре» политической морали молодых россиян почти не представлены духовно-идеалистические понятия, такие как добро, любовь и др.

Приведенный ниже список не исчерпывает всего многообразия концептов, применяемых российской молодежью, однако его анализ в целом позволяет определить состояние политико-морального лексикона российской молодежи и связанных с ним смыслов.

ИСКРЕННОСТЬ (ЧЕСТНОСТЬ). Данный концепт активно применяется молодежью в рассуждениях о политике в качестве критерия оценки действий политических субъектов. Так, высокой значимостью для молодых людей обладает правдивость информации, предоставляемой им политиками.

В представлениях о транспарентности политики ключевым значением данного концепта для российской молодежи является «абсолютная открытость» (такой позиции придерживаются около 50,32% респондентов). В то же время значительная часть респондентов (42,42%) допускают существование в политике частично закрытой от граждан информации.

Семантической особенностью применения концепта искренности в речи респондентов является тот факт, что мера открытости политики устанавливается респондентом относительно своего блага и не учитывает мнение и блага других: *«Если он соврал по теме того, что меня касается, то я буду ругаться, возмущаться, писать петиции. Если он соврал по поводу, который меня не касается, то нужно искать мотивацию»* (М., 20 лет, Иркутск).

Контекстуальным антонимом искренности является понятие манипуляции, понимаемое как средство нанесения вреда гражданам со стороны политических деятелей: *«Для лучшего результата нужно быть максимально честным, манипуляции не приводят ни к чему хорошему, ведь если это вскрывается, то люди перестают верить авторитетному человеку (политику)»* (Ж., 18 лет, Екатеринбург). В основе данного противопоставления лежат, на наш взгляд, потребности в уважении и безопасности, что подтверждает отождествление манипулируемых с «глупым стадом»: *«Считаю, что политики должны быть искренними с гражданами настолько, чтобы уметь доносить истинное положение дел, объясняя ситуацию, а не пытаться управлять гражданами как глупым стадом»* (М., 27 лет, Санкт-Петербург).

КОМФОРТ. Комфорт понимается респондентами в первую очередь как отсутствие внешнего давления. Контекстуальным синонимом данного понятия является понятие свободы как «свободы от внешнего давления и принуждения»: *«Свобода – это когда не чувствуешь дискомфорт, не чувствуешь, что притеснен»* (М., 24 года, Тамбов).

Семантической основой данного концепта является эклектика «личного блага» и «коллективного блага». Большая часть респондентов указывали, что готовы отказаться от комфорта в пользу еще большего комфорта, ради достижения своих целей. При этом в каждой фокус-группе встречались ответы следующего содержания: *«[Я готов отказаться от комфорта – прим. авт.] во благо не важно кому. Если это доброе дело, то я готов. Во имя любви»* (М., 24 года, Тверь); *«[Я готов отказаться от комфорта – прим. авт.] во имя общего блага. А конкретно, глобальных проблем. Это детский труд, это голод, это нехватка питьевой воды»* (М., 24 года, Тамбов).

ПОЛЬЗА. Эффективность, КПД (коэффициент полезного действия) – в этом значении концепт «польза» приобрел функцию одного из ключевых критериев оценки политики.

Важно отметить, что в ходе рассуждений в фокус-групповых дискуссиях респонденты неоднократно выводили из концепта пользы политико-моральный постулат «и себе, и людям». Так, по их мнению, политик может совершать аморальные действия, например, коррупционного характера, однако их можно простить, если они приносят положительный результат региону, стране, обществу и собственно респонденту.

РАЗВИТИЕ. Данный концепт выступает в ответах респондентов в качестве одного из ключевых критериев оценки успеха и мудрости политических деятелей. Так, один из респондентов оценил Александра II как успешного и мудрого правителя, поскольку *«не было каких-то значительных промахов, тех шагов, которые откатали бы Россию назад», а «его действия вели к прогрессу, не являясь при этом радикальными»* (Ж., 18 лет, Екатеринбург). Вместе с тем важно отметить, что развитие страны и государства понимается респондентами, в том числе, как одна из главных задач граждан как избирателей.

Семантической основой концепта развития является значение благо народа, страны, государства, т.е. «коллективное благо». Лексико-семантическое поле концепта развития составляют понятия «изменения», «модернизация», «прогресс», «реформы». Респонденты подчеркивают, что развитие должно носить не радикальный, но постепенный характер.

Таким образом, постепенный переход от худшему к лучшему, обеспеченный качественной деятельностью политиков и граждан как избирателей, является одной из идей, доминирующих в сознании современной российской молодежи, что подтверждают выводы отечественных исследований (Петухов, 2020: 123).

СВОБОДА. Свобода понимается респондентами в двух смыслах: юридическом – как законодательно закреплённая возможность что-либо делать, и личностном – как возможность самовыражения и самореализации. Семантическую основу концепта составляют значения независимости, проявления индивидуальности, отсутствия внешнего давления и принуждения: «*Это когда я могу выйти на улицу, и мне за это ничего не будет*» (М., 18 лет, Челябинск); «*Чтобы за тобой никто не следил*» (М., 18 лет, Москва).

Реже встречается интерпретация свободы как «свободы для блага другого»: «*свобода есть возможность совершать действия на благо своей страны без палок в колеса, не затрагивая при этом такое же право других*» (М., 24 года, Тамбов).

Семантическое поле данного концепта также включает эмоционально насыщенные значения «слезка», «дискомфорт», «притеснения», «страх»: «*Наверное, для меня свобода – это когда не страшно. Я не могу выложить строку из песни моего друга "Все на площадь", потому что страшно: я не знаю, как среагируют*» (Ж., 25 лет, Новосибирск). С этим связано восприятие незаконного лишения свободы как аморального действия: «*Если же это посадить невинного человека, то это глобальные ошибки, и их прощать не следует*» (М., 23 года, Москва). Таким образом, второй смысловой доминантой понятия свободы в сознании молодых россиян является (не)безопасность.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Респонденты понимают справедливость в первую очередь как равенство: «равенство всех перед законом» (57,89%) и «равенство возможностей» (46,22%). Так, респонденты отмечают, что политика государства призвана обеспечить «*стартовые возможности для детей из разных групп населения*» (Ж., 25 лет, Ростов); «*Внутренняя политика может быть основана на принципе справедливости, если это справедливо по отношению ко всем гражданам страны. Это может выражаться в помощи нуждающимся, улучшении качества жизни любого рода меньшинств, открытии возможности для развития бизнеса для каждого жителя страны*» (М., 27 лет, Санкт-Петербург). Актуальность значения равенства обуславливает, на наш взгляд, поддержку 82,76% респондентов тезиса о том, что политические решения должны приниматься в интересах всего общества.

Собственно этическое содержание понятия справедливости, выраженное тезисами «воздаяние по заслугам, награда за труды» (24,11%) «следование правде, честность, порядочность» (20,18%), не является субъективно значимым для молодых россиян – разница составляет почти 20 п.п. Наименьшей популярностью пользуется ответ «воздаяние за содеянное, наказание за деяния» (17,77%).

Обсуждение

В качестве вводного замечания отметим, что смысловое наполнение респондентами политико-моральных концептов отличается когнитивной простотой, что выражается в редуцировании полисемантических концептов, таких как справедливость, до единичных значений, семантической эклектичности и «одноуровневости», т.е. «сосредоточенности» на наиболее актуальных проблемах сегодняшнего дня. Важно отметить, что «усеченное» понимание наблюдается в случае полисемантических концептов, на протяжении веков обеспечивавших трансцендентную глубину отечественной морали: справедливости и др. На наш взгляд, полученный результат отражает состояние политической морали как не до конца собранной «мозаики» смыслов и идеалов российской молодежи.

Относительная когнитивная простота и эмоциональная насыщенность политической морали молодых россиян являются, на наш взгляд, следствием ее происхождения из *неотрефлексированной* практики наблюдаемых политических действий и низкого уровня интереса к политике в целом. Политическая мораль молодых россиян формируется как реакция на политические и социально-экономические проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневности. Вместе с тем сыграло роль то обстоятельство, что на протяжении ряда лет система политических ценностей россиян переживала

кризис, обусловивший нарушение работы механизма трансляции политической культуры, в частности, моральных норм. Политическая социализация современной российской молодежи носит стихийный характер (Политическая социализация..., 2008) и протекает в контексте атомизации общества, в котором сильна тенденция фрагментарного усвоения этических норм (Ушкин и др., 2020: 69).

Семантической основой применяемых респондентами концептов является базовый для отечественного этического мышления полисемантический концепт блага (Овчинникова, 2001), который понимается в первую очередь как «личное благо», идентифицируемое с человеком и его ближайшим окружением. Значение «личное благо» является системообразующим в концептах искренности, справедливости, пользы, комфорта, что проявляется в ориентации на индивидуальную автономию, претензии на индивидуальность и стремлении к личной выгоде, измеряемой как материальными, так и психологическими показателями. Так, например, рост значимости прав человека отражает не только и не столько готовность следовать закону или стремление установить законность как базовый принцип жизнедеятельности общества, а скорее желание молодых россиян продемонстрировать ценность своего «Я» обществу и государству (Селезнева и Антонов, 2020: 231).

Значение «коллективное благо» выступает в качестве антонима значения «личное благо», реже встречается в ответах респондентов и обладает слабо сформулированными вербальными презентациями. Исключение составляют концепт *развития*, в котором «коллективное благо» является системообразующим значением, а также концепты *комфорта* и *свободы*, в которых значение «общего блага» является одной из семантических основ.

Полученные результаты отражают, по нашему мнению, тенденцию выхода на первый план в структуре политической морали российской молодежи ценности «Я»/«Свои» с одновременным умалением ценности «Они»/«Другие» (Евгеньева, 2022). Место надындивидуальных объектов политической морали – государства, страны, общества – постепенно занимает самоценный индивид, что отражается также в доминирующей в сознании респондентов установке «я никому ничего не должен»¹ – добавим «за исключением самого себя», интерпретируемой нами в терминах *эгоцентризма*.

Дисбаланс между личным и коллективным в пользу первого способствует сдвигу моральных приоритетов российской молодежи в сторону утилитарно-прагматических, гедонистических и наивно-утопических установок. На их основе происходит формирование новой, практико-ориентированной, системы критериев оценки политики, один из постулатов которой гласит: «и себе, и людям». Например, как уже отмечалось, политик в представлении молодых людей может совершать коррупционные деяния, если от этого не страдает регион, страна, народ.

В определенной степени эта тенденция усиливается, на наш взгляд, за счет актуализированного характера значений «уважение» и «безопасность», связанных с обостренной потребностью молодежи в отсутствии внешнего давления, признании и соблюдении личных границ. Проявлениями этих значений в речи респондентов являются такие слова, как «манипуляция», «страх», «дискомфорт», «притеснение», «слабость», «репрессии», «насилие», отражающие в первую очередь эмоциональную реакцию молодежи на происходящие в стране события и процессы. Физическое насилие респонденты считают одним из немногих преступлений, которые они не готовы простить политикам.

Актуализированный характер значений выживания в ряде концептов обусловлен, на наш взгляд, превалированием в ценностной базе политической морали молодых россиян материалистических ценностей, связанных, по мнению Р. Инглхарта, с потребностью в личной экономической и физической безопасности (Inglehart, 1997). Психологическим индикатором данной причинно-следственной связи является отмечаемое аналитиками усиление *страха* молодых россиян перед ростом социальной несправедливости и неравенства (62%), превышающего страх перед усугублением экономических проблем, таких как снижение доходов, обострение политических проблем².

¹ Валерия Касамара составила портрет «поколения Путина» – Реальное время (realnoevremya.ru). URL: <https://realnoevremya.ru/articles/165359-valeriya-kasamara-sostavila-portret-pokoleniya-putina> (дата обращения: 07.03.2023).

² ВЦИОМ. Политика и социальные запросы граждан: данные опросов общественного мнения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/201204_Lideri_Rossii_Fedorov.pdf (дата обращения: 07.03.2023).

Тенденция перестройки политико-моральных идеалов молодежи, однако, не означает их тотального разрушения. Усиление прагматического начала в структуре политической морали сочетается с сохранением духовно-идеалистических представлений о политике и требований к ней, что отражает сохранение «вертикального» измерения политической морали, хотя и наивного. Таким образом, по нашему мнению, современная российская молодежь склонна оценивать политические события, процессы и их участников через призму *эkleктической* морали, основанной на представлениях о политике как поле борьбы интересов и запросе на мирное взаимодействие государства и граждан.

Интерпретация полученных в ходе исследования данных возможна также с позиции теории модернизации, согласно которой российское общество достигает состояния модерна, характеризующегося распространением индивидуализма и достигательных ценностей, а также рационального мышления. Так, результаты исследований Н. Е. Тихоновой показывают тенденцию усиления в сознании российской молодежи современных ценностей и норм, в частности, роста значимости интересов отдельного человека перед интересами государства (Тихонова, 2021). Вероятно, полученные нами результаты отражают сочетание двух тенденций – с одной стороны, модернизации, с другой – деструкции морали как системы руководящих принципов общежития и жизнедеятельности молодых россиян и усиления «слепого эгоизма». Однако наблюдаемое усиление гедонистических и утилитарно-прагматических ориентаций российской молодежи соответствует не норме «здорового эгоизма», но модусу «слепого эгоизма», что соотносится с общим трендом деструкции системы моральных норм (Журавлев и Юревич, 2012: 6).

Заключение

Какие психологические следствия может иметь обозначенное выше состояние политической морали российской молодежи? Во-первых, происходит ограничение идентификационного потенциала политико-моральных норм. Одной из функций морали является обеспечение возможности выхода человека за личные границы ради «других» в нравственном поступке. Доминирование утилитарно-прагматических и гедонистических установок усиливает барьер между «своими» и «другими», что ведет к трансформации правил и норм морального поведения. Так, российские социологи и психологи все больше говорят о личных границах и снижении чувства безопасности из-за повседневных практик их нарушения¹¹. В этой связи приобретает актуальность проблема изучения критериев разграничения «своих», «других» и «чужих» молодыми россиянами.

Во-вторых, фиксируется ограниченный мотивационно-волевой потенциал надличностных идеалов *альтруизма, самопожертвования* и др., вследствие чего в деятельности молодежи на первый план выходит прагматический мотив *выгоды*.

В-третьих, наблюдается ограниченная способность молодых россиян к субъектному нравственному поступку на благо значимого «Другого». В этом контексте обращает на себя внимание значительный эмоциональный заряд молодежи, не подчиненный моральной цели содействовать благополучию страны, способный в перспективе стать причиной дальнейшего когнитивного упрощения политической морали и утраты ею обозначенных выше функций.

Четвертое следствие обозначим в качестве вопроса. Являются ли усиливающиеся утилитарно-прагматические и гедонистические ориентации проявлением отмеченной А.В. Юревичем терпимости российских граждан ко злу (Юревич, 2009)? Ответ на него остается открытым.

В-пятых, представляется сомнительной способность молодых россиян в будущем, на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма, задавать высокие моральные ориентиры в политике (Петухов, 2020: 121–122). Более реалистичным представляется сценарий синкретического сосуществования принципов «жила бы страна родная, и нету других забот» и «мне должны все, я – никому».

¹¹ Ты сейчас нарушаешь мои границы»: как происходит подмена понятий новой этики. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/448105-ty-sejcas-narusjaes-moi-granicy-kak-proishodit-podmena-ponatij-novoj-etiki> (дата обращения: 07.03.2023).

Список литературы / References

- Дмитриева, Н. М., Чулкина, Н. Л. (2022) 'Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель»', *Русистика*, 20(1), сс. 52–67. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67. [Dmitriyeva, N. M., Chulkina N. L. (2022) 'The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts "Love" – "Mercy" – "Chastity" – "Virtue"' [Transformacii v semantike verbalizatorov eticheskikh konceptov "Lyubov" – "Miloserdie" – "Celomudrie" – "Dobrodetel"], *Russian Language Studies*, 20(1), сс. 52–67. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67. (In Russ.)].
- Дробницкий, О. Г. (2002) *Моральная философия*: Избр. труды. Москва: Гардарики. [Drobnitski, O. G. (2002) *Moral Philosophy*: Select works [Moral'naya filosofiya: Izbr. trudy]. Moscow: Gardariki. (In Russ.)].
- Дробницкий, О. Г. (1972) 'Моральное сознание и его структура', *Вопросы философии*, 2, сс. 31–42. [Drobnitski, O. G. (1972) 'Moral consciousness and its structure' [Moral'noe soznanie i ego struktura], *Questions of philosophy*, 2, pp. 31–42. (In Russ.)].
- Евгеньева, Т. В. (2022) 'Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах', *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 12(2), сс. 84–90. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90. [Evgenieva, T. V. (2022) 'The Influence of the Socio-political Identification of Modern Youth on Notions of Moral Values and Norms' [Vliyanie social'no-politicheskoy identifikacii sovremennoj molodezhi na predstavleniya o moral'nyh cennostyah i normah], *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12(2), pp. 84–90. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90. (In Russ.)].
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2012) 'Нравственные проблемы современной России (вместо введения)', *Нравственность современного российского общества: психологический анализ*, Москва: Издательство «Институт психологии РАН», сс. 5–20. [Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2012) 'Moral problems of modern Russia (instead of direction)' [Nravstvennye problemy sovremennoj Rossii (vmesto napravleniya)], *Nravstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz*, Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», pp. 5–20. (In Russ.)].
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (ред.) (2013) *Психологические исследования нравственности*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». [Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (eds.) (2013) *Psychological studies of morality* [Psihologicheskie issledovaniya нравственности]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN». (In Russ.)].
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2012) 'Психологические факторы коррупции', *Нравственность современного российского общества: психологический анализ*, Москва: Издательство «Институт психологии РАН», сс. 294–322. [Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2012) 'Psychological factors of corruption' [Psihologicheskie faktory korrupcii], *Nravstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz*, Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», pp. 294–322. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р. (2020) *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Москва; Челябинск: Социум. [Inglehart, R. (2020) *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World* [Kul'turnaya evolyuciya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir]. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russ.)].
- Исследование речевого мышления в психолингвистике* (1985). Москва: «Наука». [The study of speech thinking in psycholinguistics (1985) [Issledovanie rechevogo myshleniya v psiholingvistike]. Moscow: «Nauka» (In Russ.)].
- Капустин, Б. Г. (2004) *О связи морали и политики. Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. Москва. [Kapustin, B. G. (2004) *On the connection between morality and politics* [O svyazi morali i politiki]. Politicheskaya nauka v sovremennoj Rossii: vremya poiska i kontury evolyucii. Moscow. (In Russ.)].
- Карадже, Т. В. (2017) *Политическая философия*. Москва: МПГУ. [Karadhe, T. V. (2017) *Political philosophy* [Politicheskaya filosofiya]. Moscow: MPGU. (In Russ.)].
- Кошкина, Е. Г. (2009) 'Понятие и сущность концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании', *Язык и коммуникация в контексте*

- культуры: материалы IV международной научно-практической конференции, Рязань: Рязанский государственный педагогический университет им. С. А. Есенина, сс. 100–108. [Koshkina, E. G. (2009) 'The concept and essence of the concept as a multidimensional semantic formation in the collective consciousness' [Ponyatie i sushchnost' koncepta kak mnogomernogo smyslovogo obrazovaniya v kollektivnom soznanii], *Yazyk i kommunikaciya v kontekste kul'tury: materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Ryazan': Ryazanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. S. A. Esenina, pp. 100–108. (In Russ.)].
- Лурия, А. Р. (2006) *Лекции по общей психологии*. СПб.: Питер. [Luria, A. R. (2006) *Lectures on General Psychology* [Lekcii po obshchej psihologii]. SPb.: Piter. (In Russ.)].
- Овчинникова, Е. А. (2001) 'Русская этика в поисках целостности личности', *Miscellanea humanitaria philosophiae: Очерки по философии и культуре*. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина, СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, сс. 145–149. [Ovchinnikova, E. A. (2001) 'Russian ethics in search of the integrity of the individual' [Russkaya etika v poiskah celostnosti lichnosti], *Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kul'ture*. К 60-letiyu professora YUriya Nikiforovicha Solonina, SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 145–149. (In Russ.)].
- Палитай, И. С., Попова, С. Ю., Селезнева, А. В. (2020) 'Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии', *Вестник Томского государственного университета*, 455, сс. 68–77. DOI: 10.17223/15617793/455/10 [Palitay, I. S., Popova, S. Yu., Selezneva, A. V. (2020) 'Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies' [Rekrutirovanie molodyh politicheskikh liderov v sovremennoj Rossii: kanaly, formy, tekhnologii], *Tomsk State University Journal*, 455, pp. 68–77. DOI: 10.17223/15617793/455/10. (In Russ.)].
- Петухов, В. В. (2020) 'Российская молодежь и ее роль в трансформации общества', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, сс. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. [Petukhov, V. V. (2020) 'Russian Youth and Its Role in Society Transformation' [Rossijskaya molodezh' i ee rol' v transformacii obshchestva], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, pp. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. (In Russ.)].
- Ракитянский, Н. М. (2020) *Ментальные исследования глобальных политических миров*. Москва: Издательство Московского университета. [Rakitianskiy, N. M. (2020) *Mental studies of global political worlds* [Mental'nye issledovaniya global'nyh politicheskikh mirov]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].
- Ракитянский, Н. М. (2011) 'Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии', *Вестн. Моск. ун-та*, 12(6), сс. 89–102. [Rakitianskiy, N. M. (2011) 'The concept of mind and mentality in the context of political psychology' [Ponyatiya soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoy psihologii], *Vestn. Mosk. un-ta*, 12(6), pp. 89–102. (In Russ.)].
- Селезнева, А. В. (2019) 'Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 49, сс. 177–192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18. [Selezneva, A. V. (2019) 'Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values' [Konceptual'no-metodologicheskie osnovaniya politiko-psihologicheskogo analiza politicheskikh cennostej], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 49, pp. 177–192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18. (In Russ.)].
- Селезнева, А. В. (ред.) (2021) *Новая политическая этика российской молодежи*. Москва: Аквилон. [Selezneva, A. V. (eds.) (2021) *New political ethics of Russian youth* [Novaya politicheskaya etika rossijskoj molodezhi]. Moscow: Akvilon. (In Russ.)].
- Селезнева, А. В., Антонов, Д. Е. (2020) 'Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 58, сс. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21. [Selezneva, A. V., Antonov, D. E. 'The value bases of the civic consciousness of the Russian youth' [Cennostnye osnovaniya grazhdanskogo samosoznaniya rossijskoj molodezhi], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 58,

- pp. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21. (In Russ.).
- Степанов, Ю. С. (1997) Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры». [Stepanov, YU. S. (1997) Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience [Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya]. Moscow: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.).]
- Тихомандрицкая, О. А., Дубовская, Е. М. (1999) 'Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы', Мир психологии, 3, сс. 80–90. [Tikhomandritskaya, O. A., Dubovskaya, E. M. 'Features of the socio-psychological study of values as elements of the cognitive and motivational needs sphere' [Osobennosti social'no-psihologicheskogo izucheniya cennostej kak elementov kognitivnoj i motivacionno-potrebnostnoj sfery], Mir psihologii, 3, pp. 80–90. (In Russ.).]
- Тихонова, Н. Е. (2021) 'Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ', Полис. Политические исследования, 6, сс. 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11. [Tikhonova, N. E. (2021) 'Russians' perceptions of the relationship between the individual and state interests: an empirical analysis of dynamics' [Dinamika predstavlenij rossiyan o sootnoshenii interesov individa i gosudarstva: empiricheskij analiz], Polis. Political Studies, 6, pp. 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11. (In Russ.).]
- Ушкин, С. Г., Коваль, Е. А., Жадунова, Н. В. (2020) 'От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи', Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3, сс. 66–93. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1596. [Ushkin, S. G., Koval, E. A., Zhadunova, N. V. (2020) 'From Theoretical Design to Practical Viewpoints: Implementation of Ethical Principles in Youth Life Strategies' [Ot teoreticheskikh konstrukcij k prakticheskim ubezhdeniyam: kak eticheskie principy realizuyutsya v zhiznennyh strategiyah molodezhi], Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 3, pp. 66–93. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1596. (In Russ.).]
- Ферапонтова, М. В. (2015) 'Нравственность как критерий поступков детей «цифрового поколения»', Педагогика и психология образования, 4, сс. 10–15. [Ferafontova, M. V. (2015) 'Morality as a criterion of children of "digital generation" actions' [Nravstvennost' kak kriterij postupkov detej «cifrovogo pokoleniya»], Pedagogy and Psychology of Education, 4, pp. 10–15. (In Russ.).]
- Шестопа, Е. Б. (ред.) (2008) Политическая социализация российских граждан в период трансформации. Москва: Некоммерческое партнерство «Новый Хронограф». [Shestopal, E. B. (eds.) (2008) Political socialization of Russian citizens in the period of transformation [Politicheskaya socializaciya rossijskih grazhdan v period transformacii]. Moscow: Nekommercheskoe partnerstvo «Novyj Hronograf». (In Russ.).]
- Юревич, А. В. (2009) 'Нравственное состояние современного российского общества', Социологические исследования, 10, сс. 70–79. [Yurevich, A. V. 'The moral state of modern Russian society' [Nravstvennoe sostoyanie sovremennogo rossijskogo obshchestva], Sociological Studies, 10, pp. 70–79. (In Russ.).]
- Baderin, A. (2021) 'The Continuity of Ethics and Political Theory', The Journal of Politics, 83(4), pp. 1734–1746. DOI: 10.1086/715068.
- Deichmann, C. (2015) Der neue Bürger: Politische Ethik, politische Bildung und politische Kultur. Wiesbaden, Springer VS. DOI: 10.1007/978-3-658-01388-2.
- Hatemi, P., Crabtree, C. and Smith, K. (2019) 'Ideology Justifies Morality: Political Beliefs Predict Moral Foundations', American Journal of Political Science, 63(4), pp. 788–806. DOI:10.1111/ajps.12448.
- Inglehart, R. (1997) Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press.
- Kohlberg, L. (1981) Essays on Moral Development. The Psychology of Moral Development. San Francisco: Harper and Row.
- Kreutz, A. (2023) 'Moral and Political Foundations: From Political Psychology to Political Realism', Moral Philosophy and Politics, 10(1), pp. 139–159. DOI: 10.1515/mopp-2021-0067.
- Prensky, M. (2001) 'Digital natives, digital immigrants', On the Horizon, 9(5), pp. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023

Статья принята к печати: 16.04.2023

**VALUES AND SEMANTIC DOMINANTS OF POLITICAL MORALITY
OF RUSSIAN YOUTH: A POLITICAL AND A PSYCHOLOGICAL ANALYSIS**

A. V. Selezneva, N. S. Skipin, E. A. Turkov

A. V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology,

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

E-mail: ntonina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-2500-6356. ResearcherID: S-4239-2017).

N. S. Skipin, Researcher at INION RAN, Graduate Student of the Department of Political Sociology and Psychology,

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

E-mail: skipin@inion.ru (ORCID: 0000-0003-4267-0099. ResearcherID: GLN-5810-2022).

E. A. Turkov, Student,

Ludwig-Maximillian University of Munich, Germany, Munich.

E-mail: turegor1209@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1813-757X. ResearcherID: Y-3186-2018).

Abstract

The study focuses on the lexico-semantic aspect of the political morality of modern Russian youth and is based on a set of methodological principles of political psychology and moral philosophy. The concepts presented in the article demonstrate that young people in Russia are forming a new political morality in terms of its semantic focuses. Based on traditional and new concepts with both immanent and introduced moral content, the political consciousness of Russian youth develops new ethical criteria for evaluating politics. These criteria are formulated as moral postulates of "give both to others and to oneself" with respect to politicians, and "I get everything and share with no one" with respect to oneself. The psychological significance of the criteria for the overall system of moral norms of youth is the elimination of a number of ethical constraints and the strengthening of egocentric, hedonistic and pragmatic attitudes in the minds of young people at the expense of subjective moral action. The analysis of the concepts revealed that the political morality of young Russians is characterized by an eclectic mix of content and meaning, fragmentation, cognitive simplicity, and emotional intensity, all of which limit its identification and motivational potential.

Keywords: political morality; youth; concept; lexico-semantic field; value; subject; egocentrism.

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-71-81

ТРАВМА РАСКАЗАЧИВАНИЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Н. Н. Самсонова

Самсонова Наталья Николаевна, аспирант, кафедра истории и теории политики, факультет политологии,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Аннотация

Рассматриваются особенности отражения травматического события в коллективной памяти этнокультурных общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания. Концептуальными основаниями исследования выступают психоаналитический и культурно-социологический подходы к изучению исторических травм как социального феномена, объединённые положением об воспоминании (в том числе коллективном) о негативном опыте как источнике травмирующего эффекта. Эмпирическая составляющая статьи основана на материалах виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и возрождению казачества. Первый этап исследования посвящён изучению с применением частотного контент-анализа основных элементов существующего травматического нарратива рассказывания (с опорой на модель Дж. Александра). Установлено, что травматический нарратив казачества строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы (системной государственной политике рассказывания). На сегодняшний день рассказывание воспринимается как незавершённый процесс, принимающий форму ассимиляции и огосударствления. Такой дискурс оставляет пространство для ретравматизации, возникает риск инструментализации травмы в политических целях. На втором этапе исследования с использованием качественного ненаправленного контент-анализа эмпирического массива определяются основные аспекты травматической трансформации коллективной идентичности этнокультурного сообщества. В статье фиксируется наличие внутренних расколов, указывающее на кризис идентификации коллективного субъекта, что приводит к активизации патологических механизмов социальных защит: функционирование общества осуществляется на основе ригидной картины мира с категоричными оценочными суждениями, построенными на конфликтогенной схеме «свой-чужой», а травмирующее событие становится самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности взамен утраченной и опосредует конструирование интерпретаций исторического прошлого. Автор приходит к выводу, что тенденция способна усилить сепарацию травмированной этнокультурной группы от сообщества в целом.

Ключевые слова: историческая травма; коллективная травма; психоанализ; коллективная память; травма культурно-этнических общностей; рассказывание; избранная травма.

Введение

В современном научном сообществе существует два ключевых подхода к изучению коллективных травм: психоаналитический и культурно-социологический. В психоаналитической парадигме травма рассматривается как деструктивное проявление памяти, нарушение мнемонического механизма, выраженное в неспособности разграничить актуальное и прошлое состояние носителя травмы. Оно обусловлено неспособностью травмированной общности к осмыслению пережитого негативного опыта и его интеграции в целостный нарратив представлений о себе в результате т.н. «кризиса свидетельствования», обусловленного как защитными психологическими механизмами, так и совокупностью определённых политических практик (замалчивание, табуирование) (Анкерсмит, 2007; LaCapra, 1999; Felman, Laub, 1994). В рамках культурно-социологического подхода под травмой понимается не только ментальный процесс, но и социальный конструкт, ключевую роль в создании которого иг-

рает медиация и производимая реконструкция травматического опыта, опосредованная историческим, культурным и институциональным окружением, в котором осуществляется речевой акт (репрезентация травмы) (Александр, 2012; Eyerman, 2013; Sztompka, 2000). Унифицирующей предпосылкой обоих подходов выступает понимание того, что проблема работы с травматическим эффектом – это проблема воспоминаний (в том числе коллективных) о нём. В основе коллективной исторической травмы как «рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания» (Самсонова, 74–75), лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. При этом обязательным условием проработки травмирующего прошлого выступает наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией.

XX в., описанный множеством историков как век потрясений, для российского общества характеризуется радикальными трансформациями государственного устройства, социальной иерархии и системы ценностей. Когда период советской государственности завершился, он оставил непроработанными травматические последствия гражданской войны, красного террора, раскулачивания, коллективизации, политических репрессий. В статье «Быть сильными: гарантии безопасности России» В. В. Путин отмечает, что «после революции 1917 г. казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду»¹; соответственно, задача современного государства состоит в помощи казакам в сохранении их культуры и традиций.

Отечественными учёными подчёркивается существующий плюрализм интерпретаций исторических событий и собственно термина «рассказывание» («этническое рассказывание», «сословное рассказывание», «внутрисословное рассказывание», «саморассказывание», «раскулачивание») (Кислицын, 1994; Чернопицкий, 1996). Можно выделить два основных подхода к пониманию рассказывания: как к политике, имеющей классовые основания (Чернопицкий, 1996), и как к процессу с ярко выраженной антиэтнической направленностью (Кислицын, 1994).

Исследователи отмечают, что одним из затруднений на пути возрождения казачества в современной России выступает плюрализм подходов самих казачьих сообществ в определении дальнейшего вектора развития: от фокуса на культурной самобытности и сохранении исторического наследия в конструктивном сотрудничестве с властью до сохраняющегося в тех или иных формах партикуляризма казачьего движения (Рвачёва, 2010: 144), что проявляется, в частности, в идеях национально-государственного самоопределения казачества. Последнее, как полагает О.В. Рвачёва, в определённой степени обусловливается принятым в 1991 г. Законом «О реабилитации репрессированных народов», закрепившим за казаками статус репрессированной культурно-этнической общности с соответствующими правами на территориальную реабилитацию (возвращение территорий традиционного проживания для создания т.н. «казачьих республик»). (Рвачёва, 2010). Прослеживаемая с 1995 г. тенденция к «огосударствлению», или же «институционализации» казачества, выраженная в создании системы контроля над казачьим движением со стороны государства (Рвачёва, 2010: 145), с одной стороны, способствовала интеграции казачества в жизнь российского общества и аккумуляции его потенциала в решении задач государственной безопасности, с другой же стороны – привела к усугублению порождённого репрессиями советского периода травматического кризиса идентичности казачества, что на современном этапе выразилось в возникновении противоречий между т.н. реестровым казачеством (преемником царского казачества как военно-служилого сословия) и казаков, находящихся вне официальных структур казачьих сообществ и позиционирующих себя как носителей отличительных этнокультурных черт.

Целью данного исследования выступает системное представление особенностей отражения травматического события в коллективной памяти этнокультурных общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания посредством: (1) анализа основных элементов травматического нарратива этнокультурного сообщества; (2) изучения особенностей трансформации коллективной идентичности в результате травматизации; (3) выявления моделей обращения с травмирующим прошлым, характерных для изучаемого этнокультурного сообщества, и факторов, опосредующих течение мнемотических процессов.

¹ Путин, В. В. *Быть сильными*. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 22.09.2022).

Методология и методы исследования

Для реализации цели исследования был выбран метод контент-анализа. Эмпирическую базу исследования составили материалы 30 виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 по 1 июня 2022 гг.¹.

Выбор эмпирической базы исследования обусловлен тем, что в условиях массовой «дигитализации» памяти особый пласт формирования травматических репрезентаций представляют собой т.н. «виртуальные площадки». Благодаря дигитализации памяти, на смену институционализированной коллективной памяти приходит множественная, диалогическая память, открытая для трактовок и интерпретаций, что создаёт предпосылки для использования в работе с травмой модели диалогического памятования, построенной на совместном производстве исторического знания об общей истории и взаимном признании и совместимости картин исторического прошлого.

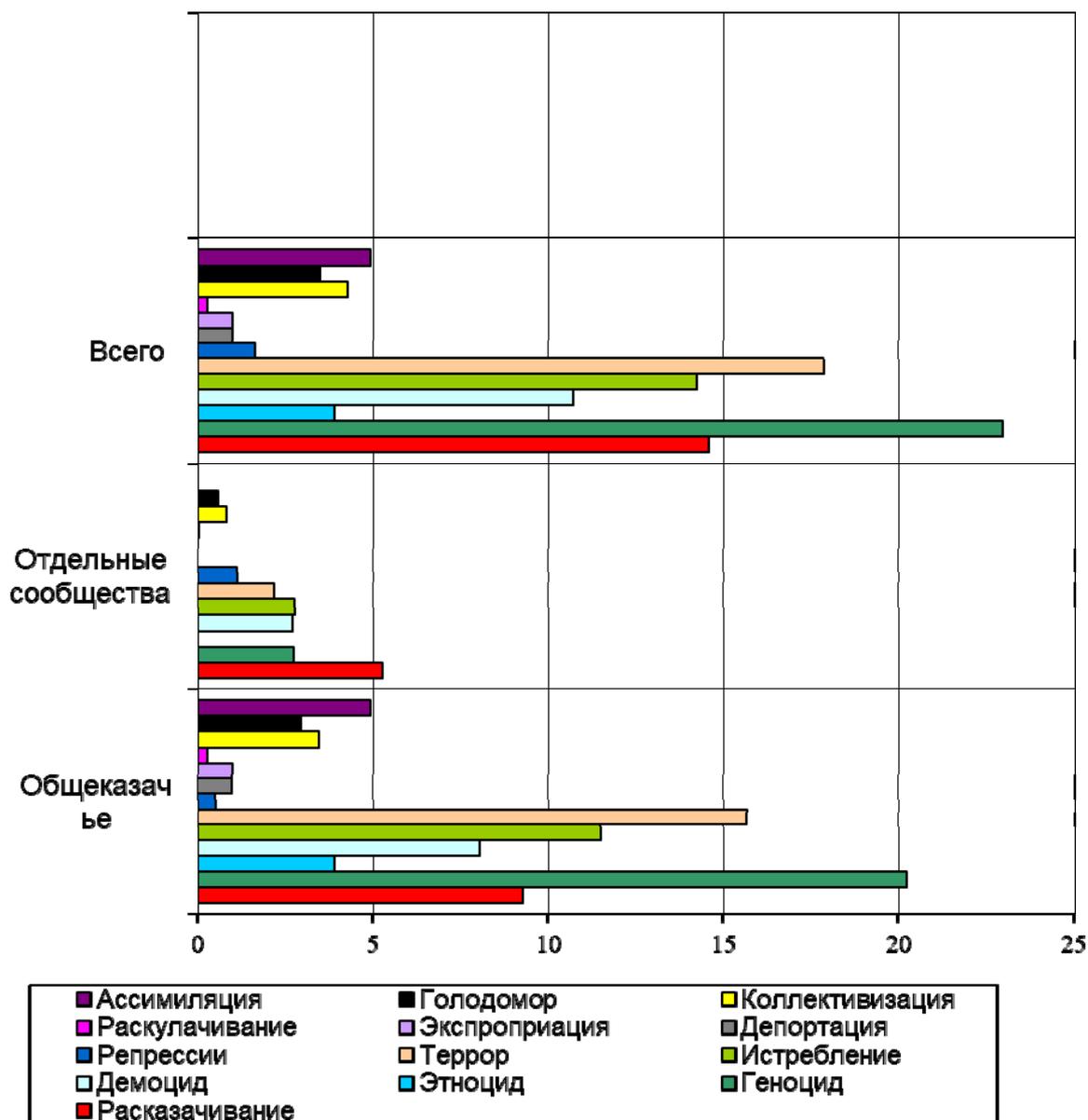
Первый этап исследования посвящён изучению с применением частотного контент-анализа основных элементов существующего травматического нарратива рассказывания (с опорой на модель Дж. Александера). На втором этапе исследования с использованием качественного ненаправленного контент-анализа эмпирического массива определяются основные аспекты травматической трансформации коллективной идентичности этнокультурного сообщества, даётся оценка наиболее часто артикулируемых в информационном пространстве проблем; рассмотрены особенности трансформации коллективной идентичности в результате травматизации; выявлены модели обращения с травмирующим прошлым и дан анализ факторов, опосредующих течение мнемотических процессов.

Основные элементы травматического нарратива рассказывания

Описывая механизм формирования «господствующего травматического нарратива», Дж. Александер выделяет четыре базовых *элемента*: (1) определение источника боли (характер события, произошедшего с отдельной группой и более крупным сообществом, частью которого она является); (2) определение природы жертвы (пострадала ли травмированная группа в силу того, что её члены выступали носителями определённых специфических признаков?); (3) распределение ответственности (установление или назначение личности преступника); (4) связь носителей с более широкой аудиторией (Александер, 2012: 20).

Для выявления специфики отдельных элементов травматического нарратива казачества был проведён частотный контент-анализ эмпирического массива. Для определения элементов 1 и 2 были проанализированы ключевые характеристики травматических событий и их последствий. Единицами подсчёта выступили 13 описательных характеристик (рисунок). В результате анализа 24 118 отобранных сообщений, относящихся к травме казачества и содержащих в себе всего 26 437 характеристик, было установлено, что наиболее распространёнными оказались следующие описания: «геноцид» (22,5%), «репрессии» (17,84%), «рассказывание» (14,55%), «террор» (14,23%), «истребление» (10,71%). Таким образом, нарратив травмы казачества строится в большей степени на убеждении в фактах преднамеренного насилия в адрес отдельной исключительной группы, нежели в том, что данная группа пострадала как часть наиболее крупного сообщества, наравне с другими его представителями (в ходе гражданской войны). Необходимо отметить, что внутри казачества фактически отсутствует разделение по региональному признаку. Упоминания о рассказывании как об *общеказачьем горе* встречаются значительно чаще (81,88% от общего числа упоминаний), нежели упоминания о жертвах среди отдельных групп казачества (донского (7,06%), кубанского (3,76%), крымского (0,89%), терского (5,35%), сибирского (0,93%) и иных групп (например, «казаки-калмыки» – 0,13%).

¹ Казаки. Российское Казачество», «Казаки & Казачество», «Скифия», «Донской телеграф», «Кубанский кизяк (казачество, Кубань, казаки)», «Казакия», «Казаки. Казачество История», «Воронежское отдельное казачье общество ВКО ЦКВ», «Возрождённое Казачество Руси», «Стрелы Сары-Азмана», «Переславское казачество», «Донские казаки», «Казачий рубеж», «Казаки-единомышленники», «Крымское казачество», «Православное казачество», «Астраханское казачество», «Казаки Воронежской области», «Казачий присуд», «Добринское казачество», «Казачья служба», «Симбирско-ульяновское казачество», «Белогвардейцы. Донское казачество. Всевеликое», «Казачество на службу Отечеству», «Донское казачество», «Казачество, казаки», «Пермское казачество», «Донские казаки и казачки: прославляем казачество», «Казачество», «Казачье братство online».

Результаты количественного анализа в категориях
«Определение источника боли и природа жертвы», %

Изучение элемента 3 травматического нарратива (распределение ответственности) требует разъяснения ряда позиций. Воспринимаются ли потери, понесённые казачеством, как действия отдельных лиц или как политика целого государства? Идёт ли речь о персональной или коллективной ответственности? Достаточно ли усилий прилагает современное государство, или же оно лишь усугубляет негативные последствия пережитого?

С этой целью был вновь применён метод количественного частотного контент-анализа. Для категории «персональная ответственность» в качестве индикаторов были использованы фамилии партийных функционеров, с которыми традиционно связывают основные волны расказачивания. Категория «коллективная ответственность» была разделена на две группы по хронологическому принципу: советский период и современный период. В рамках первой группы было выделено 4 подгруппы: 1) политические силы (индикаторы: «большевистская партия», «большевики», «РСДРП (б)», «коммунистическая партия», «коммунисты» и т.д.), 2) вооружённые силы (индикаторы: «Красная Армия», «красногвардейцы», «красные»), государственные органы (индикаторы: «НКВД», «Донбюро», иные наименования), советское государство (индикаторы: «СССР», «Советы», «советская власть» и т.д.), представители казачества (индикаторы: «советское казачество», «красное казачество» и т.д.). Индикаторы второй группы: «современная власть», «современное государство», «правительство» и т.д.

Результаты контент-анализа категории «Распределение ответственности», %

Персональная ответственность			Коллективная ответственность		
Персоналии	Всего		Подгруппа	Всего	
	Доля от группы	Доля от общего числа		Доля от группы	Доля от общего числа
С.М. Киров	2,68	0,71	Советское государство	48,14	35,35
Г.К. Орджоникидзе	12,03	3,2	Вооруженные силы	14,5	10,65
Я.М. Свердлов	10,73	2,85	Гос. органы	15,58	11,44
Н.А. Френкель	1,39	0,37	Советское казачество	5,9	4,33
И.Э. Якир	1,2	0,32	Современное государство	15,88	11,66
И.И. Вацетис	1,83	0,49	Всего	73,43	
Л.Д. Троцкий	10,45	2,78			
Г.Г. Ягода	1,14	0,3			
Н.И. Ежов	7,3	1,94			
В.И. Ленин	32,22	8,56			
И.В. Сталин	19,03	5,05			
Всего	26,57				

Результаты исследования (табл. 1) позволили установить, что потери, понесённые казачеством, воспринимаются скорее как результат системной государственной политики (73,43%), нежели зона персональной ответственности отдельных политических деятелей (26,57%). Сообщения, возлагающие на современное государство ответственность за травму казачества, составили 11,66% от общего числа, что указывает на высокий риск инструментализации травмы (например, использование её несистемными политическими акторами). Так, несистемная оппозиционная «Партия Народной Свободы» регулярно обращалась к травматической теме казачества, в своей риторике подчёркивая существование правовой коллизии между законом «О реабилитации репрессированных народов», в котором казачество описывается как этнос, и более поздними нормативными актами, где этнический подход сменяется на функциональный. В «Заявлении к столетию геноцида казачества» также содержится критика современной власти за «уничтожение казачьего народа методами обезличивания, очернения и лжи», «глумление над истинными казачьими ценностями»¹. В сферу распределения вины за переживаемую казачьим народом травму включается и современное государство.

Оценка 4 элемента травматического нарратива модели Дж. Александера (связь носителей травмы с периферийной аудиторией) даётся на следующем этапе исследования.

Влияние травмы казачества на коллективную идентичность

Говоря об уяснении природы травматической боли, П. Штомпка в числе основных симптомов выделяет кризис идентичности в результате резкой трансформации ценностных компонентов культуры (Sztompka, 2000). О схожих чертах коллективной травмы пишет и Р. Айерман: суть травматического эффекта заключается в эрозии оснований культурной идентичности (Айерман, 2013: 125). Вместе с тем, как отмечает Д.А. Аникин, обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма конструирует определённую интерпретацию исторического прошлого (Аникин, 2020), а само травмирующее событие может стать самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности.

¹ Бюро Федерального политсовета Партии народной свободы (ПАРНАС). *Заявление ПАРНАС к столетию геноцида казачества*. URL: <https://www.parnasparty.ru/news/49> (дата обращения: 22.09.2022).

Для изучения процесса трансформации идентичности казачества был проведён качественный контент-анализ эмпирического материала. В результате декомпозиции текстового массива было выделено и структурировано 24 118 единиц анализа.

Таблица 2

Содержание структурного массива

Содержательно установочный уровень (А)						
Историческая травма казачества как культурно-этнической общности						
Тематический уровень						
(В1) Организация памяти о жертвах расказачивания		(В2) Восстановление исторической справедливости		(В3) Возрождение казачества		
Проблемный уровень (С)						
(С1)	(С2)	(С3)	(С4)	(С5)	(С6)	(С7)
Организация памяти о жертвах расказачивания	Репрезентация трагедии казачества в образовательном дискурсе	Наследие большевистской власти	Проблема признания расказачивания	Раскол казачества на «красное» и «белое»	Институционализация казачества	Проблема этнического самоопределения казачества
Целевой уровень (D)						
Локальный характер памятования	Асимметрия освещения трагедии казачества	Маркеры советского прошлого как факторы фрустрации для казачества	Репрессии против казачества как незавершенный процесс, протекающий в форме ассимиляции	Конфликт памяти потомков красного и белого казачества	Восприятие реестрового казачества как искусственно созданной конструкции	Право казачества на этническую самоидентификацию как важнейший способ преодоления последствий репрессивных действий в отношении казачества как народа
Атрибутивный уровень (Е)						
Осложнение выстраивания связи между носителями переживания и массовой аудиторией-реципиентом	Осмысление реалий в контексте травматического прошлого реалии настоящего переосмысляются в контексте травматического прошлого	Риск переноса ответственности за травму казачества на современное государство	Внутренние расколы как фактор, осложняющий выстраивание идентичности современного казачества	Принадлежность к реестровому казачеству и этническому казачеству – разные элементы идентичности, которые могут вступать в конфликт	Признание казаков народом тождественно признанию «геноцида казачества»; если же казаки не являются самостоятельным народом – они пострадали от гражданской войны и репрессий в равной степени с другими общностями	

На содержательно-установочном уровне изученные сообщения обращены к проблеме коллективной травмы казачества как уникальной этнокультурной общности. Основные темы информационного массива: организация памяти о жертвах расказачивания (В1), восстановление исторической справедливости (В2), возрождение казачества (В3).

На проблемном уровне внутри темы В1 определены следующие подтемы: организация коммеморативных мероприятий (С1), память о жертвах расказачивания в образовательной среде (С2).

На целевом уровне дана следующая оценка перечисленных подтем. Внутри локальных сообществ сформированы устойчивые модели временной и пространственной локализации травматических событий, определены памятные даты травматических годовщин как для сообщества в целом

(24 января – день памяти жертв расказачивания), так и для отдельных его групп (27 марта – памятная дата жертв терского казачества). Кроме того, представители казачества символически присоединяются к потомкам жертв политических репрессий советского периода в официально установленный День памяти жертв политических репрессий (30 октября). Приёмы коммеморации весьма разнообразны: от религиозных ритуалов до научных конференций, что указывает на вовлечение в коммеморативные практики широкого круга лиц. Необходимо констатировать разногласия в наименовании региональных памятных дат: так, в подавляющем большинстве изученных сообщений главная дата коммеморации, 24 января, именуется «днем геноцида казачества», на официальном же сайте ВКО «Всевоеликое войско донское» дата означает как «День поминовения казаков и казачек Войска донского». Организация памяти о жертвах расказачивания в образовательной сфере также носит преимущественно локальный характер.

На атрибутивном уровне присутствуют следующие характеристики перечисленных аспектов темы: сохранение несогласованности в наименовании памятных дат свидетельствует о существовании различных интерпретаций событий травматического прошлого казачества, асимметрия освещения расказачивания в образовательном процессе не способствует выстраиванию связи между носителями травматического переживания и массовой аудиторией-реципиентом.

На проблемном уровне темы В2 выделены следующие аспекты: проблема наследия большевистской власти (С3), проблема признания расказачивания на государственном уровне (С4).

На деятельностном уровне по материалам изученных публикаций дана следующая оценка перечисленных проблем: с начала 1990-х гг. активистами казачьего движения ведётся разрозненная, но непрерывная деятельность по восстановлению исторической справедливости в отношении казачества, принимающая характер символической борьбы. Процесс восстановления исторической правды о казачестве включает в себя два основных компонента: первый компонент – возрождение исторических традиций и реконструкция позитивного героического образа казака как самобытного носителя традиций служения Отечеству (возрождение таких социокультурных институтов, как казачий круг, атаманство) и дань трагической памяти казачества (публичное признание потерь во время гражданской войны и политических репрессий). Второй компонент включает в себя плохо структурированную работу по десоветизации казачьего мира: борьба с советскими топонимами (переименование проспекта Подтёлкова в Платовский в Новочеркасске, акции станичного казачьего общества «Станица Казанская», пикеты по переименованию Свердловской области, инициативы донского казачества по переименованию улиц Свердлова, Шаумяна, Войкова, Атарбекова, Кировского проспекта, Халтуринского переулка в Ростове-на-Дону и т.д.), открытое выражение неприятия политических акторов, аффилированных с коммунистической идеологией (например, инициатива «Красному террору нет!», обращение к КПРФ как историческому правопреемнику ленинской РКП (б) с требованием покаяться за политику расказачивания и «красного террора»). В подавляющем большинстве критических высказываний расказачивание характеризуется как дрящущий процесс, принявший латентные формы ассимиляции, метисации казачьего народа. Окончание расказачивания в изученных материалах связывается с практическими мерами по устранению негативных последствий: восстановление и развитие исторической и традиционной формы местного национального самоуправления казачьего народа (станиц), признание казаков коренным народом России.

На атрибутивном уровне даны характеристики, составляющие содержание совокупности проблем темы В2. Присутствие в публичном пространстве маркеров советского прошлого является фактором фрустрации для представителей казачества, что позволяет говорить об укорененности травматического опыта в коллективной памяти сообщества.

На проблемном уровне темы В3 определены следующие проблемы: последствия раскола красного и белого казачества (С5), противоречия институционализации («огосударствления») казачества (С6), этническая самоидентификация казачества (С7).

На целевом уровне состояние отмеченных проблем внутри темы В3 оценивается следующим образом. «Возрождение казачества» является незавершённым процессом. Обязательным условием организации полноценной проработки травмирующего прошлого является наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Конструирование идентичности сообщества осложняется тем, что травма казачества, как и практически любая травма, инициирующим событием которой выступают насильственные революционные преобразования, имеет бинарный характер. С одной стороны, это, безусловно, «травма жертвы», при которой пассивность переживания переходит в страдательность; с другой стороны, это ещё и описанная Б. Гизеном «травма преступника» (Giesen, 2004), возникшая в результате разделения казачества на «красное» и «белое». Проведённый

анализ информационного массива позволяет отметить существующее противопоставление этнических казаков и современного реестрового казачества, критически рассматриваемого как инструмент ассимиляции казачьего народа. Кроме того, анализ критических высказываний обнаруживает иные внутренние конфликты: межпоколенческий (критика неудавшихся проектов возрождения казачества, осуществлявшихся «старшими соплеменниками») и конфликт поведенческих стратегий: критика казаков, поддерживающих различные проявления мультикультурализма и ассимиляции: например, вступающих в т.н. «смешанные браки». Право казачества на этническую самоидентификацию наравне с другими народами, составляющими население России, рассматривается как один из важнейших способов преодоления последствий расказачивания.

На атрибутивном уровне можно выделить следующие характеристики темы «возрождение казачества». В целом, процессы институционализации казачества можно оценивать положительно. Периферийная аудитория способна символически разделить переживание трагических событий, только если его жертвы будут представлены в терминах, описывающих ценные качества, разделяемые масштабной коллективной идентичностью. Привлечение казачества к решению задач национальной безопасности коррелирует с установившимся в общественном сознании представлением о казаках как о защитниках Отечества, способствует формированию позитивного образа казачества и стимулирует рост общественного интереса к его истории, в том числе, к её трагическим страницам. С другой стороны, нельзя не согласиться с позицией О.В. Рвачёвой: огосударствление казачьих структур сопряжено как с рисками их дистанцирования от остального населения регионов их проживания в силу специфики внутренних интересов (Рвачёва, 2010: 147), так и с обострением конфликтного потенциала раскола этнического и реестрового казачества. Несмотря на существующие тенденции интеграции казачества в жизнь российского общества в целом, сохраняются риски сплочения этнокультурной общности по потенциально конфликтной модели «свой – чужой» (представители травмированной группы ориентированы не на поиск точек соприкосновения с внешней средой, а на самоизоляцию, а вина за негативный опыт возлагается на все чуждые группы).

Заключение

Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы об особенностях отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики расказачивания.

1. Анализ основных элементов травматического нарратива казачества показал, что последний строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы; несогласия с тезисом, что казаки пострадали так же, как и всё население бывшей Российской империи в ходе гражданской войны; потери, понесённые казачеством, расцениваются как результат системной государственной политики, при этом расказачивание воспринимается как незавершенный процесс, принимающий форму ассимиляции и огосударствления.

2. В результате анализа информационного массива были выделены следующие особенности трансформации коллективной идентичности казачества:

1) наличие внутренних расколов, указывающее на сохраняющийся кризис идентификации коллективного субъекта (конфликт поколений; историческое разделение казачества на «красное» и «белое»; характерный для этнокультурных групп, включенных в плюралистические общества, конфликт поведенческих стратегий (сторонники интеграции и критики «ассимиляции»), противопоставление «этнических казаков» и «реестрового казачества»);

2) проблема «временного лага». Реконструируемое общее прошлое восходит к опыту, однако воспоминания о нём опосредуются нарративами, трансформирующимися вместе с рамками памяти. В случае рассмотренной межпоколенческой передачи травмы потомки непосредственных участников трагических событий, повлекших за собой эрозию идентичности сообщества, сталкиваются с необходимостью «поиска самости», опорных точек идентификации. Обращаясь к историческим и художественным свидетельствам, они обнаруживают там следы былого величия сообщества, однако, не могут в полной мере отыскать им подтверждения в настоящем. Понятие новой казачьей идентичности формируется под влиянием поколения, для которого расказачивание – это переживание давнего прошлого, а не настоящего (Еуегман, 2013); поколения, которые ориентируются, используя терминологию Д. ЛаКапры, не столько на «историческую утрату» (“loss”), сколько на «структурное отсутствие» (“absence”), абстрактный идеал, сформированный под влиянием репрезентаций (LaCapra, 1999: 706);

3) специфика выстраивания отношений с внешней средой для этнокультурной группы заключается в том, что речь идёт не просто о заключении мемориально-этического договора между носителями травмы и остальным сообществом, а о совместном производстве исторического знания о пережитой травме, основанном на взаимном признании и совместимости картин истории. В противном случае, велики риски, что реконструкции идентичности группы будут происходить не посредством встраивания себя в сообщество в целом, а за счёт противопоставления ему, особенно за счёт заложенной в отношении любого этнофора и государства потенциально конфликтогенной схемы «свой – чужой».

3. Процессы перенастройки коллективной идентичности казачества как этнокультурной общности опосредуются как совокупностью внешних, социальных факторов, так и психологической составляющей, определяющей в значительной степени специфику проявления травматических симптомов. К внешним факторам можно отнести социокультурный контекст, включающий в себя актуальные потребности общества, частью которого является травмированная группа (например, в Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий читаем: «Страна не может стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий»¹, господствующая система взглядов, наличие или отсутствие условий для артикуляции травматического переживания как в правовом, так и в культурном поле (в частности, обязательная институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной: например, переход от диктатуры к демократии, отмена дискриминирующих законов и т.д.). Психологическая составляющая включает в себя такие элементы, как этнический характер, объективизированный в культуре народа, этнический темперамент как совокупность типичных реакций на фрустрирующую ситуацию, и этнические обычаи и традиции, стабилизирующие общественные отношения посредством формирования определённых качеств. (Так, в работе А. Митчерлих «Неспособность скорбеть» описывается корреляция между особенностями социализации детей раннего возраста в кайзеровской Германии с акцентом на суровость и дисциплину и сложностями с институционализированным выражением травматических переживаний последствий Второй мировой войны в немецком обществе в 1940-1960-е гг. (Mitscherlich & Mitscherlich, 1997). Такие духовные детерминанты казачества как православное вероисповедание, в сочетании с веротерпимостью, строгая нравственная дисциплина, патриотичное служение родине оказывают положительное влияние в деле реконструирования казачьей идентичности в созвучие с идентичностью общенациональной. С другой стороны, такие свойства казачьего менталитета, как независимость, стремление к сохранению институтов самоуправления, исторически сформировавшееся чувство социальной привилегированности не способствуют сокращению разрыва между обществом в целом и казачеством как отдельной этнокультурной группой.

5. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы о моделях обращения с травмирующим прошлым исследуемой этнокультурной группы. Используя разработанную Р. Мертоном классификацию способов адаптации к аномии, можно сделать вывод, что внутреннее освоение травмы казачьим сообществом происходит в двух направлениях: конструктивном и пассивном. Конструктивное направление построено на приёме инновации: преднамеренном «культурном творчестве», изменении культурных паттернов этнокультурной группы для адаптации к изменившейся среде (например, возвращение казачества на службу государства в обновлённых формах, поиск новых моделей казачьего самоуправления, совместимых с действующей вертикалью государственной власти). Пассивное направление, напротив, включает в себя модель ритуализма – культивирование традиций как укрытия от травмы (Merton, 2006: 198–227).

Изложенное выше даёт возможность следующим образом описать процесс реформативного формирования коллективной идентичности казачества как этнокультурной группы под влиянием травмирующего опыта. Наличие внутренних расколов указывает на кризис идентификации коллективного субъекта, который приводит к активизации патологических механизмов социальных защит: функционирование общества осуществляется на основе ригидной картины мира с категоричными оценочными суждениями, построенными на конфликтогенной схеме «свой-чужой». Травмирующее событие же становится самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности взамен утраченной; травма буквально конструирует определенную интерпретацию исторического прошлого. Подобная тенденция усиливает сепарацию травмированной этнокультурной группы от сообщества. Кроме того, построенный на идее длящейся травмы дискурс оставляет широкое пространство для ре-

¹ Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 15 авг. 2015 г. № 1561-р (в ред. от 26 марта 2019 г.), Собр. законодательства Рос. Федерации № 34. ст. 4930.

травматизации, в частности, посредством использования травмы для легитимации целей несистемными политическими акторами, действующими в направлении разобщения мультикультурного общества. В этой связи важно всестороннее признание травматического опыта казачества и его включение в общегосударственный нарратив, закрепление не только в нормативно-правовых документах, но и в образовательном и научном дискурсе, включение в коммуникативно-значимые материалы.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Конкурс грантов Учёного совета факультета политологии МГУ для студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников».

Список литературы / References

- Александр, Дж. (2012) 'Культурная травма и коллективная идентичность', *Социологический журнал*, 3, сс. 5–40. [Alexander, J. (2012) 'Cultural Trauma and Collective Memory' [Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost'], *Sociologicheskij zhurnal*, 3, pp. 5–40. (In Russ.)].
- Аникин, Д. А. (2020) 'Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса', *Studia Humanitatis*, 4 [электронное издание]. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifika-rossijskogo-diskursa> (дата обращения: 22.09.2022). [Anikin, D. A. (2020) 'Collective Traumas as a Subject of Memory Studies: the Specifics of Russian Discourse' [Kollektivnye travmy kak predmet memory studies: specifika rossijskogo diskursa], *Studia Humanitatis*, 4 [online]. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifika-rossijskogo-diskursa> (Accessed: 22 September 2022). (In Russ.)].
- Анкерсмит, Ф. Р. (2007) *Возвышенный исторический опыт*. Москва: Европа. [Ankersmit, F. R. (2007) *Sublime Historical Experience* [Vozvyshennyj istoricheskij opyt]. Moscow: Evropa. (In Russ.)].
- Кислицын, С. А. (1994) «"Расказачивание" – стратегический курс большевистской политической элиты в 20-х гг.» в: *Возрождение казачества: история и современность: Материалы V Всероссийской (международной) конференции*, Новочеркасск, сс. 98–106. [Kislicyn, S. A. (1994) "'Decossakization" – Strategic Course of the Bolshevik Political Elite in the 20s' ["Raskazachivanie" – strategicheskij kurs bol'shevistckoj politicheskoi jelity v 20h gg.]. in: *Revival of the Cossaks: History and Modern Times: Materials of V Russian (International) Conference*, Novocherkassk, pp. 98–106. (In Russ.)].
- Рвачёва, О. В. (2010) 'Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству', *Власть*, 5, сс. 143–147. [Rvacheva, O. V. (2010) 'The Governemnt and the Cossacks in the South of Russia at the End of the 20th Century – the beginning of the 21st Century: from Confrontation to Cooperation' [Vlast' i kazachestvo na juge Rossii v konce XX – nachale XXI v.: ot konfrontacii k sotrudnichestvu'], *Vlast'*, 5, pp. 143–147. (In Russ.)].
- Самсонова, Н. Н. (2021) 'Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы', *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 3, сс. 69–77. [Samsonova, N. N. (2021) 'Coping Mechanisms for Historical Trauma: Main Research Approaches [Mekhanizmy preodoleniya prepyatstviy: osnovnyye issledovatel'skiye podkhody], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskije nauki*, 3, pp. 69–77. (In Russ.)].
- Чернопицкий, П. Г. (1996) 'Советская власть и казачество' в: *Проблемы возрождения казачества*. Ч. 2. Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, сс. 84–88. [Chernopickij, P. G. (1996) 'Soviet Power and the Cossacks' [Sovetskaya vlast' i kazachestvo] in: *Issues of the Cossacks' Revival* [Problemy vozrozhdeniya kazachestva]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo RGU, pp. 84–88 (In Russ.)].
- Felman, Sh., Laub, D. (1994) *Writing and Madness: Literature, Philosophy, Psychoanalysis*. Ithaca: Cornell University Press.
- Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm Publishers.
- LaCapra, D (1999) 'Trauma, Absence, Loss', *Critical Inquiry*, 4, pp. 696–727.
- Merton, R. K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.

Mitscherlich, A., Mitscherlich, M. (1979) *The Inability to Mourn: Principles of Collective Behavior*. NYC: Grove Press.

Ruppert, F. (2008) *Trauma, Bonding and Family Constellations: Understanding and Healing Injuries of the Soul*. Trudoxhill: Green Balloon Publishing.

Sztompka, P. (2000) 'Cultural Trauma: The Other Face of Social Change', *European Journal of Social Theory*, 3(4), pp. 449–466.

Eyerman, R. (2013) 'Social Theory and Social Trauma', *Acta Sociologica*, 56(1), pp. 41–53.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.03.2023

Статья принята к печати: 06.04.2023

TRAUMA OF DECOSSACKIZATION IN THE COLLECTIVE MEMORY OF CULTURAL AND ETHNIC COMMUNITY

N. N. Samsonova

N. N. Samsonova, Graduate Student, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University.
E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Abstract

The article studies the features of reflection of a traumatic event in the collective memory of ethnocultural communities on the example of the consequences of the Bolshevik policy of decossackization. The conceptual foundations of the study are psychoanalytic and sociocultural approaches to the study of historical trauma as a social phenomenon, united by the collective memory of negative experiences as a source of trauma. The research is based on the materials of online communities dedicated to history, culture and revival of the Cossacks. The first stage of the study is devoted to the main elements of the traumatic narrative of decossackization (based on the model of J. Alexander). At the second stage of the study, the author, using a qualitative non-directional content analysis, names the main aspects of traumatic transformation of a collective identity of the ethno-cultural community. Society functions based on a rigid concept of the world with categorical value judgments, built on a highly conflict-prone "friend or foe" scheme. The traumatic event turns into an independent factor in the formation of a new collective identity to replace the lost one and mediates the creation of interpretations of the historical past. This trend amplifies the separation of the traumatized ethno-cultural group from the community.

Keywords: historical trauma; collective trauma; psychoanalyses; collective memory; trauma of cultural and ethnical communities; decossackization; chosen trauma

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University in the framework of the scientific project "Grant Competition of the Academic Council of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University for Students, PhD Students, University Teachers and Researchers".

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-82-90

ХУДОЖНИК В ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА Г.И. ЧОРОС-ГУРКИНА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

Ю. Г. Чернышов, А. Д. Дерендяева

Чернышов Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет.
E-mail: ashpi@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-0516-7486. Researcher ID: I-1137-2015).

Дерендяева Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Алтайский государственный университет.
E-mail: a.derenadyaewa@yandex.ru (ORCID: 0009-0005-4621-8974).

Аннотация

Показано, как образ интеллигента, имевшего опыт «хождения во власть», используется в политике памяти, охарактеризованы факторы становления его в качестве ключевого персонажа, «знаковой фигуры», которая способствует формированию этнической и территориальной идентичности в Республике Алтай. Авторы статьи описывают этот процесс на примере судьбы известного алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина и становления его как общественно-политического деятеля. В качестве источников использованы нормативно-правовые документы, материалы архивных фондов, публикации в средствах массовой информации и др. Выявлены существенные трансформации образа Г.И. Чорос-Гуркина. Он был известен как талантливый художник, ученик И.И. Шишкина, лидер национального движения и председатель Алтайской Горной думы (1918 г.), а затем (после того как был репрессирован в 1937 г.) – как «враг народа» и «предатель». Долгое время, даже после реабилитации (1956 г.), его имя фактически замалчивалось. Однако с конца 1980-х гг. его образ как политика стремительно возрождается. Теперь это не только «национальный герой» и «гений места», но и «основатель алтайской государственности».

Ключевые слова: политическое лидерство; национальное движение; национальный герой; интеллигенция; региональный лидер; политика памяти; идентичность; «гений места»; Горный Алтай; Г. И. Чорос-Гуркин.

Введение

История знает немало случаев, когда думающие об интересах общества представители интеллигенции (актеры, писатели, ученые, художники и т.д.) волею судеб оказывались на властных постах (Чернышов, 1998: 4–13). Часто эти попытки происходили в кризисные эпохи, когда отлаженная система ротации элит давала сбои. Это можно было наблюдать, например, в России в 1990-е гг., когда интеллигенты и интеллектуалы нередко предлагали обществу «разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства» (Фадеева, 2012: 7). Часто этих людей упрекали в некомпетентности, непрактичности, излишней мягкости и т.д. Нередко их попытки управлять заканчивались не слишком удачно, и на их место приходили новые «эффективные менеджеры». Казалось бы, из этих уроков должен вытекать один вывод: «Таким людям не стоит покидать свою профессию и идти во власть». Но почему общество, нередко спустя десятилетия, вспоминает именно их, а не «послушных винтиков системы»? Может быть, какие-то из этих людей интересны и важны тем, что именно им удалось открыть обществу новые смыслы и цели, новые перспективы? Пример – судьба известного алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937), неожиданно ставшего, спустя полвека после его гибели, признанным кумиром у себя на родине, заставляет задуматься над такими вопросами. Конкретный сюжет, рассматриваемый в данной статье, представляет собой весьма интересный пример для изучения более общей темы «Интеллигенция и власть» (или, если точнее, такого аспекта этой темы, как «Хождение интеллигентов во власть»).

Мы не будем подробно рассматривать биографию и творчество художника (Шастина, 2019; Chernyshov et al., 2023: 68–70), а остановимся на эпизоде его краткого похода во власть и на последующей эволюции его образа вплоть до настоящего времени. Цель данного исследования – выявить характерные черты эволюции образа Г. И. Чорос-Гуркина как общественно-политического деятеля. Достижение данной цели предполагает решение следующих научно-практических задач: во-первых, выделить и охарактеризовать основные периоды, когда образ Г. И. Чорос-Гуркина существенно трансформировался; во-вторых, определить основные факторы, которые повлияли на изменения в восприятии его образа; в-третьих, проследить использование образа Г. И. Чорос-Гуркина в политике памяти и политике идентичности в современной Республике Алтай.

В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступает, в первую очередь, личностно-ситуационная теория политического лидерства, в рамках которой личность Г. И. Чорос-Гуркина рассматривается с точки зрения его личностных качеств (любовь к родному Алтаю, стремление к улучшению качества жизни алтайцев), а также с точки зрения тех событий (ситуаций), в рамках которых художник был вынужден стать лидером (смена политической власти, общий подъем национального самосознания у алтайцев и др.). Кроме того, были использованы некоторые методы исторического исследования – историко-генетический, метод периодизации исторических процессов и др.

В качестве ключевых источников исследования были использованы материалы архивных фондов (письма и рукописи Г. И. Чорос-Гуркина¹, заметки Г. Н. Потанина² и т.д.), нормативно-правовые документы, связанные с деятельностью Алтайской горной думы (законы, указы и т.д.³), а также с делом об обвинении Г. И. Гуркина⁴. Также были использованы средства массовой информации (архивы журналов «Сибирские огни»⁵, «Сибирь», «Настоящее», газета «Советская Сибирь»⁶ и др.). Следует отметить, что в целом источники позволяют выявить основные тенденции эволюции образа, однако до сих пор есть недостаток достоверных сведений по многим аспектам темы. В литературе краткий период общественно-политической деятельности Григория Ивановича был изучен как зарубежными (Balzer, 2015; Rozwadowski, 2021; Toraman, 2018), так и отечественными авторами (Михайлов, 2015; Самыкова, 2008; Эдоков, 1994 и др.). По мнению Т. П. Шастинной, в литературе XX в. прослеживается движение Гуркина-персонажа от образа современника до *genius loci*, причем в этом движении можно выделить три этапа: «областнический (1900–1917); идеологический (1918–1956), локально-мифологический» (Шастина, 2015: 377). Этот подход был использован и в антологии «Г.И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место» (Шастина, 2018). В целом же работ, посвященных изучению эволюции образа Г.И. Чорос-Гуркина как политика и общественного деятеля, пока мало.

Весь рассматриваемый материал разбит на три основных периода: 1917–1956 гг., 1957–1989 гг. и с 1990 г. по настоящее время.

От «первого руководителя» до «контрреволюционера» и «врага народа» (1917–1956 гг.)

События 1917 г., связанные с распадом Российской империи, повлекли за собой мощный подъем национальных движений. Бывшие окраины империи оказались в поиске тех национальных идей, которые способствовали бы консолидации и «суверенизации» коренных народов (например, идея Э. Р. Ринчино о создании Бурят-Монгольской Республики, идея А. Н. Букейханова об образовании Алашской автономии, идеи В. В. Никифорова как организатора «Союза якутов», предложение Г. И. Чорос-Гуркина о выделении инородцев Алтая в самостоятельный уезд и др.).

Особый интерес в данном контексте представляют процессы национального самоопределения в Горном Алтае, территория которого входила в Бийский уезд Томской (с 1917 г. Алтайской) губернии. В связи с активным переселенческим движением и развитием экономики происходили серьезные изменения в традиционном укладе жизни и настроениях «инородцев». Джунгарское наследие, бурханизм, который приобретал политические оттенки, идеи областничества, – все эти факторы также оказали влияние (Шерстова, 2020: 121). Так, в основе бурханизма как этнической религии алтайцев была заложена идея возрождения Ойратского ханства. Кроме того, в обществе уже бытовала ле-

¹ Гуркин, Г. И. (1934) Письмо дочери Марии от 19–20 февр. НМ РА.; Гуркин, Г. И. (1935) Письмо дочери Ангелине от 7 янв. НМ РА.; Гуркин, Г. И. (1936) Рукопись от 19–27 мая. УФСБ РФ по РА.

² Потанин, Г. Н., Васильева, М. Г. (2004) «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 418 с.

³ ГААК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1; ОСХД ГАСРА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 433. Л. 132; ОСХД ГАСРА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 433. Л. 129.

⁴ Архивная справка УФСБ РФ по РА. 1998; Протокол допроса Г.И. Гуркина от 23 июня 1934 г. УФСБ РФ по РА.

⁵ Литературный журнал «Сибирские огни» Архив XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://sibogni.ru/archive> (дата обращения: 09.04.2023).

⁶ Электронная библиотека НГОНБ [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/> (дата обращения: 09.04.2023).

генда о пришествии Ойрот-хана – «спасителя и праведного судии». Таким образом, для алтайцев Ойратское ханство и Ойрот-хан выступали как некое олицетворение «золотого века», «великого прошлого», к которому необходимо вернуться.

Ключевым лидером национально-освободительного движения алтайцев стал Г. И. Чорос-Гуркин. К этому времени он был не просто представителем алтайской интеллигенции, но и широко известным в России художником. Его картины – «Хан Алтай» (1907 г.), «Каракол» (1909 г.), «Алтай. Горная долина» (1909 г.), «Корона Катуни» (1910 г.), «Озеро горных духов» (1910 г.) фактически сразу приобрели популярность. Он ценил в Горном Алтае удивительную красоту природы и людей, не испорченных цивилизацией. Жизнь Григория Ивановича представляла собой череду разных этапов: детство в классе иконописи при Алтайской духовной миссии, обучение у И. И. Шишкина и у А.А. Киселева в Санкт-Петербурге, общение с томской интеллигенцией и знакомство с идеологом сибирского областничества Г. Н. Потаниным, персональные выставки картин, – все это способствовало тому, что за Г. И. Чорос-Гуркиным в короткие сроки закрепился статус «великана национального духа».

Менее известна до сих пор политическая деятельность художника. Участие Г. И. Чорос-Гуркина в событиях 1917–1920 гг. повлияло не только на его творчество, но и в целом перевернуло всю его судьбу. Жизнь для него с этого времени стала «прерванной сказкой» (Муканова, 2020: 176). Летом 1917 г. в г. Бийске прошел I съезд представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов. Там алтайцы предложили рассмотреть вопрос о выделении Горного Алтая в качестве самостоятельного уезда. Хотя эта идея вызвала определенное сопротивление со стороны бийской власти, представители алтайской делегации приняли решение о создании Алтайской Горной думы, председателем которой был выбран Г. И. Гуркин. Вскоре было принято решение о создании Каракорум-Алтайского округа и окружной управы под председательством Г. И. Гуркина. 30 декабря 1918 г. был создан Каракорумский уезд.

Роль художника в данных политических процессах не была однозначной. Стоит учитывать, что никто тогда не мог предсказать, чем закончатся гражданские распри. А нужно было думать о жизнеобеспечении населения, о защите его от банд грабителей и т.д. Безусловно, Г. И. Гуркин хотел «возродить» национальное самосознание алтайцев, работал над программой обустройства региона. Он даже успел создать эмблему движения, которая в итоге стала одним из интегрирующих символов. В качестве ключевого элемента данной эмблемы выступал треугольник, заключенный в круг, что означало «вечность». Солнце и горы отражали природное достояние алтайцев. Кроме того, на символ была нанесена надпись «Дьер – Су – Хан Алтай» (Земля – Вода – Хан Алтай). Впоследствии эмблема стала использоваться и как печать движения.

Современники художника (в частности, командир каракорумской гвардии, прапорщик В. Залесский) отмечали, что «роль Григория Ивановича была пассивная», что «от Г. И. Гуркина скрывались настоящие цели», сам же он «не имел явно выраженных политических пристрастий» (Эдоков, 1994: 119). В его записной книжке в 1918 г. сам он писал, что политические дела ему чужды, что он хотел бы лишь изображать красоту Алтая (Шастина, 2019: 42). Исследователями подчеркивалось и то, что художник был человеком «со слабым характером», «доверчивым, поскольку мог положиться на тех, кто скажет, что любит Алтай»; были и такие оценки, что он как представитель алтайской интеллигенции оказался «легальным прикрытием контрреволюционных сил» (Самыкова, 2008: 162). Сам Григорий Иванович определял свою политическую роль следующим образом: «В классовом вопросе я еще не разбирался и вообще политикой как художник... не занимался и не был сведущ» (Эдоков, 1994: 106). В данной коннотации, используя типологию М. Дж. Херманн, Г.И. Гуркина можно считать «лидером-служителем», который выступил от имени определенной социальной группы и стал выразителем её интересов.

Именно с этого времени художник стал подписывать свои картины и рисунки следующим образом: Григорий Чорос-Гуркин (Муканова, 2020: 177). Под «Чорос» понимался аристократический род, от которого вели свое происхождение Ойротские князья, фактические «хозяева» западных монгольских племен в XV–XVII вв. Художник тем самым демонстрировал свое право на статус первого руководителя, легитимизировал свою власть. Руководствуясь типологией лидерства М. Вебера, в этом случае Г.И. Гуркина можно было бы отнести к «традиционным лидерам», которым власть доставалась «по наследству», «по традициям».

Вместе с тем, политическая деятельность Г.И. Чорос-Гуркина уже в это время воспринималась в обществе по-разному. Так, отмечается, что художника чуть не расстреляли советские органы власти с. Мышты (Демидов, 1990: 94). Арестовывали его и колчаковцы «за сепаратизм и измену Родине». Затем Г.И. Чорос-Гуркин, да и вся Каракорумская горная управа, стали ассоциироваться с «оплотом контрре-

волюционного движения» (Самыкова, 2008: 162). Буквально за пару лет образ художника, который прежде отождествлялся с такими эпитетами, как «алтайский интеллигент», «первый сибирский художник» и «сын природы», трансформировался в «националиста» и «контрреволюционера».

В итоге он был вынужден уехать в Монголию, а затем в Туву. Переезд и довольно нелегкая жизнь заставили художника пересмотреть свои позиции. В это время Горный Алтай все-таки был выделен в Ойротскую автономную область. Поэтому в 1924 г. Г. И. Чорос-Гуркин пишет в Ойротский обком ВКП (б) и подчеркивает, что «всегда стоял за лучшее, национальное». Получив разрешение на возвращение, художник в 1925 г. приехал на Алтай.

После 1925 г. он продолжал писать картины, причем в это время ему пришлось выполнять многочисленные заказы советской власти. По его инициативе был открыт музей, в Аносе ему в 1927 г. была возвращена ранее конфискованная усадьба. В 1930 г. ему удалось восстановить избирательные права. Стоит отметить, что поначалу к возобновлённой деятельности художника советская власть относилась положительно. Так, Народный комиссар Просвещения А.В. Луначарский в 1926 г. подчеркнул, что картины Григория Ивановича – «замечательные по тонкости живописи, драгоценные по краскам пейзажи»¹.

Небольшие заметки о Г.И. Гуркине продолжали публиковать в различных региональных изданиях – в журналах «Красная Сибирячка», «Настоящее», «Сибирь», «Сибирские огни», в газете «Советская Сибирь» и т.д. Образ Григория Ивановича был представлен в таких категориях, как «алтаец с головы до ног», «имя, известное всему Алтаю» и т.д. Вместе с тем, важно отметить, что подпись «Чорос» исчезла из газет, оставалась лишь фамилия художника – Гуркин. В 1930-е гг. были опубликованы труды П.Я. Гордиенко, А.Г. Данилина, Л.П. Мамета, посвященные бурханизму, ойротской интеллигенции, алтайцам в целом. В них Г.И. Гуркин был обозначен как «лидер ойротской интеллигенции» (Данилин, 1993: 138).

В 1933 году судьба свела Гуркина с женой М.И. Калинина, находившейся тогда в своеобразной «добровольной ссылке» недалеко от Аноса, в Чемале. Сам он об этом писал в письме дочери: «Летом по приглашению Екатерины Ивановны Калининой – директора Чемальского совхоза и дома отдыха, я жил два месяца в Чемале в доме отдыха и написал им большую картину ... – «Белуха с северной стороны – ледник Ак-Кем». ... Кроме того, по их же заказу другую картину в Москву т. Калинину. К XVII партсъезду в подарок написал картину «Ойротия по пути и заветам Ленина»². Впоследствии, как известно, и Е.И. Калинина, и более половины делегатов этого съезда были репрессированы.

В 1934 году Гуркин подвергся допросам в связи с делом о некоем «Союзе сибирских тюрок». Его арестовали по обвинению в том, что в 1932–1933 гг. он якобы ездил в Новосибирск для встречи с сотрудником японского консульства. Однако вскоре удалось доказать, что не имевший паспорта Гуркин вообще никуда не выезжал тогда за пределы Горно-Алтайска. Дело развалилось. Однако спустя три года в мае 1937 г. он был снова арестован на фоне совершавшихся по разнарядкам массовых репрессий. Художника обвинили теперь «в японо-военной к-р (контрреволюционной - авторы) повстанческой деятельности» и заставили подписать показания, в которых он признал, что его якобы завербовал... еще в 1900-1901 гг. умерший в 1920 г. Потанин. В итоге ему предъявили политическое обвинение, и он был расстрелян так же, как и его старший сын Геннадий³.

Имя Г. И. Чорос-Гуркина на долгие годы оказалось под запретом. Боялись заговорить о Григории Ивановиче даже его ученики Ойротской художественной школы, отлично помнившие своего учителя (Самыкова, 2008: 163). Однако Григорий Иванович был настолько «настоящим человеком», что многие, зная его, пытались косвенно упоминать о нем даже во время строгой цензуры. Так, в 1944 г. был опубликован рассказ писателя-фантаста И. А. Ефремова «Озеро горных духов» (Ефремов лично познакомился с Чорос-Гуркиным еще в 1925 г.). По сюжету рассказа главный герой – геолог встретился на Алтае с удивительным художником «Чоросовым». Специально искажая его имя, Ефремов тем самым обходил идеологические запреты, вместе с тем, характеризуя Г. И. Чорос-Гуркина как «знаменитого художника», «бесстрашного искателя души гор» (Ефремов, 1944: 88).

¹ Луначарский, А. В. Восьмая выставка картин и скульптуры АХРР «Жизнь и быт народов СССР». [Электронный ресурс]. URL: <https://pv-gallery.com/downloadFile?objectId=19617608> (дата обращения: 17.03.2023).

² Еркинова, Р. М., Шастина, Т. П. Летопись жизни и творчества Гуркина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetiteliyam/150-let-g-i-choros-gurkinu-v-2020-g/item/1330-letopis-zhizni-i-tvorchestva-g-i-gurkina> (дата обращения: 03.04.2023).

³ Дудукина, Л. Григорий Гуркин – «Шпионаж в пользу Японии». Расстрел «алтайского гения». [Электронный ресурс]. URL: <https://secrethistory.su/2190-grigoriy-gurkin-shpionazh-v-%20polzu-yaponii-rasstrel-altayskogo-geniya.html> (дата обращения: 27.03.2023).

Важно было и то, что в 1944–1945 гг. многие живописные работы художника, рисунки в альбомах были сохранены. В 1955 г. следователь К. Хуснутдинов, который вел дело, признался, что «предъявленные обвинения... и показания обвиняемых не соответствовали действительности» (Муканова, 2020: 180). 29 марта 1956 г. Г. И. Гуркин был реабилитирован Президиумом Алтайского краевого суда.

Образ Г.И. Гуркина после реабилитации: «хороший художник, но не политик» (1957–1989 гг.)

После реабилитации имя Г. И. Гуркина постепенно возвращается в культурную среду Алтая. При этом важным вопросом на данном этапе было сохранение художественного наследия Григория Ивановича. Этот процесс затянулся на долгие годы, поскольку снятие запретов на экспозицию картин художника было затруднено. Несмотря на то, что память о политическом прошлом Г. И. Гуркина постепенно утрачивалась, образ «врага народа» по-прежнему продолжал создавать негативный ореол вокруг имени художника. В своих высказываниях партийцы Горно-Алтайского Областного комитета партии сохраняли по отношению к художнику такие оценки, как «националист», «изгнанник», «контрреволюционер» и даже «предатель интересов своего народа». Зачастую имя Григория Ивановича «произносилось вполголоса», «с оглядкой» (Кудинов, 1997: 60). Газета «Звезда Алтая» в 1969 г. с позиций «классового подхода» обвиняла Гуркина в том, что он «выступил против союза с российским пролетариатом... и после возвращения из эмиграции на Родину продолжал высказывать недовольство Советской властью, поддерживал связь со своими прежними единомышленниками...» (Гуркин, 2019: 144). Согласно воспоминаниям алтайского композитора В. Ф. Хохолкова, кинорежиссёру и писателю В. М. Шукшину в 1971 г. по идеологическим соображениям была запрещена экранизация рассказа И. А. Ефремова «Озеро горных духов»¹.

Тем не менее, в различных периодических изданиях имя художника все же встречалось. Так, уже в 1958 г. в журнале «Сибирские огни» (№ 4) отмечалось, что Григорий Иванович был «алтайским талантливым живописцем-самоучкой»². Кроме того, уже с 1961 г. имя художника появляется на страницах небольших рассказов писателя И.П. Кудинова («Белая ночь», «Украденный этюд», «Ручеек»).

Журналы и газеты все-таки подвергались значительной цензуре. Это можно заметить и по тому, как имя Г.И. Гуркина «скрывалось» в текстах публикаций, нарочито писалось с ошибками или вообще заменялось на другое. Интерес представляет, например, статья искусствоведа Л.И. Снитко «Певец Сибири»³. Необычным оказался в первую очередь заголовок, поскольку в нем не было имени. Автор статьи описала биографию художника и дала подробный анализ его картин. Вместе с тем, судьба Г. И. Гуркина после 1917 г. и уж тем более политическая деятельность художника не были подробно описаны. Л. И. Снитко лишь отметила, что данный период жизни для Григория Ивановича оказался «нелегким». Сведения о репрессировании также не фигурировали в тексте статьи, они представлены лишь в качестве небольшой сноски.

Образ Г. И. Гуркина как политика частично раскрывался и в научных трудах Г. А. Образцова, С. А. Стрельцова, В. И. Эдокова. В работе В. И. Эдокова он был представлен как «страстный патриот родного Алтая», а деятельность художника была направлена на «пользу алтайского народа». Автор в какой-то степени пытался оправдать Гуркина, поскольку отмечал, что «он с головой ушел в несвойственные его характеру и убеждениям политические дела на Алтае», «находился под давлением контрреволюционных элементов» (Эдоков, 1994).

Стоит отметить, что в научных трудах также встречалась негативная оценка политической деятельности художника. Так, в историографической заметке В. А. Демидова было подчеркнуто, что Г. И. Гуркин – «алтайский националист, который пытался бороться с советской властью»⁴. Стоит отметить, что оценки этого автора во многом не совпадали со взглядами местной интеллигенции. В 1969 г. было опубликовано стихотворение Ю.П. Гордиенко «Чорос Гуркин» с такими строками: «художник, когда он обратно вернулся, встречали его не парадно», «но слава его не стихала, была неподдельной она». Интерес вызывает и то, что Г.И. Чорос-Гуркин ассоциировался у автора с Чингис-

¹ Муравинская, Л. (2009) Василий Шукшин: страницы жизни, *Сибирские огни*, 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://sibogni.ru/content/vasiliy-shukshin-stranicy-zhizni?ysclid=lferrsgzmx150615737> (дата обращения: 26.03.2023).

² Талантливый горноалтайский художник (1958), *Сибирские огни*, 4, сс. 182–183. [Электронный ресурс]. URL: <https://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1958/4/186/> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Снитко, Л. (1967) Певец Сибири, *Сибирские огни*, 10, сс. 159–164. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1967/010/161/#zoom=z> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴ Демидов, В. (1973) Октябрь и национальный вопрос в Сибири, *Сибирские огни*, 1, сс. 153–159. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/sibogni/1973/001/156/#zoom=z> (дата обращения: 19.03.2023).

ханом («кочевник с лицом Чингисхана»), подчеркивалась его этническая принадлежность («алтаец»), а также его любовь к Алтаю («Алтаем дышал он и жил»)¹.

Продолжал свое творчество, посвященное Г. И. Гуркину, и И. П. Кудинов. Важным оказался его цикл романов, который был посвящен алтайской интеллигенции начала XX в. Так, постепенно образ Гуркина как художника трансформировался в образ Гуркина как политика. В романе «Окраина» (1980 г.) были описаны процессы зарождения алтайской интеллигенции, а образ Григория Ивановича был подробно выписан в романе «Переворот» (1990 г.). И. П. Кудинов с сожалением отмечал, что политическая деятельность Г. И. Чорос-Гуркина привела его к потере «божественного дара» (имеется в виду дар живописца). В целом образ художника был выражен через такие концепты, как «всесторонне одаренный человек», «один из первых алтайских интеллигентов». Важным в трудах И. П. Кудинова стала трансформация образа Гуркина от «врага народа» к Гуркину – «жертве большого террора».

Несмотря на то, что Гуркина как политика пытались предать забвению, окончательно это сделать не удалось. Наоборот, ему начинали сочувствовать, оправдывать его деятельность. И в конечном итоге стало пробуждаться и осознание того, что он был лидером, посвятившим себя благородным целям (согласно типологии Ю. Дженнигс, «лидер-герой»).

Эволюция образа Г.И. Чорос-Гуркина: от «гения места» до «основателя алтайской государственности» (с 1990 г. по н.в.)

Горно-Алтайская автономная область, входившая в Алтайский край, была преобразована в 1991 г. в Республику Алтай. В контексте утраты веры общества в советскую идеологию важным стал поиск новых стратегий и практик политики памяти и политики идентичности. Стоит отметить, что процесс «национально-культурного возрождения» охватил регионы Советского Союза уже во второй половине 1980-х гг. Исключением не стал и алтайский народ. В 1988 г. появился праздник – Эл-Ойын (праздник духовного единения народов). Также на консолидацию алтайцев повлияли вновь выросшая популярность бурханизма, восстановление традиционных родовых социальных форм – сеоков, а также воспоминания об идее алтайской государственности (апелляция к Алтайской Горной думе и Каракоруму). Происходило не только возрождение интереса к истории и к культуре региона, но и формирование и продвижение новых символов, в том числе «знаковых фигур». Именно поэтому обращение к образу Г.И. Чорос-Гуркина, как к «алтайцу, открывшему миру Алтай», становится особенно важным.

Уже в 1990 г. состоялась выставка картин в Горно-Алтайском областном краеведческом музее. Экспонирование работ пейзажиста сразу привлекло внимание к его творчеству. С «возвращением» образа Гуркина как художника возвращается и образ Гуркина как политического деятеля. Так, в 1991 г. прошла конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Григория Ивановича. Именно с этого момента начинается символическое осмысление образа Гуркина как политика. В данном контексте «знаковой» становится работа В. И. Эдокова «Возвращение мастера». В ней автор подчеркивал, что «кривое зеркало классового самосохранения ... настолько исказило истинную картину исторической действительности, что в ее отражении деяния Гуркина в революционные годы казались и впрямь ошибочными, противостественными» (Эдоков, 1994: 106). Наглядным примером изменения оценок послужила и статья историка С. Я. Пахаева (Пахаев, 1991: 128–132).

С начала 2000-х гг. можно говорить о том, что художник стал «знаковой фигурой», вокруг которой начала формироваться алтайская идентичность. С именем Григория Ивановича связана целая совокупность стратегий и практик, направленных на консолидацию общества.

Образ Г. И. Чорос-Гуркина ассоциируется с таким концептом, как «основатель алтайской государственности». При упоминании художника встречаются такие выражения, как «вдохновитель первых алтайских государственных образований» (Тадина, 2018: 294–297), «отец-основатель» и даже «демиург и покровитель» (Михайлов, 2008: 254–255). Данная идея закрепляется практикой использования имени «Чорос».

Кроме того, идея того, что Г. И. Чорос-Гуркин – «отец-основатель», была закреплена и в качестве одной из мемориальных практик. Так, летом 2006 г. в г. Горно-Алтайск был открыт памятник художнику. Во время открытия Гуркин был назван официальными лицами основателем алтайской государственности (Михайлов, 2016: 75). Таким образом, отношение политической власти к художнику изменилось в лучшую сторону, его фигура стала «знаковой» для всего общества.

¹ Гордиенко, Ю. (1969) Чорос Гуркин, *Сибирские огни*, 9, сс. 109–110. [Электронный ресурс]. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flp236/periodika/sibogni/1969/009/110/> (дата обращения: 19.03.2023).

Образ Григория Ивановича ассоциируется теперь и с концептом «золотого века». Идея получения суверенного статуса и создание собственной республики напрямую коррелируют с идеями восстановления Ойротского ханства, пришествия Ойрот-хана. Сам Г. И. Чорос-Гуркин искренне считал, что легендарные традиции напрямую апеллировали к тому прошлому, в котором данная «этнополитическая автономия достигла своего расцвета» (Самушкина, 2018: 265).

С именем художника связывается и образ «национального лидера». Формирование образа данного типа находит свое выражение через концепты: «национальное достояние» (Еркинова, 2000: 9–10), «Гуркин высшим долгом считал служение на благо народу», «возрождение национального самосознания» (Самушкина, 2018: 265–267).

С образом Г. И. Гуркина связан и такой концепт, как «коллективная травма», «трагическое прошлое». Активное участие в деятельности национального движения, борьба за права алтайцев, а затем последующая гибель художника послужили факторами формирования некоей коллективной травмы, осознания той несправедливости, которая была допущена по отношению к национальному герою. Кроме того, возникало чувство утраченных возможностей. Важно отметить то, что имя Г. И. Гуркина всегда упоминается в День памяти жертв политических репрессий, 11 октября.

К этому необходимо добавить, что имя художника ассоциируется и со статусом «genius loci» («гений места»). Г. И. Чорос-Гуркин олицетворяет собой прекрасный Алтай, а музей-усадебный комплекс художника в селе Анос стала своеобразным «местом памяти» о нем. Именно здесь обсуждались вопросы политического, экономического и культурного устройства будущей автономии Горного Алтая – прообраза Республики Алтай.

Наконец, можно говорить о том, что образ Г. И. Чорос-Гуркина выступил как некий катализатор при формировании этнической и территориальной идентичности. Проведенный в 2018 г. конкурс по присвоению аэропортам России имен выдающихся деятелей государства затронул и Горный Алтай. Главными претендентами от данного региона стали Н. К. Рерих и Г. И. Гуркин. В обществе появились протесты против кандидатуры Н. К. Рериха, которую поддерживали многие «не местные». В то же время Г. И. Гуркина стали поддерживать люди разных политических, религиозных взглядов, называвшие его «великим сыном Алтая», «патриотом родины» и т.д. В результате конкурс был закрыт, чтобы избежать поляризации общественных настроений в регионе.

Итак, спустя долгий период почти полного забвения художник и политик с трагической судьбой стал восприниматься не только как национальный герой, но и как лидер, чей образ влияет на этническую и территориальную идентичность. Такая идентичность, кстати, была подкреплена символами, которые были сформированы именно в период активной политической деятельности Г. И. Чорос-Гуркина. Лозунг «Дьер – Су – Хан Алтай» и печать Алтайской Горной думы не остались забытыми, они до сих пор являются популярными среди местного населения. Таким образом, «поход интеллигента во власть» все-таки оставил очень важный след в развитии региона. В последнее время с помощью инструментов политики памяти и политики идентичности образ Г.И. Чорос-Гуркина был не только возрожден, но и приобрел новое качество, став одним из ключевых символов в Республике Алтай.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

Список литературы / References

- Гордиенко, П. Я. (1994) *Ойротия*. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек». [Gordienko, P. Ya. (1994) *Oirotia* [Ojrotiya]. Gorno-Altajsk: Ak-Chechek. (In Russ.)].
- Данилин, А. Г. (1993) *Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения*. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек». [Danilin, A. G. (1993) *Burkhanism. From the history of the National Liberation movement* [Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya]. Gorno-Altajsk: «Ak-Chechek». (In Russ.)].
- Демидов, В. А. (1990) *Народы Сибири: на путях интернационализма*, Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. [Demidov, V. A. (1990) *The Peoples of Siberia: on the path of internationalism* [Narody` Sibiri: na putyakh internacionalizma]. Novosibirsk: Izdvo Novosib. un-ta. (In Russ.)].
- Еркинова, Р. М. (2000) «Я сын Алтая: основные вехи жизни Г. И. Чорос-Гуркина (фактическая канва)», *Наука, культура, образование*, 6/7, сс. 9–10. [Erkinova, R. M. (2000) 'I am the son of Altai: the main milestones of G.I. Choros-Gurkin's life (the actual outline)' [Ya sy'n Altaya: osnovny`e vehi zhizni G.I. Choros-Gurkina (fakticheskaya kanva)], *Nauka, kul'tura, obrazovanie*, 6/7, pp. 9–10. (In Russ.)].

- Ефремов, И. А. (1944) *Озеро Горных духов*, Москва: Молодая гвардия. [Efremov, I. A. (1944) *Lake of Mountain Spirits* [Ozero Gornyx dukhov]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)].
- Кудинов, И. П. (1997) 'Каракорум', *Барнаул*, 1/2, сс. 7–62. [Kudinov, I. P. (1997) 'Karakorum' [Karakorum], *Barnaul*, 1/2, pp. 7–62. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2008) 'Образ Г.И. Гуркина как элемент национального самосознания алтайцев', *Общество и этнополитика*, сс. 251–258. [Mikhailov, D. A. (2008) 'The image of G.I. Gurkin as an element of the national consciousness of the Altaians' [Obraz G.I. Gurkina kak e`lement nacional`nogo samosoznaniya altajcev], *Obshhestvo i e`tnopolitika*, pp. 251–258. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2015) 'Сибирское областничество и зарождение алтайского национализма', *Этнографическое обозрение*, 6, сс. 68–85. [Mikhailov, D. A. (2015) 'Siberian regionalism and the origin of Altai nationalism' [Sibirskoe oblastnichestvo i zarozhdenie altajskogo nacionalizma], *E`tnograficheskoe obozrenie*, 6, pp. 68–85. (In Russ.)].
- Михайлов, Д. А. (2016) 'Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов', *Антропологический форум*, 31, сс. 63–85. [Mikhailov, D. A. (2016) 'The ideologeme of revival and the construction of Altaic nationalisms' [Ideologema vozrozhdeniya i konstruirovaniye altaiskikh natsionalizmov], *Antropologicheskij forum*, 31, pp. 63–85. (In Russ.)].
- Муканова, Т. (2020) 'Художник Григорий Чорос-Гуркин', *Простор*, 12, сс. 168–182. [Mukanova, T. (2020) 'Artist Grigory Choros-Gurkin' [Khudozhnik Grigorii Choros-Gurkin], *Prostor*, 12, pp. 168–182. (In Russ.)].
- Пахаев, С. Я. (1993) *Штрихи к политической биографии Г.И. Чорос-Гуркина*. Горно-Алтайск-Анос. [Pakhaev, S. Ya. (1993) *Strokes to the political biography of G.I. Choros-Gurkin* [Shtrihi k politicheskoy biografii G.I. Choros-Gurkina]. Gorno-Altajsk-Anos. (In Russ.)].
- Самушкина, Е. В. (2018) 'Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917–1918 гг.)', *Грамота*, 12 (98), сс. 263–267. [Samushkina, E. V. (2018) 'The ethnonational elite of the Altai Mountains: the problem of forming the historical memory of the aboriginal community (1917–1918)' [E`tnonacional`naya e`lita Gornogo Altaya: problema formirovaniya istoricheskoy pamyati aborigennogo soobshhestva], *Gramota*, 12 (98), pp. 263–267. (In Russ.)].
- Самыкова, И. В. (2018) 'Художник и революция (общественно-политическая деятельность Г. И. Чорос-Гуркина)', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*, 2, сс. 159–164. [Samyкова, I. V. (2018) 'The Artist and the Revolution (socio-political activity of G. I. Choros-Gurkin)' [Khudozhnik i revolyutsiya (obshhestvenno-politicheskaya deyatelnost` G. I. Choros-Gurkina)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodny`e otnosheniya*, 2, pp. 159–164. (In Russ.)].
- Тадина, Н. А. (2018) 'Памятник Чорос-Гуркину как символ потестарной идеи «Ойрот»', *Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье*, 13, сс. 294–297. [Tadina, N. A. (2018) 'Monument to Choros-Gurkin as a symbol of the potestar idea «Oirot»' [Pamyatnik Choros-Gurkinu kak simvol potestarnoj idei «Ojrot»], *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e*, 13, pp. 294–297. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2012) *Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность*. Москва: Новый Хронограф. [Fadeeva, L. A. (2012) *Who are we? The Intelligentsia in the struggle for identity* [Kto my? Intelligenciya v bor'be za identichnost']. Moscow: Novy`j Khronograf. (In Russ.)].
- Чернышов, Ю. Г. (1988) 'Интеллигенция и власть: одна из «вечных» тем истории', *Дневник Алтайской школы политических исследований*, 5, сс. 3–19. [Chernyshov, Yu. G. (1988) 'Intelligentsia and Power: One of the "eternal" themes of history' [Intelligentsiya i vlast': odna iz «vechnykh» tem istorii], *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, pp. 3–19. (In Russ.)].
- Шастина, Т. П. (2015) 'Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника – к genius loci в литературе XX в. Статья II', *Мир науки, культуры, образования*, 5 (55), сс. 377–380. [Shastina, T. P. (2015) 'G. I. Choros-Gurkin: from an image of a contemporary to genius loci in literature of XX century. The article II' [G. I. Choros-Gurkin: ot obraza sovremennika – k genius loci v literature XX veka. Stat'ya II], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 5(55), pp. 377–380. (In Russ.)].

- Шастина, Т. П. (ред.) (2019) *Г. И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место: антология*. Горно-Алтайск: Алтын-Туу. [Shastina, T. P. (eds.) (2019) *G. I. Gurkin and the Altai Mountains – genius and place: anthology* [G. I. Gurkin i Gornyi Altai – genii i mesto: antologiya]. Gorno-Altaysk: Altyn-Tuu. (In Russ.)].
- Шерстова, Л. И. (2020) 'Предпосылки и факторы формирования Алтайской (Ойротской) государственности', *Г. И. Чорос-Гуркин и современность*, сс. 114–121. [Sherstova, L. I. (2020) 'Prerequisites and factors of formation of Altai (Oiroth) statehood' [Predposylki i faktory formirovaniya Altajskoj (Ojrotskoj) gosudarstvennosti], *G. I. Choros-Gurkin i sovremennost'*, pp. 114–121. (In Russ.)].
- Эдоков, В. И. (1984) *Мастер из Аноса*. Барнаул: Алт. кн. изд-во. [Edokov, V. I. (1984) *The Master from Anos* [Master iz Anosa]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. (In Russ.)].
- Эдоков, В. И. (1994) *Возвращение мастера*. Горно-Алтайск: Чаптыган. [Edokov, V. I. (1994) *The Return of the Master* [Vozvrashchenie мастера]. Gorno-Altajsk: Chaptý' gan. (In Russ.)].
- Balzer, M. M. (2015) 'Art, Identity and Ethnicity: Republics of Kalmykia, Buryatia, Altai, and Sakha (Yakutia)', *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 3, pp. 2–5.
- Chernyshov, Yu. G., Derendyaeva, A. D., Isakova, S. N., Ulyanov, P. V. (2023) 'Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai', *Bylye Gody*, 18(1), pp. 64–75. DOI: 10.13187/bg.2023.1.64.
- Rozwadowski, A. (2021) 'Being in Cosmos: Sergei Dykov's Visual Exploration of the Spirit of Altai', *Religions*, 6, p. 405.
- Toraman, A. (2018) 'Altay Türklerinin İlk Sanat Okulu Ve Çoros-Gurkin', *Uluslararası Türk Kültür Coğrafyasında Sosyal Bilimler Dergisi*, 1, pp. 121–128.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023

Статья принята к печати: 15.04.2023

ARTIST IN POLITICS: THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF G. I. CHOROS-GURKIN AS A PUBLIC AND POLITICAL FIGURE

Yu. G. Chernyshov, A. D. Derendyaeva

Yu. G. Chernyshov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Altai State University.

E-mail: ashpi@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-0516-7486. Researcher ID: I-1137-2015).

A. D. Derendyaeva, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of General History and International Relations, Altai State University.

E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru (ORCID: 0009-0005-4621-8974).

Abstract

The article considers one of the clearest examples of the "intellectual's going to power" situation on the example of the fate of the famous Altai artist G.I. Choros-Gurkin. The purpose of the study is to identify the characteristic features of the complex evolution of the image of G.I. Choros-Gurkin as a public and political figure. Regulatory and legal documents, materials of archival funds, publications in mass media, etc. are used as sources. The image of G.I. Choros-Gurkin transforms significantly: from a talented artist, a student of I.I. Shishkin, to a leader of the national movement and a chairman of the Altai Mountain Duma (1918), and then into an "enemy of the people" and a "traitor". For a long time, even after his political rehabilitation (1956), his name was omitted. However, since the late 1980s, his image as a politician has been rapidly reviving. Now he is not only the "national hero" and "genius loci", but also the "founder of the Altai statehood". The article shows that by now the image of G.I. Choros-Gurkin is used in the memory politics as a key figure that contributes to the formation of ethnic and territorial identity in the Altai Republic.

Keywords: political leadership; national movement; national hero; intelligentsia; regional leader; politics of memory; identity; genius of place; Gornyi Altai; G.I. Choros-Gurkin.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00822.

Международные отношения

УДК: 327

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-91-100

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ: ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Н. А. Жерлицына

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН (ИАФР РАН), Москва.

Е-майл: ns_inafr@mail.ru (ORCID: 0000-0001-8647-9419).

Аннотация

Дан анализ политики интеграции мигрантов в странах Южной Европы – Испании и Португалии. На фоне продолжающегося миграционного кризиса эти государства сталкиваются с трудностями в интеграции новых групп в общество и повседневную жизнь. Учитывая, что Испания и Португалия стали странами иммиграции почти одновременно с вступлением в Европейский союз, именно эта структура приобрела ключевую роль в определении политики союза в отношении миграции в целом и интеграции мигрантов в частности. Несмотря на наличие руководящего центра в Брюсселе и единых стандартов, каждая из стран ЕС воплощает их в соответствии со своими национальными особенностями. Практические результаты интеграции иммигрантов в Испании и Португалии заметно разнятся. С началом миграционного кризиса в Европе в 2015 г. Испания прибегла к стратегиям интеграции, основанным на санкциях, которые можно расценивать как ограничительные и регрессивные. Опыт Португалии, как наиболее успешной страны в плане передовых практик интеграции, указывает на то, что будущее интеграции – за поликультурными стратегиями, в отходе от пресловутого мультикультурализма и ассимиляционизма.

Ключевые слова: ЕС; Испания; Португалия; миграция; интеграция иммигрантов; права иммигрантов; поликультурные стратегии; социальная интеграция.

В условиях миграционного кризиса последнего десятилетия Европе принадлежит особое место, ведь именно туда направляется основной поток мигрантов со всего мира. В европейских странах сосредоточено более 17% всех беженцев (FRONTEX, 2018). Наиболее остро проблема миграции стоит в странах Южной Европы, расположенных на географической границе континента (Грифа, 2019: 51). Так, в 2018 г. Испания занимала второе место среди стран Европы по приему наибольшего числа иностранцев: в страну въехало на 6,2% больше иммигрантов, чем в 2017 г. Обеспокоенность общественности по поводу иммиграции растет во всех европейских странах. В 2019 г. 60% граждан ЕС оценили проблему иммиграции как более важную, чем терроризм, пенсии, налогообложение, образование, глобальное потепление, общественный транспорт, оборона и иностранные дела (Passerini, Proglia, Trakilovic, 2020: 18). Перед лицом растущего этнического, культурного и национального разнообразия государства сталкиваются с трудностями в интеграции новых групп в общество и повседневную жизнь.

Международная миграция, рассматриваемая как политический феномен, – это процесс трансграничного перемещения граждан с целью проникновения в инородные социальные организмы. Так как далеко не всегда иммигранты намерены интегрироваться в новую среду обитания, то это явление может рассматриваться властями принимающей страны как этническая и культурно-конфессиональная экспансия, чреватая проблемами и конфликтами. В данном исследовании разделяется подход современной науки к миграции как к процессу, который является одновременно национально специфичным и имеет черты, общие для нескольких стран, подход, разработанный учеными в ходе сравнительных исследований. Как правило, такие исследования посвящены географически близким странам, которые являются частью одной и той же политической системы. В нашем слу-

чае это Европейский союз и страны Южной Европы – Испания и Португалия. Географическая, политическая и социальная близость стран позволяет концептуализировать существование определенных миграционных моделей.

Существует целый ряд моделей интеграции, от менее до более инклюзивных, для различных иностранных групп, которые могут одновременно реализовываться в пределах одного государства. В странах ЕС параллельно существуют две основные стратегии интеграции: первая нацелена на неевропейских граждан, носит ассимиляционистский характер и основана на принципах вмешательства, в соответствии с которыми правительство активно стремится к интеграции мигрантов. Вторая предназначена для граждан ЕС и представляет собой стратегию невмешательства, при которой иностранцы пользуются правами и проживают в принимающей стране без какого-либо участия государственных или местных властей, стремящихся к их интеграции.

Постановка научной проблемы сопоставления общей теоретической европейской стратегии управления интеграцией мигрантов и практических национальных моделей ее имплементации представляется важной задачей. Для ее решения автор использовал методы из арсенала политических, исторических и социологических наук: системный подход, структурно-функциональный анализ, конфликтологический и компаративистский подходы. Неофункционализм позволяет объяснить, что образование таких надгосударственных структур с политическими функциями, как ЕС, является закономерным, так как государства-нации не в состоянии удовлетворить некоторые запросы, имеющие трансграничный характер. Теория транснационализма, сформулированная Р. Кеохейном и Д. Наем, полезна при изучении современных последствий глобальных миграций. Неолиберальные теории иммиграционной политики, например, концепция «встроенного либерализма» Д. Рагги, подтверждают, что доминирование международных режимов в области прав человека создает предпосылку дальнейшей эрозии функций демократических государств в управлении иммиграцией.

В основу исследования легли следующие документы: планы интеграции мигрантов и договоры ЕС по этому вопросу, Стратегические планы по гражданству и интеграции Испании (PESI I и II), материалы и статистика по миграции FRONTEX, MIPEX, Высшей комиссии по миграции Португалии (ACM). Для достижения заявленной цели автор прибег к системному и институциональному методам, а также к политическому анализу.

ЕС как руководящий центр интеграции мигрантов

Для стран Южной Европы иммиграция – явление недавнее, до 1990-х гг. эти страны были в основном странами эмиграции. Толчком для изменения ситуации стало вступление Испании и Португалии в Европейский союз в 1986 г. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. под идеологическим руководством ЕС страны Южной Европы приняли ряд новых законов, которые должны были регулировать растущее иностранное население. Так, в Испании первый закон об иммиграции 1985 г. «почти полностью является результатом внешнего давления, связанного со вступлением Испании в Европейский союз первого января 1986 г.» (Domingo, Pinyol-Jiménez, Zapata-Barrero, 2020: 137). Когда в начале 2000-х гг. страны Южной Европы начали испытывать проблемы из-за растущих потоков иммиграции, стало ясно, что стратегии интеграции, реализуемые десятилетиями в Германии, Франции и Нидерландах, были не самыми успешными. Для Испании и Португалии было бы нерационально внедрять эти модели в то время, когда от них отказывались те самые страны, которые в них уже разочаровались. Во всяком случае, «старые» европейские страны служили плохими примерами, которые никто не хотел повторять. Более богатыми источниками вдохновения стали инструменты интеграции иммигрантов, разработанные ЕС (Тимакова, 2022: 32). Как страны, которые многое выиграли от своего членства в ЕС, Испания и Португалия были более проевропейски настроены, чем их соседи, и с большей готовностью следовали рекомендациям Брюсселя. Европейский союз укрепил ключевую роль в управлении миграцией и начал накапливать то, что можно было бы назвать «мягкими компетенциями» в области интеграции.

Принятие Общих базовых принципов в 2004 г. и Общей программы интеграции иммигрантов в 2005 г. ознаменовало первый важный поворотный момент взаимодействия на уровне ЕС. В этих документах интеграция иммигрантов была сформулирована как «динамичный двусторонний процесс» взаимного приспособления иммигрантов и принимающих их обществ, и пропагандировался «целостный подход к интеграции иммигрантов», в котором интеграция признается сквозной проблемой, управление которой требует инициатив во многих областях политики (Common Agenda for Integration; Common Basic Principles, 2004). Это настоящий прорыв по сравнению с прошлым, когда

иммиграция и особенно интеграция, были полностью компетенцией государств-членов. Руководство по интеграции для политиков и практиков, впервые опубликованное в 2004 г., а затем в двух изданиях (2007, 2011), было первой попыткой собрать и распространить местную и национальную «передовую практику» среди государств-членов. Той же цели служил Европейский веб-сайт по интеграции, который в течение трех лет (2009–2011) использовался в качестве платформы для обмена более чем «500 передовыми практиками, 1 500 новостями, 2 500 ссылками и 3 000 документами». Четким шагом к большей приверженности единым правилам стала ст. 79(4) Лиссабонского договора 2007 г., которая впервые наделила ЕС полномочиями «устанавливать меры для обеспечения стимулов и поддержки действий государств-членов с целью содействия интеграции граждан третьих стран, законно проживающих в их территории» (Treaty of Lisbon, 2007). Также в 2007 г. был создан Европейский фонд интеграции граждан третьих стран для управления и финансовой поддержки интеграционных программ во всех государствах-членах. Стокгольмская программа 2009 г. подчеркнула поддержку ЕС дальнейшему укреплению обмена передовым опытом в области интеграции между государствами-членами. Стратегия «Европа 2020», ратифицированная в марте 2010 г., определила интеграцию в экономических терминах и установила связь интеграции с занятостью и заработками мигрантов. Стокгольмская программа (2010–2014) и Сарагосская декларация ЕС об интеграции (2010) утвердили разработку набора общих показателей интеграции мигрантов по показателям в сферах занятости, образования, социальной интеграции (A Common immigration policy, 2010; The Stockholm Program, 2010).

Особенности интеграции мигрантов в Испании

В XXI в. Испания является одной из стран, принявших наибольшее количество иммигрантов из-за рубежа, уступая по этому показателю только США. Мигранты составляли в Испании в 2021 г. около 15% населения, самые крупные диаспоры – марокканцы и румыны (Parreño-Castellano, Moreno-Medina, Domínguez-Mujica, Santana Rivero, 2021: 80). Испанский подход к интеграции родился в специфическом и сложном контексте: Испания – страна со своим собственным культурным и региональным разнообразием, частью которого теперь стала миграция. Испанию со времени возвращения к демократии после периода диктатуры Ф. Франко (1939–1975) характеризуют децентрализованная политическая система и крайне выраженные региональные идентичности. Каждый из 17 регионов имеет свой собственный законодательный орган, собственную бюрократию и относительно широкую свободу действий в рамках конституции. Сложность ситуации придает и то, что политика интеграции осуществляется в Испании на разных уровнях управления. В этом смысле страна стала лабораторией интеграции в сложных институциональных условиях.

Многоуровневое управление интеграцией влияет на распределение компетенций; здесь существуют различные подходы к политике интеграции. В то время как вопросы, касающиеся гражданства, иммиграции, иностранных граждан и права на убежище, являются исключительной прерогативой государства, политика интеграции (занятость, образование, жилье, здравоохранение, социальные услуги) в основном передана автономным сообществам, или с полной ответственностью за принятие законов и реализацию, или только для реализации. Почти все общины в последние годы внедрили свои собственные иммиграционные и интеграционные политики и планы. Более того, местные власти обладают компетенцией, которая определяет политику интеграции; на самом деле, есть несколько муниципалитетов, у которых есть свой собственный план местной интеграции или ряд текущих инициатив в этой области. НПО также играют определенную роль, предоставляя услуги или сотрудничая с различными администрациями.

Правовой основой миграции в Испании является Органический закон 4/2000 от 11 января 2000 г. о правах и свободах иностранных граждан в Испании и их социальной интеграции. Он регулирует права, обязанности и свободы иностранных граждан. Кроме того, этот закон регулирует режим санкций и координацию деятельности государственных органов, деятельность Инспекции труда, направленную на контроль условий труда и борьбу с нерегулярной занятостью и трудовой эксплуатацией, а также поддержку государственными органами ассоциаций иммигрантов. Правовая реформа, принятая в 2000 г., распространила на нелегальных мигрантов социальные льготы – здравоохранение и образование, а иногда и другие социальные права, такие как базовый доход для уязвимых семей. В 2012 г. правительство приняло законодательный декрет, вносящий поправки в закон, с тем чтобы медицинская карта была привязана к законному месту жительства и участию в программе социального обеспечения, тем самым ограничивая медицинское обслуживание нелегальных иммигран-

тов несовершеннолетними в возрасте до 18 лет, беременными женщинами или людьми в чрезвычайных ситуациях. Несколько региональных правительств, например, правительство Каталонии, пошли дальше и в 2018 г. утвердили новый указ 7/2018 от 27 июля о всеобщем доступе к национальной системе здравоохранения, восстанавливающий всеобщий доступ к медицинским услугам (Marano, 2020).

Права иммигрантов на рынке труда Испании широки и сравнимы с правами местных работников, но обусловлены сохранением их правового статуса работников, поскольку только в качестве законно трудоустроенных работников они могут получить вид на жительство. В Испании, как и во всех других странах ЕС, существуют два основных режима: один – для работников из ЕС и другой – для работников из стран, не входящих в ЕС. В Испании иностранцы из стран, не являющихся членами ЕС, могут получить доступ к внутреннему рынку труда либо через общую систему, основанную на личном заявлении будущего работодателя, либо через систему квот. В области иммиграции Испания является родиной этнического фаворитизма, который выражается в уступках дополнительных прав иммигрантам из испаноязычных католических стран и бывших колоний. Льготы также распространяются на потомков евреев-сефардов, которые были изгнаны из империи католическими королями в 1492 г. (Domingo, 2018: 20)

Для решения проблемы отсутствия политических прав у иммигрантов, не входящих в ЕС, в Испании были созданы альтернативные структуры, которые призваны обеспечить участие иностранцев в процессе принятия решений. Такие учреждения, так называемые консультативные органы, служат также каналом для выражения мнения иммигрантов и этнических меньшинств как своего рода первый шаг к возможному полноправному участию, как символический жест для поощрения расовой гармонии и борьбы с дискриминацией или как вспомогательный механизм, позволяющий избежать отчуждения. Мадридский форум по диалогу и совместному проживанию (Foro Madrid para el Diálogo u Convivencia) был создан в 2006 г. Форум имеет очень сложную структуру как с вертикальными, так и с горизонтальными связями. Его отделения охватывают двадцать один район Мадрида, обеспечивая контакты между районом, городом, автономным сообществом и регионом (Cebolla-Boado, Pinyol-Jiménez, 2019: 131). Благодаря своей особой структуре сеть может эффективно распространять информацию между этими уровнями и при необходимости напрямую обращаться за консультацией к любому из административных органов.

Испания входит в число государств, которые, имея значительный уровень иммиграции, дольше всех сохраняли программы добровольной интеграции, вплоть до 2015 г., когда были введены обязательные требования к гражданству. Обязательные и добровольные тесты на гражданство отличаются друг от друга по форме: первые состоят из тестов по языку и гражданской культуре и подписания интеграционных контрактов; вторые ограничены языковыми курсами, возможностями обучения и информационными семинарами. Они также различаются с точки зрения санкций. Неучастие или неспособность подписать или выполнить интеграционный контракт или тест влечет за собой автоматические санкции, которые угрожают правовому статусу иммигрантов в стране или приводят непосредственно к высылке, как это происходит в Италии. Из-за этого обязательная интеграция действует как иммиграционный фильтр. Образованным, высококвалифицированным и финансово обеспеченным иммигрантам легче соответствовать этим требованиям. Иммигранты, которые менее образованны, менее квалифицированы и находятся в худшем финансовом положении, испытывают больше трудностей при прохождении тестов и могут лишиться своего законного статуса проживания, если они их не пройдут. Важно отметить, что тест требуется только для лиц, которые подают заявление на получение гражданства, для чего необходимо знание испанского языка на уровне A2, что выгодно иммигрантам из Латинской Америки, которые являются носителями языка, и не выгодно мигрантам из других стран, включая граждан ЕС, и дополнительного теста на гражданскую культуру. Те, кто стремится к натурализации путем вступления в брак, освобождаются от этого требования. Тест на гражданство был разработан Институтом Сервантеса, общественной организацией испанского государства, которая продвигает испанский язык и культуру за рубежом.

Стратегии интеграции, подразумевающие применение санкций, являются ограничительными и регрессивными, поскольку они переходят от основанной на правах модели интеграции, которая лежала в основе политики ЕС в области интеграции на протяжении последних десятилетий, к модели получения и «заслуживания» прав. Иммигранты должны доказать, пройдя тесты, выполнив интеграционные контракты, что они – достойные получатели прав и благ. В ответ на критику, испанское государство декларирует, что их цель состоит не в том, чтобы навязать иммигрантам культурную идентичность, а скорее в том, чтобы избавить их от зависимости от социального обеспечения, сделав экономически самостоятельными. Курсы по изучению языка и гражданской культуры помогают мигран-

там приобрести навыки для лучшей работы на рынке труда, что освобождает государство от выплаты социальных пособий. Цели интеграции, с точки зрения испанского государства, состоят в «преодолении иммигрантами статуса лица, которому оказывается помощь, и стигматизации, которая приводит к бедности, маргинализации и исключению» (РЕСИ II, 2011: 79).

Общенациональную испанскую политику в отношении миграции определяли последовательно принимаемые программы: План социальной интеграции иммигрантов (1994 – 2000); Программа по регулированию и координации дел иностранных резидентов и иммиграции (2001–2004); Стратегический план по гражданству и интеграции – РЕСИ (2007–2010); Стратегический план по гражданству и интеграции II – РЕСИ II (2010–2014) Начиная с 2014 г., планы по интеграции были приостановлены. Центральное правительство продолжает финансировать программы, предназначенные для интеграции иммигрантов, но оно делает это через специальные программы, предназначенные для НПО. В 2005 г. был также создан Фонд содействия интеграции мигрантов, его целью стала поддержка региональных программ.

Для обслуживания и помощи иммигрантам в некоторых регионах Испании, в частности в Мадриде и Барселоне, созданы специализированные центры – Центры социального обеспечения мигрантов (CASIS). Они обеспечивают базовые социальные услуги для лиц, наиболее подверженных социальным рискам. В дополнение к ним создана сеть под названием Центры участия и интеграции сообщества Мадрида (СЕПИ). Они предлагают широкий спектр услуг, от юридических консультаций и психологической помощи до доступа к библиотеке центра, обучения детей от возраста детского сада до школьного возраста и др. В 2011 г. таких центров в Мадриде было девятнадцать. Из них тринадцать были предназначены мигрантам из стран Латинской Америки, два – румынам и по одному – африканцам, марокканцам, болгарам и украинцам. Четыре центра, ориентированные более чем на одну национальную группу, организованы по региональному признаку – для выходцев из Центральной Америки, Южной Америки и Африки (Zapata-Barbero, 2017: 249).

Наиболее продвинутым регионом Испании в плане интеграции мигрантов является Каталония, там разработаны передовые инструменты помощи беженцам. Первым шагом к интеграции является регистрация в муниципальном реестре Падрон (El Padrón), которую можно сделать независимо от юридического или жилищного статуса. Регистрация в Падрон – это единственное предварительное условие для доступа к социальным услугам, включая образование, здравоохранение и языковые курсы. Регистрация требуется для всех, кто проживает в муниципалитете более трех месяцев, предоставляя подтверждение места жительства как мигрантам, так и коренным жителям. Люди, не имеющие жилья, также могут зарегистрироваться, даже мигранты без временного или постоянного адреса могут получать социальные услуги. Реестру относительно хорошо доверяют и им пользуются как испанцы, так и неграждане; власти не используют его для иммиграционного контроля, в отличие от аналогичных программ в других странах. Падрон – одна из немногих национальных стратегий, которая направлена как на иммиграцию, так и на интеграцию. Падрон также полезен нелегальным мигрантам, желающим получить вид на жительство через Arraigo social, систему, которая предоставляет легальный статус мигрантам, прожившим в Испании не менее трех лет (Garcés-Mascareñas, Gebhardt, 2020: 9).

Программа Наусика (Nausica) помогает просителям убежища в Каталонии и тем, кому отказано в убежище (на долю которых пришлось более 71% заявлений, рассмотренных в Испании в 2021 г.). Программа фокусируется на трех областях: основные потребности, такие как временное проживание, питание, транспорт и одежда; социальная поддержка, например, общественная деятельность, зачисление в школу, юридическая поддержка и психологическая помощь; помощь в трудоустройстве, включая проведение языковых тренингов и семинаров. В период с 2016 по 2020 гг. Наусика обслужила 275 человек (Garcés-Mascareñas, Gebhardt, 2020: 7). Несмотря на то, что ее результаты пока довольно скромны, они впечатляют: в 2020 г. 73% участников программы получили жилье, 52% были трудоустроены, а 63% продемонстрировали письменное владение испанским языком. Несмотря на то, что Наусика охватывает мало лиц, ищущих убежища, она успешна, потому что предоставляет «возможности интеграции для людей, которые в противном случае не смогли бы интегрироваться в общество».

Программа Барселона Актива (Barcelona Activa) – это поддержка поиска работы, даже если у соискателя нет законного разрешения на работу. Так, Барселона Актива, городское агентство экономического развития, предлагает всем жителям курсы каталонского и испанского языков и помощь в трудоустройстве, такую как просмотр резюме, пробные собеседования, списки вакансий и инкубаторы предпринимательства. Изначально сервис был разработан для увеличения занятости и продвиже-

ния ключевых местных секторов экономики, государственно-частного делового партнерства, территориального маркетинга и предпринимательства. Однако, как и Падрон, он также представляет значительную ценность для нелегальных мигрантов. В дополнение к обеспечению дохода, обеспечение занятости помогает мигрантам соответствовать основным требованиям для получения разрешения на временное проживание.

Начать знакомство с социальными службами конкретного населенного пункта Каталонии вновь прибывшим иммигрантам призвана помочь программа СОАПИ – Служба ориентации и сопровождения иммигрантов (SOAPI). Она предоставляет гипер-локализованную поддержку интеграции, включая рекомендации по жилью, медицинским услугам, регистрации в начальной школе, а также общественным мероприятиям и организациям.

Португалия как один из лидеров ЕС по интеграции мигрантов

Исторически Португалия была страной эмиграции до последнего десятилетия XX в., когда вступление в Европейский союз (1986) сделало ее более привлекательной в качестве пункта назначения. За прошедшие тридцать лет Португалия стала страной иммиграции, доля населения иностранного происхождения там в 2021 г. составляла 11,5% (Instituto Nacional de Estatística, 2021). До середины 1990-х гг. большинство иммигрантов прибывали из бывших португальских африканских колоний и в меньшей степени из Бразилии. В конце 1990-х и начале 2000-х гг. новая волна трудовой миграции пришла сначала из Восточной и Юго-Восточной Европы, за которой последовала более поздняя волна из Бразилии. В результате четырьмя основными национальностями иностранных резидентов в 2020 г. являются бразильцы (20%), жители Кабо-Верде (8%), украинцы (8%) и румыны (7%). Во время миграционного кризиса в Европе в 2015 – 2016 гг. число просьб о предоставлении убежища в Португалии утроилось. В трудные для ЕС времена Португалия из солидарности приняла 1 550 просителей убежища, прибывших транзитом из Италии и Греции в рамках программы переселения, и 142 сирийских гражданина в рамках схемы ЕС – Турция (Niemann A., Zaun, 2018: 14). Постоянный и устойчивый рост в Португалии числа иммигрантов в последние двадцать лет подталкивает законодатель страны регулярно приводить законы о иммиграции в соответствие с требованиями времени. Так, в августе 2022 г. был принят новый закон об иммиграции, заменивший закон 2007 г. Новый иммиграционный закон предусматривает, в частности, облегчение выдачи виз гражданам Сообщества португальскоязычных стран и отмену режима квот на иммиграцию.

Присутствие различных групп иммигрантов превратило португальское общество в более разнообразное и привело к необходимости озаботиться интеграцией этих разнородных групп. Иммиграция в Португалии представляет собой сложную и разнообразную реальность, отмеченную различными социально-демографическими тенденциями. Основные типы потоков иммигрантов можно кратко подразделить на сезонные, временные и долгосрочные. У каждого из этих типов иммигрантов разные ожидания от интеграции, и государство разработало целый спектр как общих, так и специализированных стратегий.

Все обращения иностранцев о предоставлении убежища поступают в Управление по вопросам убежища и беженцев (Gabinete Asilo e Refugiados), которое является частью Португальской иммиграционной и пограничной службы (Serviço de Estrangeiros e Fronteiras, SEF) при МВД страны. Если запрос считается приемлемым, лицо, ищущее убежища, получает разрешение на временное проживание, действительное в течение 6 месяцев, время, которое потребуется властям для принятия решения. SEF уведомляет Португальский совет по делам беженцев (Conselho Português para os Refugiados, CPR) обо всех новых поступающих заявлениях о предоставлении убежища. CPR – это неправительственная организация, представляющая УВКБ ООН в Португалии. Основная роль CPR заключается в предоставлении юридических консультаций лицам, ищущим убежища, на протяжении всей процедуры его предоставления. Кроме того, CPR размещает спонтанных просителей убежища в своем приемном центре и предоставляет им ежемесячное пособие на проживание. Он также предлагает поддержку на раннем этапе интеграции, такую как обучение португальскому языку, семинары по подготовке к португальскому рынку труда, а также художественные мастер-классы и культурные мероприятия.

Пока лица, ищущие убежища, ожидают решения по своему ходатайству, за их интеграцию отвечает главная португальская благотворительная организация – Святой дом милосердия в Лиссабоне (Santa Casa da Misericórdia de Lisboa, SCML), если они находятся в районе Лиссабона, или Институт социального обеспечения (ISS) в других регионах страны через свои местные офисы. SCML и ISS предоставляют просителям убежища ежемесячное пособие и перенаправляют их на необходимые ус-

луги, такие как здравоохранение, обучение или жилье. Программы приема финансируются Фондом ЕС по предоставлению убежища, миграции и интеграции. Принимающие организации получают единовременную выплату в размере 6 тыс. евро за каждого просителя убежища на весь срок действия программы (Goldberg, 2021: 19).

В Португалии все мигранты, независимо от категории миграции, пользуются рядом интеграционных услуг, предлагаемых Высшей комиссией по миграции (АСМ) (*Alto Comisionado para las Migraciones*, 2018). АСМ является государственным органом, координирующим принимающие организации, которыми в большинстве случаев являются муниципалитеты, фонды или НПО. Они отвечают за интеграцию просителя убежища по различным направлениям – жилье, здравоохранение, образование, занятость и язык. Эти услуги предлагаются по запросу через Национальные центры поддержки мигрантов (СНАИМ), которые функционируют в Лиссабоне, Порту и Фару (Marques, Vieira, Vieira, 2019: 193). Мигранты направляются в эти центры, чтобы встретиться, например, с представителями Министерства образования, Министерства здравоохранения, Иммиграционной и пограничной службы или Инспекции труда, в зависимости от их индивидуальных потребностей. АСМ разработала меры по интеграции в различных областях. Примером является программа изучения португальского языка (*Português para Todos*, РРТ), предлагаемая АСМ совместно с Португальским институтом занятости и профессиональной подготовки.

С 2016 г. было разработано несколько альтернатив для адаптации языкового обучения. АСМ запустил онлайн-версию РРТ. Веб-сайт доступен на английском, испанском и арабском языках. АСМ также выпустила проект под названием «Португальский для беженцев» в сотрудничестве с социальным предприятием по изучению португальского языка SPEAK. В 2016 г., после новой мощной волны иммиграции, АСМ внесла некоторые изменения в предложение услуг, чтобы адаптировать их к потребностям вновь прибывших. Например, АСМ адаптировала свою программу предпринимательства для беженцев, предложив курс на арабском языке. Чтобы преодолеть языковой барьер, АСМ также наняла переводчиков с арабского, фарси и тигринья в свою службу телефонного перевода. С целью облегчения взаимодействия между беженцами и работодателями в мае 2018 г. АСМ запустила «Refujobs», пилотную онлайн-платформу для поиска работы, ориентированную на беженцев, доступную на португальском, английском и арабском языках. На одной стороне платформы работодатели могут размещать объявления о вакансиях или обучении. С другой – беженцы и другие пользователи могут загружать свое резюме. Платформа призвана стать инструментом сопоставления навыков профилей пользователей с доступными вакансиями (Sacramento O., Silva, 2018: 11). Таким образом, Португалия является одной из немногих стран, имеющих централизованный орган, отвечающий за интеграцию иммигрантов. В основе его деятельности лежит понимание, что культурная самобытность иммигрантов должна уважаться, и интеграция может быть достигнута только в том случае, если иммигранты принимают язык, законы, моральные и культурные права португальской нации.

В качестве стратегического инструмента процесса интеграции и передовой практики по приему иммигрантов в Португалии широко используется поликультурное посредничество. Это новая стратегия социального вмешательства, способствующая общению и социальной сплоченности между различными группами и управлению – выявлению, предотвращению и разрешению – конфликтов, возникающих в мультикультурных контекстах. Профессиональные антропологи, социологи, социальные работники и социальные педагоги выступают в качестве посредников между социальными группами и государственными и частными институтами, опираясь на многоплановую герменевтику для реализации прав и интересов групп и субъектов, вовлеченных во взаимодействие.

Поликультурное посредничество делает акцент на повседневных контактах между отдельными людьми. Оно отходит от политики, направленной, главным образом, на группы меньшинств, и охватывает политику и практику микроуровня, которые направлены на расширение контактов между различными культурами и которые рассматривают отдельные группы как часть разнообразия. Этот проект основан на трех принципах: посредничества, поликультурности и общинного вмешательства. Его разработали городские советы в партнерстве с организациями гражданского общества, а именно ассоциациями иммигрантов. Основной целью проекта поликультурного посредничества в сфере государственных услуг является содействие социальной сплоченности, улучшению качества жизни и межкультурному общению граждан в муниципалитетах со значительным культурным разнообразием. Проект предусматривает создание муниципальных групп поликультурного посредничества (ЕММИ), базирующихся в муниципалитетах, которые содействуют вмешательству. Эти команды решают возникающие проблемы в разных областях: образовании, доступе к жилью, укреплению общин (Grillo, 2017: 28).

Заключение

Таким образом, сопоставив положения общей европейской стратегии управления интеграцией мигрантов и практические национальные модели ее имплементации, можно сделать вывод, что фактические результаты зависят от многих факторов: исторического опыта страны по отношению к миграции, политической консолидации, экономического благополучия, зависимости от иностранной рабочей силы и так далее. Несмотря на то, что страны Южной Европы строят свою политику интеграции мигрантов по стандартам и под руководством ЕС, практические результаты заметно различаются. Это отмечается и в самом ЕС. В соответствии с разработанной там специальной методикой оценки политики интеграции «Индексом интеграции мигрантов MIPEX» Португалия занимала в 2019 г. одно из лидирующих мест в Европе с показателем 81 (Migrant Integration Policy Index, 2020). Для Испании этот индекс составил 60. Преимущество Португалии объясняется наличием общенациональной политики интеграции мигрантов и единого государственного органа руководства этим процессом – АСМ. Тогда как политика интеграции в Испании не является общенациональной и разрабатывается в отдельно взятых регионах, среди которых есть явные лидеры и аутсайдеры. Отсутствие общенациональной программы интеграции в Испании порой создает разрозненную ситуацию, в которой мигранты, особенно наиболее уязвимые, сталкиваются с различным приемом в зависимости от того, в какой части страны они находятся.

Для вычисления индекса MIPEX страны оцениваются по семи ключевым показателям: мобильность на рынке труда, возможности для воссоединения семьи, образование, участие в политической жизни, долгосрочное проживание, доступ к гражданству и борьба с дискриминацией. Так, Португалия и Испания стали лучшими в ЕС по показателю «образование», здесь все дети, независимо от статуса, имеют благоприятный доступ к школам, а кроме того, образование в этих странах является межкультурным. Что касается «политического участия», то в Португалии иностранцы могут выставлять свою кандидатуру в качестве политических кандидатов на муниципальных выборах и голосовать на национальных. Сильной стороной программы интеграции в Испании является возможность воссоединения с семьей, но еще «хромает» показатель доступа к гражданству.

Опыт Португалии как наиболее успешной страны в плане передовых практик интеграции, указывает на то, что будущее интеграции – за поликультурными стратегиями, в отходе от пресловутого мультикультурализма и ассимиляционизма. С теоретическим изменением в сторону более инклюзивной и упорядоченной концепции интеграции Португалия устранила диссонирующие аспекты своей политики интеграции и открыла курс на развитие все более широкого и целостного подхода между всеми заинтересованными сторонами.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>.

Список литературы / References

- Грифа, М. (2019) 'Основные тенденции миграционных процессов через страны Северной Африки', *Азия и Африка сегодня*, 2, сс. 49–52. [Grifa, M. (2019) 'The main trends of migration processes through the countries of North Africa' [Osnovnie tendentsii migratsionnikh protsesov cherez strain Severnoy Afriki], *Asia and Africa today*, 2, pp. 49–52. DOI: 10.31857/S032150750003735-0. (In Russ.)].
- Тимакова, О. А. (2022) 'Взаимодействие Евросоюза со странами юго-восточного Средиземноморья: от "кольца друзей" к "кольцу огня"', *Азия и Африка сегодня*, 2, сс. 29–37. [Timakova, O. A. (2022) 'Interaction of the European Union with the countries of the South-Eastern Mediterranean: from the "ring of friends" to the "ring of fire"' [Vzaimodeystvie Evrosoyuza so stranami vostochnogo Sredizemnomorya: ot "koltsa druzey" k "koltsu ognya"], *Asia and Africa today*, 2, pp. 29–37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2. (In Russ.)].
- ACM. Alto Comisionado para las Migraciones. (2018) *Relatório de avaliação da política portuguesa de acolhimento de pessoas refugiadas-Programa de recolocação*. Lisbon: ACM.
- Cebolla-Boado, H., Pinyol-Jiménez, G. (2019) 'Inmigración en España (2017–2018)', *Informe*

- de la Democracia en España 2018*, Madrid: Fundación Alternativas, pp. 125–146.
- Common Agenda for Integration. *Framework for the Integration of Third-country Nationals in the European Union COM, 389*. (2005); *Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the European Union*. (2004). [online]. Available at: European web site on integration. http://ec.europa.eu/ewsi/en/EU_actions_integration.cfm (Accessed: 12 January 2023).
- Domingo, A. (2018) ‘Selective migration policies in Spain: The case of Latin-Americans’, *Population Europe Discussion Paper*, September, pp. 18–23.
- Domingo, A., Pinyol-Jiménez, G., Zapata-Barrero, R. (2020) ‘Spain: Multiple-Governance and Integration Policies in Diverse Socio-Demographic Contexts’ in: *Relations between Immigration and Integration Policies in Europe: Challenges, Opportunities and Perspectives*. London: Routledge, pp. 125–145.
- European Union. *A Common immigration policy for Europe: principles, actions and tools*. (2010) [online]. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV%3Ajl0001>; *The Stockholm Program* (2010) [online]. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3Ajl0034> (Accessed: 10 January 2023).
- European Union. Treaty of Lisbon. [online]. Available at: <http://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (Accessed: 22 January 2023).
- FRONTEX. (2018) ‘Frontex Analysis: Countering trafficking in human beings at EU’s borders. [online]. Available at: <https://frontex.europa.eu/> (Accessed: 30 January 2023).
- Garcés-Mascreñas, B., Gebhardt, D. (2020) ‘Barcelona: Municipalist Policy Entrepreneurship in a Centralist Refugee Reception System’, *Comparative Migration Studies*, 8 (1), pp. 1–15. DOI: 10.1186/s40878-020-0173-z.
- Goldberg, A. (2021) ‘La acogida y la integración de refugiados en Portugal: recuperando las voces de los actores’, *Migraciones internacionales*, 12 (1), pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.33679/rmi.v1i1.2220>.
- Grillo, R. (2017) *Interculturalism and the Politics of Dialogue*, University of Sussex, Falmer. Brighton, 277 p.
- Instituto Nacional de Estatística. *Statística Portugal*. (2023) [online]. Available at: https://www.ine.pt/xportal/xmain?xpid=INE&xpgid=ine_main (Accessed: 27 January 2023).
- Marano, L. (2020) ‘Sub-State Identities and Immigrant Integration Policies: The Cases of Andalusia and Catalonia’, *GRITIM working paper*, 44. Barcelona.
- Marques, J. C., Vieira, A., Vieira, R. (2019) ‘Migration and Integration Processes in Portugal: The Role of Intercultural Mediation’, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2, pp. 187–205. DOI:10.17516/1997-1370-0388.
- Migrant Integration Policy Index. MIPEX. (2020) [online]. Available at: <https://www.mipex.eu/> (Accessed: 23 January 2023).
- Niemann, A., Zaun, N. (2018) ‘EU refugee policies and politics in times of crisis: theoretical and empirical perspectives’, *Journal of Common Market Studies*, 56 (1), pp. 3–22.
- Parreño-Castellano, J. M., Moreno-Medina, C., Domínguez-Mujica, J., Santana Rivero, C. (2021) ‘Mapping Foreign Immigration in Spain. Trends and Spatial Patterns’, *Journal of Maps*, 17 (1), pp. 79–84. DOI: 10.1080/17445647.2020.1866700
- Passerini, L., Proglío, G., Trakilovic, M. (2020) *The Mobility of Memory: Migrations and Diasporas Across European Borders*. Eurospan, Berghahn Books, 252 p.
- Sacramento, O., Silva, P. (2018) ‘Entre direitos consagrados e constrangimentos operacionais: dissonâncias estruturais no sistema português de acolhimento de refugiados’, *Desenvolvimento e Sociedade*, 4, pp. 7–20.
- Strategic Plan on Citizenship and Integration (PECI) 2011–2014. European Website on Integration. [online]. Available at: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/strategic-plan-citizenship-and-integration-2011-2014_en (Accessed: 22 January 2023).
- Zapata-Barrero, R. (2017) ‘Intercultural policy and multi-level governance in Barcelona: Mainstreaming comprehensive approach’, *International Review of Administrative Sciences*, 83 (2), pp. 247–264. DOI: 10.1177/0020852315592962.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023

Статья принята к печати: 15.04.2023

**INTEGRATION OF MIGRANTS IN SPAIN AND PORTUGAL:
EUROPEAN STRATEGY AND NATIONAL MODELS**

N. A. Zherlitsina

N. A. Zherlitsina, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: ns_inafr@mail.ru (ORCID: 0000-0001-8647-9419).

Annotation

The article is devoted to the analysis of the integration policy for migrants in the countries of Southern Europe – Spain and Portugal, in particular. With the ongoing migration crisis, these states face difficulties in integrating new groups into society and everyday life. Given that Spain and Portugal became countries of immigration almost simultaneously with joining the European Union, this process acquired a key role in determining the Union's policy on migration in general and the integration of migrants in particular. Despite the presence of a command center in Brussels and common standards, each of the EU countries implements them in accordance with their national characteristics. The practical results of the integration of immigrants in Spain and Portugal differ remarkably. With the beginning of the migration crisis in Europe in 2015 Spain has resorted to integration strategies based on sanctions, which can be regarded as restrictive and regressive. The experience of Portugal, as the most successful country in terms of advanced integration practices, indicates that the future of integration lies with intercultural strategies, and moving away from the notorious multiculturalism and assimilation.

Keywords: EU; Spain; Portugal; migration; integration of immigrants; immigrant rights; policultural strategies; social integration.

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>.

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-101-111

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Л. А. Фадеева

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: lafadееva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3389-750X).

Аннотация

Автор предлагает ввести и использовать в качестве аналитической категории понятие «секьюритизация политики идентичности», опираясь на подходы к коллективным идентичностям в теории международных отношений (концепт секьюритизации, онтологическая безопасность, государственная идентичность в конструктивизме в рамках ТМО) и на исследовательский инструментарий в сфере идентитаристики (политическая идентичность, политика идентичности). Характеризуются практики секьюритизации политики идентичности в широком смысле слова, используемые в международном контексте, когда ценностные основания государственной идентичности утверждаются в противостоянии с Другими / Чужими. В качестве примеров взяты Китай, США и Россия. Практики секьюритизации политики идентичности рассматриваются в отношении защиты идентичности сексуальных меньшинств, организованных в LGBTIQ+ сообщество. От внутривнутриполитического курса такая политика идентичности доведена усилиями западных стран до международного уровня, включена в стратегии и используется как внешнеполитический инструмент.

Ключевые слова: политика идентичности; секьюритизация; ценности; государственная идентичность; стратегии национальной безопасности; права меньшинств.

Секьюритизация политики идентичности: теоретическое осмысление

Понятие секьюритизации в целом и применительно к идентичности в частности было введено учеными Копенгагенской школы в теорию международных отношений по причине того, что для анализа процессов обострения международно-политической конфликтности оказалось недостаточно рассматривать безопасность только в плане военных угроз (Buzan et al., 1998). Данная школа рассматривает формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности как одну из ценностей, важнейших целей политики. За 30-летие существования концепта секьюритизации он обрел как сторонников, так и противников; проблемное поле представлено широким кругом исследователей (Сергеев и др., 2019).

Проблематика идентичности относительно недавно заняла важное место в теории международных отношений. Так, концепция государственной идентичности стала постоянным элементом конструктивистского дискурса в ТМО. Конструктивисты выдвинули аргумент в пользу того, что государства соблюдают нормы не только из-за их собственных интересов, но и путем интернализации их в своей идентичности. Однако, один из основных упреков в отношении конструктивистов в ТМО представляет недостаточное осмысление и концептуализацию ими понятия идентичности. С.Вучетич, анализируя разные подходы к идентичности в теории международных отношений, видит большое будущее включения идентичности в ТМО в связи с богатым эмпирическим материалом, который представляет исследователям современная эпоха (Vucetich, 2017).

В рамках теории онтологической безопасности в литературе по международным отношениям в первые десятилетия XXI в. идентичность рассматривается как социокультурный фундамент суверенитета государства – как во внутренней, так и во внешней политике. Понятие «онтологической безопасности» включает убежденность в особом предназначении своей страны; в том, что деятельность государства обусловлена не только национальными интересами, но и более высокими причинами, значимыми для сообщества (Curanovic et al., 2022). Онтологическая безопасность определяет миссию

сообщества, присущие ему характеристики и ценности; связывает ценности, безопасность и стабильность; обеспечивает преемственность прошлого, настоящего и будущего.

В этом контексте «политика государственной идентичности означает попытки представителей государства и других политических акторов усилить, ослабить или переопределить распространенные представления о государстве чтобы повлиять на внешнюю политику» (Krolikowski, 2008: 122–123). Соответственно, как внутренние субъекты осознают свою внешнюю идентичность, так и внешние субъекты «осознают внутреннюю политику идентичности». Попытки влиять, усиливать, переопределять идут и с той, и с другой стороны (Krolikowski, 2008: 127–128). А.Цуранович и П.Шимански предлагают интерпретацию онтологической безопасности в связи с потребностями индивидов и сообществ в поддержании «связного повествования о Самости (*the Self*)».

Идентичность, ценности, защита – в разных концептах эти категории оказываются связаны и взаимозависимы. Представляется, что концепт секьюритизации, согласно которому политический актор может заявить о наличии угрозы, не только военной, но и политической, экономической, социальной, обладает значительным исследовательским потенциалом и интерпретативными возможностями для анализа конструирования политической идентичности и защиты предлагаемого государством конструкта. Секьюритизация проявляется через политический дискурс: на основании заявления об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны Значимого Другого/Чужого выдвигается требование применить меры для устранения угрозы, вплоть до чрезвычайных, т. е. лежащих за пределами установленных политических процедур. В отношении государственной идентичности это проявляется в том, что лежащие (декларируемые) в ее основании ценности требуются защищать от тех, кто их не признает, вплоть до включения последних в список противников и применения к ним санкционных действий.

В российской политической науке идентичность характеризуется в разных контекстах и измерениях (Идентичность, 2017). Новаторский характер носит «широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ» (Семенов, 2017: 647). Такое понимание выходит за пределы укоренившейся в западной традиции интерпретации политики идентичности как защиты меньшинств, ущемленных в своих правах в качестве носителей определенной идентичности (гендерной, расовой, сексуальной). Оно ближе к трактовке государственной идентичности в конструктивистской парадигме ТМО. Немаловажно то, что широкая трактовка политика идентичности произошла именно в связи с международной политикой, политическим процессом на международном уровне.

Определение политики идентичности в контексте международных отношений разрабатывает Лизбет Аггескам, главный редактор журнала “Foreign Policy Analysis”: «Политика идентичности относится к определенному набору идей о политическом сообществе, которые политики используют для мобилизации чувства сплоченности и солидарности, чтобы легитимировать общую направленность внешней политики» (Aggestam, 2018: 84).

Цель данной статьи – охарактеризовать эвристический потенциал концепта секьюритизации для анализа политики идентичности. Секьюритизация политики идентичности понимается как определение политики идентичности в качестве объекта, которому угрожают, прежде всего, политические акторы, внешние и внутренние. Кредо «это моя страна – и в правом, и в неправом» трансформируется в установку «это моя страна, и она всегда права». Политика идентичности становится категорией безопасности: она нуждается в защите как в политическом дискурсе, так и в политической практике. Секьюритизация политики идентичности влияет на политику памяти: «Когда к продвижению исторических нарративов и «защите памяти» подключаются как государственные, так и негосударственные субъекты, то «Наше» прошлое рассматривается как неправильно понятое “Другими”, и защита “нашего” становится критически важной... для выживания “нашего” государства» (Budryte at al., 2020).

В отношении политики идентичности российские историки и политологи концептуализировали, прежде всего, секьюритизацию политики памяти как важного компонента политики идентичности. В коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» авторы доказывают, что произошла секьюритизация политики памяти, т. е. ее концептуализация как сферы, связанной с вопросами безопасности. Секьюритизацией политики памяти можно объяснить включение в научный лексикон исследователей понятий конфликтов памяти(ей), войн (из-за) памятных, столкновения идентичностей, mnemonic warriors (воителей в сфере политики памяти).

О. Ю. Малинова характеризует секьюритизацию политики памяти как распространение «представления, что определенное понимание прошлого должно быть зафиксировано в обществен-

ной памяти и сознании, дабы защитить идентичность как основу дееспособности политического актора». Она объясняет особую остроту и болезненность споров об истории тем, что идентичности групп нередко опираются на разные мифы об одних и тех же исторических событиях, возникающие мнемонические конфликты используются для конструирования «другого» как «врага» и в целях негативной мобилизации (Политика памяти, 2020: 46). Политика памяти является инструментом политики идентичности, наряду с языковой и символической политикой.

Негативная мобилизация, негативная идентичность оцениваются аналитиками как феномены конфликтных и кризисных ситуаций. «Современная Европа стоит перед лицом политических, экономических, социальных и гуманитарных вызовов, влияющих на то, как люди справляются со своим прошлым и как они строят свою идентичность», – отмечают европейские авторы коллективной монографии о политике памяти и сохранении исторического наследия (Landesmaaki et al.). В 2017 г. в Брюсселе был открыт Дом европейской истории, который должен был воплотить общие основания истории Европы. Однако характер экспозиции вызвал обвинения о ее политизированности: критики увидели не музей истории, а музей пропаганды, поскольку в экспозиции представлена одна, официально одобренная Европейскими институтами, интерпретация истории.

После распада СССР, в процессе поиска новой российской идентичности «прозападный поворот во внешней политике был интерпретирован значительной частью населения как отрицание роли России в роли крупной державы, суверенной в своих решениях и уважаемой другими» (Curanovic et al., 2022). Понимание мировой политики как сотканной «из смыслов, символов, норм и интерпретаций» (Сергеев, Казанцев, 2019) требует от субъектов внешнеполитической деятельности глубокого понимания социокультурных особенностей страны/региона, включая идентичность и политику по ее конструированию.

Российские исследователи указывают на важность обеспечения в обществе «ценностного и мировоззренческого консенсуса как основы его духовной и информационной безопасности в качестве составных частей комплексной национальной безопасности государства» (Блохин, 2019: 286). В научном дискурсе появилось понятие ценностного суверенитета, под которым понимаются выработанные обществом в течение длительного исторического отрезка нормы, традиции, правовые обычаи, которые не должны оцениваться с точки зрения внешних эталонов, претендующих на универсальность (Сургуладзе, 2019: 245–250).

Обширный пул российских исследований политической идентичности и политики идентичности создают основательную базу для того, чтобы разрабатывать аналитический инструментарий, в который может войти и категория «секьюритизация политики идентичности».

Секьюритизации политики идентичности государственными акторами

Секьюритизация политики идентичности легитимирует выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к идентичности. Так, новая китайская идентичность выстраивается на противопоставлении «Столетия унижения» от колониальной политики западных держав к претворению в жизнь китайской мечты. «Китай сознательно сопротивляется повествованию, приписываемому ему извне, посредством собственного пересмотра своей идентичности, репутации и отношений с другими государствами, – отмечает А.Кроликowski. – Практика запоминания унижений подчеркивает, что национальная незащищенность занимает центральное место в китайском национализме» (Krolikowski, 2008: 127). Китайская мечта подразумевает великое возрождение китайской нации, а также строительство «богатого, мощного, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического и модернизированного государства». Си Цзиньпин предостерегает китайский народ от того, чтобы пойти «по ложному пути отказа от своих знамен» – марксизма, маоизма, социализма¹. Такое предостережение можно рассматривать как важный элемент политики идентичности.

Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая назван в традиционном китайском стиле, но с учетом современной идентичности «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченной бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства». Значимость идентичности обозначена в разных частях доклада и подкрепляется тем, что местоимение «мы» Си Цзиньпин употребил в докладе 283 раза. Международная обстановка охарактеризована в докладе через ссылки на шантаж, сдерживание, бло-

¹ Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 окт. 2022 г. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html.

кирование и максимизацию давления извне. В докладе озвучены призывы «продолжать развивать дух борьбы... Не поддаваться злым умыслам и силам, не бояться внешнего давления, не отступать ни на шаг перед любыми трудностями». На национальную безопасность лидер КНР сослался 27 раз (по сравнению с 2012 г., когда такие ссылки были сделаны всего 4 раза)¹.

Реакция США на переизбрание Си Цзиньпина на третий срок выразилась в резких откликах в американских СМИ: переизбрание было названо «коронацией», несущей угрозу всему миру, демократическим ценностям как основе идентичности либеральных сообществ². По мере продвижения Китая на роль одного из мировых лидеров такой политический дискурс в США усиливается. Еще более важно принятие новой Стратегии национальной безопасности США за несколько дней до съезда КПК.

В документе Соединенные Штаты идентифицированы как «глобальная держава с глобальными интересами». Недвусмысленное заявление гласит: «Мы не оставим наше будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение свободного, открытого, процветающего и безопасного мира... Самый насущный стратегический вызов, стоящий перед нашим видением, исходит от держав, которые сочетают авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой»³. Китай и Россия названы основными противниками. В Стратегии содержится важный тезис: «Чтобы способствовать общему процветанию внутри страны и отстаивать права всех американцев, мы должны активно формировать международный порядок в соответствии с нашими интересами и ценностями»⁴. Таким образом, обоснование собственной идентичности как государства сопряжено с намерением защищать лежащие в основе американской идентичности ценности и отказом признавать отличающиеся от таковых ценности стран, чьи позиции признаны «прихотями».

В Указе «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 г. дано определение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁵. Подчеркивается, что Россия является «суверенным центром мирового развития». «Навязывание... деструктивных неолиберальных идеологических установок» со стороны западных стран названо в документе вмешательством во внутренние дела России, направленным на «подрыв ее созидательной цивилизационной роли»⁶. Принципы внешней политики РФ включают в себя «отказ всех государств от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок». К приоритетам отнесено обеспечение «учета интересов России, ее национальных, социокультурных, духовно-нравственных и исторических особенностей»⁷. Как отмечают аналитики, в документе принципиально не используется понятие противник или враг (по контрасту с американской Стратегией), но противостояние обозначено достаточно четко по линии интересов и ценностей⁸.

Стиль изложения стратегических документов может быть разным, но во всех речь идет о социокультурном фундаменте государственного суверенитета, о сбережении и защите своей идентичности.

Дрейф секьюритизации политики идентичности от внутривнутриполитической к международной

Использование западными исследователями понятий «онтологическая безопасность» и «политика принадлежности» (politics of belonging) в значительной степени объясняется тем, что мейнстрим интерпретации категории «политика идентичности» (identity policy как сфера, identity politics как курс) не просто остается прежним, относящимся к защите меньшинств, но и приобретает новые формы и новую актуальность. В категорию безопасности в современном мире попадает традиционная

¹ Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 окт. 2022 г. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html.

² Xi's coronation portends a hard era for China and the world. The Editorial Board. Washington Post. 15.10.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/10/15/xi-china-party-congress/>.

³ National Security Strategy, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/>.

⁴ National Security Strategy, October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/>.

⁵ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>.

⁶ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>.

⁷ Там же.

⁸ Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/>.

политика идентичности, прежде всего, как защита гендерных идентичностей и в особенности прав сексуальных меньшинств, организованных в LGBTQ+ сообщество, чьи права отнесены к фундаментальным правам человека, а их защита включена в политические стратегии западных стран.

Активизация правых популистов в разных странах может быть оценена как подтверждение прогноза (на этот раз сбывшегося) Френсиса Фукуямы, что радикализация левых в борьбе за идентичность будет способствовать активизации правых, защищающих национальную идентичность от угроз: «Самая значительная проблема политики идентичности в том виде, в котором она сегодня практикуется левыми, заключается в том, что она стимулирует рост политики идентичности правого толка» (Фукуяма, 2019: 152).

Практика политики идентичности выражается в том, что в западных странах серьезные усилия затрачиваются на защиту сексуальных меньшинств и их идентичности. В ходе политических дебатов 2021 г. в ЕС к числу фундаментальных ценностей, таких как равенство, уважение и толерантность, лидерами Европейского союза была отнесена защита прав сексуальных меньшинств. Новый план по защите сексуальных меньшинств состоит из четырёх пунктов: «обуздание дискриминации», «укрепление безопасности» LGBTQ+, «создание инклюзивного общества» (максимально комфортных условий для вовлечения секс-меньшинств в общественную жизнь) и ведение этой борьбы за права LGBTQ+ во всём мире»¹.

Усилиями Демократической партии в США принят ряд законов по защите ЛГБТ+ сообщества: 21 июля 2014 г. президент Обама подписал Указ 13 672, в котором «сексуальная ориентация» и «гендерная идентичность» отнесены к категориям, защищенным от дискриминации при найме и трудоустройстве со стороны подрядчиков и субподрядчиков федерального правительства. В июне 2009 г. Обама стал первым президентом, объявившим июнь месяцем гордости ЛГБТ и продлевал это правило на протяжении всех лет своего президентства. Джо Байден продолжил эту традицию и над Белым домом был поднят радужный флаг. Между тем существуют значительные различия в позициях республиканцев и демократов, зафиксированные, например, Институтом Вильямса в виде несовместимости между республиканской идентичностью и принадлежностью к ЛГБТ: большинство республиканцев демонстрируют приверженность гетеросексуальной идентичности².

Крупнейшая НПО США «Южный центр по борьбе с нищетой» (SPLC), обладающая бюджетом в 300 млн долл и получающая ежегодные пожертвования в размере 50 млн долл, помогает правительству США осуществлять мониторинг организаций, движений, научной активности по всему миру, выступающих с критикой ЛГБТ-повестки, в защиту традиционного брака и семьи, выступающих против абортов. 252 организации из 838 были внесены Южным центром в особый список «групп ненависти анти-ЛГБТ», приравнены к расистским, неонацистским, сепаратистским, среди них много религиозных и консервативных организаций США, выступающих против легализации однополых браков и пропаганды гомосексуальной повестки³.

Одно из первых распоряжений Д.Байдена на посту президента – «восстановить наше лидерство в вопросах, касающихся ЛГБТКИ-сообщества, и сделать это на международном уровне». Это подтверждено указами о запрете дискриминации в сфере занятости и жилья по признаку сексуальной ориентации, о праве трансгендерным людям служить в армии. Имеют значение уже первые кадровые решения президента: половина членов Администрации Президента – женщины, вице-президент – женщина с индийскими и афроазиатскими корнями, все сотрудники департамента коммуникации – женщины, пресс-секретарь – первая афроамериканка и первый представитель ЛГБТ-сообщества на этом посту. Республиканские обозреватели сразу же раскритиковали первое выступление Жан-Пьер на посту пресс-секретаря, поскольку она сфокусировала свою речь на своей принадлежности к ЛГБТ-сообществу, а не на профессиональных задачах. Впрочем, и в последующих выступлениях она явно отдает приоритет своей сексуальной, а не профессиональной идентичности.

Предметом особой гордости Байдена стало подписание им в декабре 2022 г. федерального Закона об уважении брака, которое он сопроводил заявлением, что в этот день «Америка делает жизненно важный шаг к равенству, к свободе и справедливости не только для некоторых, но для всех — именно для всех. Шаг к созданию нации, в которой порядочность, достоинство и любовь признаются, почитаются и защищаются». Байден проникновенно обратился к слушателям: «Вы знаете, нет ничего

¹ LGBTQ+ обозначает включение в категорию сексуальных меньшинств квир-общности, а + предполагает возможное расширение категории. Именно такая аббревиатура используется сейчас в ЕС.

² Differences Between LGB Democrats and Republicans in Identity and Community Connectedness. URL: <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/lgb-party-affiliation/>.

³ And one D., Mullery, W. (2017) The Southern poverty law center's list of hate groups, CNN, August 18.

более достойного, более благородного и более американского, чем то, что мы делаем сегодня. Все это касается того, кем мы являемся как нация. Речь идет о сущности наших законов». Он прочитал длинный список благодарностей тем, кто помог в продвижении этого закона: «Спасибо всем за трудную победу для будущих поколений. Это был долгий путь, но мы справились. И мы продолжим работу, я вам обещаю»¹.

Администрация Президента США в 2021 г. учредила новый международный фонд в размере 2,5 млн долл для содействия признанию гомосексуальности и трансгендерности, а также противодействия противникам ЛГБТ-повестки как антидемократической². Финансируемый за счет средств Фонда глобального равенства (Global Equality Fund), субсидируемой из американского бюджета организации, которая состоит в частном партнерстве с Европейским союзом, скандинавскими странами, а также средств большого числа частных фондов организаций Глобальный фонд инклюзивной демократии и равноправия ЛГБТ (Global LGBT Inclusive Democracy and Empowerment Fund/GLIDE) ставит своей целью «продвигать политическое взаимодействие и сокращать нетерпимость и нарушение прав человека против ЛГБТ-сообществ». Фонд разрабатывает технологии «противодействия антидемократическим тенденциям и дезинформации в демократических процессах»³. Неслучайно Энн Хендершот озаглавила статью об этой организации «Глобальная ЛГБТ-повестка Байдена».

Секьюритизация политики идентичности проявляется в оценке тех, кто придерживается других ценностей, как противников демократии и борьбе против них. Очень немногие могут открыто высказывать критическую позицию в отношении правительственной поддержки ЛГБТ-сообщества. В США это С.Дженнарины и его Центр семейной политики и прав человека, республиканские периодические издания «The American Conservative» «The American Thinker», Такер Карлсон, до недавнего времени имевший свою программу в Fox News. Группа правых «Identity and Democracy» в ЕС и фракция в Европарламенте высказывается по этому вопросу значительно более осторожно, чем по миграционной политике ЕС. Марин Ле Пен, решительно заявлявшая в 2013 г., что с приходом к власти отменит однополые браки, уже в 2017 г. смягчила свои позиции. Для деятелей культуры показательным явился скандал с Дж.Роулинг⁴.

В ЕС официальной политике идентичности открыто противится венгерский премьер-министр Виктор Орбан; ссылаясь на значимость традиционных ценностей для сохранения национальной идентичности, он провел закон о запрете пропаганды ЛГБТ-сообщества. Венгрия представляет себя в качестве защитника христианских ценностей в борьбе против нехристианских паттернов поведения LGBTIQ+ европейцев, а также массового наплыва мигрантов, грозящих уничтожить европейскую идентичность. Отметая упреки в том, что он тащит страну в темное средневековье, Виктор Орбан после триумфа на парламентских выборах в апреле 2022 г. торжественно заявил: «Христианские демократы, буржуазные консерваторы, патриотическая политика победили. Мы посылаем сообщение Европе, что это не прошлое, это будущее»⁵. В ответ на критику и угрозу санкций со стороны ЕС Орбан выдвинул идею референдума по поводу закона о запрете показывать гомосексуальность и смену пола несовершеннолетним: «Нам грозят брюссельские бюрократы... Брюссель требует от нас поправок, потому что они не согласны с тем, что мы не хотим допускать того, что уже стало привычным в Западной Европе»⁶. В свойственном ему резком тоне в выступлении по радио он назвал поведение ЕС «легализованным хулиганством», а позицию Европейской комиссии постыдной⁷.

Политика идентичности распространяется на международный уровень. Генеральный секретарь ООН 1 октября 2021 г. передал Генассамблее новый отчет, составленный Виктором Мадригал-Борлозом, адвокатом из Коста-Рики, который сейчас является независимым экспертом Организации

¹ Выступление президента Байдена и вице-президента Харрис при подписании H.R. 8404, "Закона об уважении брака". URL: <https://inosmi.ru/20221215/rech-258866226.html>.

² Дженнарины С. Новый Фонд США для продвижения политики трансгендеров на международном уровне // Центр семейной политики и прав человека. 2022. 6 января. URL: https://c-fam.org/friday_fax/new-u-s-fund-to-push-transgender-policies-internationally/.

³ Hendershott, Anne. Biden's Global LGBT-agenda. American Conservative. URL: <https://www.theamericanconservative.com/bidens-global-lgbt-agenda/>. (дата обращения: 18.01.2023).

⁴ Как мир разлюбил Джоан Роулинг и почему дело не только в ее твиттах о менструации. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/403249-kak-mir-razlyubil-dzhoan-rouling-i-pochemu-delo-ne-tolko-v-ee-tvitah-o>.

⁵ Как Виктор Орбан победил на выборах в Венгрии. Available at <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/04/916519-kak-viktor-orban-pobedil>.

⁶ Le Monde (Франция): Виктор Орбан организует референдум против ЛГБТ в Венгрии. URL: <https://inosmi.ru/20210722/250171177.html>.

⁷ Премьер Венгрии назвал «хулиганством» требование ЕС отменить закон против ЛГБТ. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/16/hooligans/>.

Объединённых Наций по защите от насилия и дискриминации на основе сексуальной ориентации и гендерной идентичности. В отчете предложено ввести уголовное наказание для лиц, которые выступают с критикой гендерной теории, сексуальной ориентации и гендерной идентичности¹. Данные меры он назвал необходимыми по причине «значительной негативной реакции на достижения в области прав человека, достигнутых гомосексуалистами, трансгендерами»². Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) было признано «публичным органом защиты прав ЛГБТ» в ООН³. Еще в 2017 г. в ООН разработано пособие для парламентариев «Продвижение прав человека и социальной интеграции ЛГБТИ людей»⁴. Пособия по поддержке ЛГБТ+ сообщества напечатаны на русском языке для Украины, Грузии и Киргизии⁵. В сентябре 2021 г. в выступлении на Генеральной ассамблее ООН Джо Байден призвал международное сообщество встать на защиту ЛГБТ-людей – «от Чечни до Камеруна».

На международной арене основные обвинения в нарушении прав LGBTQ+ направлены в адрес российских властей. В России с 2013 г. действует закон, запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». 21 октября 2022 г. в первом чтении принят законопроект о полном запрете пропаганды ЛГБТ в России. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен объявила, что Россия «бросает вызов» защите прав LGBTQ+ одной из фундаментальных ценностей ЕС. «Права ЛГБТ+» – это самые важные «ценности и завоеванные в нелегкой борьбе свободы», отличающие «нас» от президента России Владимира Путина», – написал 25 февраля 2022 г. в твиттере глава секретной разведывательной службы Великобритании MI6 Ричард Мур (Richard Moore)⁶. В мае 2019 г. европейское отделение Международной ассоциации лесбиянок и геев (ILGA-Europe) в своём рейтинге «Радужная Европа» поставила Россию по уровню гомофобии на 46-е место среди 49 стран Европы⁷.

Несколько лет назад, в 2019 г. во время встречи G-20 в Осаке В.В.Путин охарактеризовал ситуацию в России так: «У нас очень ровное отношение к представителям ЛГБТ-сообщества, реально спокойное и абсолютно непредвзятое»⁸. Он подчеркнул, что запрет на пропаганду гомосексуализма направлен только на защиту интересов несовершеннолетних. «Давайте дадим человеку вырасти, стать взрослым, а потом решить, кто он такой. Оставьте детей в покое»⁹. Но когда радикальная версия политики идентичности переносится на уровень политических сообществ, происходит ее секьюритизация. Секьюритизация политики идентичности – перевод ее в разряд категорий безопасности, обусловила то, что Россия сочла необходимым и правомерным взять на себя миссию защитника традиционных ценностей. В качестве тех, кто создает угрозы этим ценностям, определен «коллективный Запад». «Коллективный Запад» отличает как санкционная политика, так и политика идентичности. Любопытно, что вслед за российскими СМИ это понятие стало использоваться и в западном публичном дискурсе¹⁰.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации международная обстановка охарактеризована через попытки западными странами «целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней». Поставленные в Стратегии задачи включают «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»¹¹. Сделан акцент на то, что «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические

¹ ООН: В новом отчете призывается ввести уголовную ответственность за критику гендерной теории. URL: <https://www.hli.org.pl/ru/news-ru/6637-nowy-raport-onz-postuluje-prowadzenie-kannej-odpowiedzialnosci-za-krytyke-teorii-genderowej-3.html>.

² Gennarini, Stefano J. D. (2022) U.S. House Prepares to Penalize Foreign Opponents of LGBT Agenda, *Center for Family and Human Rights*, February 3. URL: https://c-fam.org/friday_fax/u-s-house-prepares-to-penalize-foreign-opponents-of-lgbt-agenda/.

³ Джениарини, С. (2022) Новый Фонд США для продвижения политики трансгендеров на международном уровне, *Центр семейной политики и прав человека*, 6 января. URL: https://c-fam.org/friday_fax/new-u-s-fund-to-push-transgender-policies-internationally/.

⁴ Продвижение прав и социальной интеграции ЛГБТИ людей. URL: <https://www.pgaction.org/inclusion/pdf/handbook/ru.pdf>.

⁵ URL: https://wels.open.ac.uk/sites/wels.open.ac.uk/files/files/Kyiv_Workshop_REPORT_Russian.pdf.

⁶ Breitbart. 27 февраля 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220227/nravy-253215611.html?in=t>.

⁷ Rainbow Europe map and index 2019. URL: https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/Attachments/rainbowmap2019online_0.pdf.

⁸ Путин объяснил свое отношение к либерализму и ЛГБТ. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/06/29/805400-putin-obyasnil>.

⁹ Там же.

¹⁰ См., например, статью Дж. Шарка в “The American Thinker” от 30.03.2023. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2023/03/how_much_longer_can_western_governments_spit_on_their_people.html.

¹¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций»¹.

Фундаментальные ценности отнесены к основам российского общества и безопасности страны. В ответ на секьюритизацию политики идентичности в странах коллективного Запада был подготовлен Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² помещает категорию ценностей в сферу национальной безопасности Российской Федерации, Указ призван конкретизировать положения Стратегии национальной безопасности РФ. Ценности определяются в документе как нравственные ориентиры, которые лежат в основе общероссийской гражданской идентичности: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России». Заявлено намерение своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы. К угрозам отнесены «отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». В области международных отношений поставлена цель формирования «образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей»³.

«Угрозы», «защита» – это язык секьюритизации. Определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы, стратегии противодействия угрозам – все это характеризует современные практики секьюритизации политики идентичности.

Заключение

Секьюритизация политики идентичности как аналитическая категория позволяет использовать понятия и подходы, наработанные в разных областях политической науки и теории международных отношений. Политика идентичности, первоначально возникшая во внутривнутриполитическом контексте, приобрела значимость именно потому, что быстро обрела международное значение. Объединение усилий меньшинств на международном уровне позволило им добиться признания своего статуса и прав внутри своих стран, а затем и на уровне международных организаций. Закономерно, что субъекты этой деятельности стали объектами научных исследований. Идентичность в теории международных отношений включена в разные концепты с тем, чтобы понять и объяснить действия международных акторов. В теории идентичности один из ключевых моментов – это защита коллективных идентичностей. Включение коллективных идентичностей в объект секьюритизации и анализ этого процесса с учетом того, что наработано в идентитарных исследованиях, представляется перспективной научной задачей.

Применительно к политике идентичности как набору идей об основаниях политического общества не вызывает сомнений, что он используется политическими акторами для легитимации курса, в особенности, внешнеполитического. Однако было бы большим упрощением оценивать такую политику идентичности только инструментально. Безусловно, она опирается на ценности, имеющие значение для политического сообщества, страны, государства, связанные с историей, культурой, в том числе политической. В отношении политики идентичности как защиты ЛГБТ-сообщества, секьюритизация проявляется в переведении внутривнутриполитического дискурса на международный уровень и отнесении к противникам демократии и радикалам всех, кто не считает (по разным основаниям) ключевой политической задачей продвижение и публичную репрезентацию ЛГБТ-людей (составляющих, по самым смелым оценкам, 8% населения Земли)⁴. Такой вариант секьюритизации политики идентичности представляется инструментом, позволяющим проводить демаркацию, ранжировать страны, угрожать санкциями.

Секьюритизация политики идентичности и в узком, и в широком смысле слова усиливается, появляются новые примеры и измерения. В статье намечены возможные исследовательские стратегии, позволяющие учесть как внутренние, так и внешние факторы, субъекты, варианты секьюритизации политики идентичности.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

³ Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

⁴ LGBTQ+ Population by Country 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/lgbtq-population-by-country>.

Список литературы / References

- Арон, Р. (2000) *Мир и война между народами*. Москва: Nota Bene, 880 с. [Aron, R. (2000) *War and Peace between peoples* [Mir i voyna mezhdu narodami]. Moscow, 880 p. (In Russ.)].
- Блохин, К. В. (2019) 'Политика идентичности как фактор обеспечения национальной безопасности государства', *Власть*, 4. [Blokhin, K. (2019) 'Identity Politics as a factor of state national security promotion' [Politika identichnosti kak faktor obespecheniya natsional'noi bezopasnosti gosudarstva], *Vlast'*, 4. (In Russ.)].
- Европа XXI века. Новые вызовы и риски* (2017) / под общ. ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. Москва: ИЕ РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 544 с. [*Europe XXI. New challenges and risks* [Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski], Ed. by Gromyko A., Fyedorov V. Moscow. (In Russ.)].
- Идентичность. Личность. Общество. Политика* (2017) Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. Москва: Весь мир. [*Identity. The Individual, Society and Politics* [Identichnost'. Lichnost'. Obschestvo. Politika]. Entsiklopedicheskoe izdanie. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)].
- Казанцев, А. А., Меркушев, В. Н. (2008) 'Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы»', *Полис. Политические исследования*, 2. [Kazantzev, A., Merkushev, V. (2008) 'Russia and post-Soviet space: perspectives of soft power using' [Rossiya i postovetskoe prostranstvo], *Polis. Political Studies*, 2. (In Russ.)].
- Касьянов, Г. (2019) *Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы*. URL: <http://www.eedialogue.org/ru/2019/06/22/edinyj-uchebnik-istorii-es-i-svoya-pravda-vostochnoj-evropy>. [Kasyanov, G. (2019) *The united textbook of EU history and the own truth of Eastern Europe* [Edinyi учебник istorii ES i svoya Pravda vostochnoj Evropy]. URL: <http://www.eedialogue.org/ru/2019/06/22/edinyj-uchebnik-istorii-es-i-svoya-pravda-vostochnoj-evropy>. (In Russ.)]
- Кочетков, А. П. (2010) 'Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике', *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 1. [Kochetkov, A. (2010) 'Identity in International Relations: theoretical foundations and role in world policy' [Identichnost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie osnovy birol' v mirovoi politike], *Vestnik of Moscow University, Issue 25*, 1. (In Russ.)].
- Мчедлова, М. М., Казаринова, Д. Б. (2020) 'Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий', *Политическая наука*, 4. [Mchedlova, M., Kazarinova, D. (2020) 'Identity policy: competition of a new theoretical content and political strategies' [Politika identichnosti: konkurentsia novykh politicheskikh smislov i politicheskikh strategii]. *Political Science*, 4. (In Russ.)].
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* (2020) / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [*Memory Politics in contemporary Russia and Eastern European countries* (2020) [Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy]. SPb.: European University. (In Russ.)].
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* (2020) / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [*Memory Politics in contemporary Russia and Eastern European countries* (2020) [Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy]. SPb.: European University. (In Russ.)].
- Семененко, И. (2018) 'Прошлое на переднем крае политики идентичности', *Мировая экономика и международные отношения*, 62 (11). [Semenenko, I. (2018) 'The Past on the forefront of Identity politics' [Proshloye na perednem krae politiki identichnosti], *World Politics and International Relations*, 62 (11). (In Russ.)].
- Сергеев, В. М., Казанцев, А. А., Медведева, С. М. (2019) 'Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений', *Полис. Политические исследования*, 5. [Sergeev, V., Kazantzev, A., Medvedeva, S. (2019) 'Crisis of constructivism and methodological problems of studying international relations', *Polis. Political Science*, 5. (In Russ.)].

- V., Kazantsev, A., Medvedeva, S. (2019) 'The crisis of constructivism and methodological problems of the IR research' [Krisis konstruktivizma I metodologicheskie problem izucheniya mezhdunarodnykh otnoshenii], *Polis. Political Studies*, 5. (In Russ.).
- Сургуладзе, В. Ш. (2019) Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. Москва: Аналитическая группа «С. Т. К.», 400 с. [Surguladze, V. (2019) Identity politics in the realities of ensuring national security: strategy, theory, practice [Politika identichnosti v realiyakh obespecheniya natsional'noi bezopasnosti]. Moscow: STK. (In Russ.).]
- Фадеева, Л. А. (2022) 'Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики', *Международная аналитика*, 2. [Fadeeva, L. (2022) 'Politics of memory and identity in EU: related concepts, mismatched practices. *International Analytics*' [Politika pamyati I identichnosti v Evropeiskom Soyuze: sopryazhennye ponyatiya, rassoglasovannye praktiki], *International Analytic*, 2. (In Russ.).]
- Фадеева, Л. А. (2021) 'Современные вызовы политики идентичности в ЕС', *Современная Европа*, 7. [Fadeeva, L. (2021) 'Contemporary challenges of identity politics in the EU' [Sovremennye vyzovy identichnosti v ES], *Contemporary Europe*, 7. (In Russ.).]
- Фадеева, Л. А., Плотников, Д. С. (2019) 'Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности', в: Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. Москва: Научный консультант. [Fadeeva, L., Plotnikov, D. (2019) 'The experience of world wars in identity politics and building a security strategy' [Opyt mirovykh voyn v politike identichnosti I vystraivaniy mezhdunarodnoi bezopasnosti] in; *Regional'nye strategii mezhdunarodnoi bezopasnosti: Rossiya, ES i Blizhnii Vostok*. Moscow. (In Russ.).]
- Фукуяма, Ф. (2019) Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Москва: Альпина Пабlisher, 256 с. [Fukuyama, F. (2019) Identity: the desire for recognition and the policy of rejection [Identichnost': stremlenie k priznaniyu b politika nepriyatiya]. Moscow. (In Russ.).]
- Aggestam, Lisbeth (2018) Role identity and the Europeanisation of foreign policy: a political-cultural approach. URL: <https://www.manchesteropenhive.com/display/9781526137647/9781526137647.00011.xml>.
- Aggestam, Lisbeth (1999) Role Conceptions and the Politics of Identity in Foreign Policy. ARENA working papers.
- Aggestam, Lisbeth (2018) Role identity and the Europeanisation of foreign policy: a political-cultural approach. URL: <https://www.manchesteropenhive.com/display/9781526137647/9781526137647.00011.xml>.
- Aggestam, Lisbeth (1999) Role Conceptions and the Politics of Identity in Foreign Policy. ARENA working papers.
- Budryte, D., Resende, E., Becker, D. (2020) "Defending Memory": Exploring the Relationship between Mnemonic In/Security in Global Politics', *Interdisciplinary Political Studies*, Issue 6 (1), pp. 5–19.
- Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 239 p.
- Curanovic, Alicja (2022) 'Szymanski Piotr. Mission saves us all: Great Russia and Global Britain dealing with ontological insecurity', *International Relations*, pp. 1–25.
- Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe (2019) / ed. Tuuli Lähdesmäki, Luisa Passerini, Sigrid Kaasik-Krogerus, Iris van Huis. Palgrave Studies in Cultural Heritage and Conflict.
- Hellberg, Uliana. Securitization as a modern strategy of constructing identity: Negative proof identity' in the European Union. URL: <https://mau.divaportal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1408014&dswid=-7813>.
- Katzenstein, Peter, J. (1996) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press.
- Klose, Stephen (2020) 'Interactionist Role Theory Meets Ontological Security Studies: Exploration of Synergies Between Socio-Psychological Approaches to the Study of IR', *European Journal of International Relations*, 26(3), pp. 851–874.
- Krolikowski, A. (2008) 'State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: a Sceptical View', *Chinese Journal of International Politics*, Vol. 2, pp. 109–133.

Mälksoo, M. (2009) 'The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe', *European Journal of International Relations*, 15 (4).

Peterson, V. Spike (1993) 'The Politics of Identity in International Relations', *The Fletcher Forum*, Summer.

Saaida, M. B. E. (2023) 'The Role of Culture and Identity in International Relations', *East*

African Journal of Education and Social Sciences, 4 (1), pp. 49-57.

Vucetic, Srdjan (2017) *Identity and Foreign Policy*. Oxford Research Encyclopedia of Politics.

Xuechen, Chen, Xinchuchu, Gao (2022) 'Analysing the EU's collective securitisation moves towards China', *Asia Europe Journal*, 20, pp. 195–216.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023

Статья принята к печати: 10.04.2023

IDENTITY POLICY SECURITIZATION AS AN ANALYTICAL TOOLKIT

L. A. Fadeeva

L. A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Perm State University.

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3389-750X).

Abstract

The author proposes to introduce and use the concept of "identity politics securitization" as an analytical category, based on approaches to collective identities in the theory of international relations (the concept of securitization, ontological security, state identity in constructivism within the international relations theory) and on research tools in the field of identity studies (political identity, identity politics).

The article characterizes the practices of securitization of the identity politics in the broad sense of the word, used in the international context, when the value pillars of state identity are established in confrontation with the Other/ Aliens. China, the USA and Russia are chosen as examples.

The practices of securitization of identity politics are examined in relation to the protection of the identity of sexual minorities that are organized in the LGBTIQ+ community. Such identity politics has spread from the domestic political agenda to the international level by the efforts of Western countries. They are incorporated into policies and are used as a foreign policy tool.

Keywords: identity politics; securitization; values; state identity; national security strategies; minority rights.

Обзоры и аналитика

УДК: 32:35

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-112-122

ЛЕОНАРД УАЙТ И ЕГО ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Д. В. Ефременко

Ефременко Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора,

Институт научной информации по общественным наукам РАН.

E-mail: efdv2015@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6988-472X. Researcher ID: Q-1907-2016).

Аннотация

Представлен очерк биографии и основных этапов научной деятельности Леонарда Д. Уайта (1891–1958), предваряющий публикацию русского перевода его статьи «Политика и гражданская служба» (1933). Рассматривается вклад Уайта в развитие исследований государственного управления в Соединенных Штатах, прежде всего его анализ меритократического и патронажного подходов к формированию кадров государственной службы. Анализируется роль Уайта в судьбе Чикагской школы политических исследований, его участие в экспертном обеспечении государственного управления, в том числе мероприятий Нового курса Ф.Д. Рузвельта. Особое внимание уделяется исследованиям Уайта по административной истории США и их значению в контексте конкуренции различных подходов к изучению государственного управления в конце 1940–1950-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: Леонард Уайт; Чикагская школа политических исследований; государственное управление; США; патронажная система; меритократия; политическая экспертиза.

Сто лет назад один из университетов Среднего Запада США – Чикагский – по меньшей мере, на два десятилетия перехватил пальму первенства у колледжей и университетов Лиги плюща в развитии новой отрасли знания – политической науки. Успех был достигнут за счет комбинации больших возможностей (в том числе финансовых) и больших амбиций. Лидером направления стал руководитель департамента политической науки Чикагского университета Чарльз Мерриам (Ефременко, 2021), провозгласивший в 1921 г. программу «новой науки о политике», которая позволила бы политологии выйти за рамки сугубо теоретической рефлексии и превратиться в практическую науку, позволяющую повысить эффективность функционирования демократических институтов. Обновление методического инструментария (включая широкое заимствование методов естественных наук, особенно биологии), продуктивное взаимодействие с другими отраслями знания и общая переориентация на систематическую экспертную поддержку государственного управления должны были обеспечить превращение политологии в подлинно научную дисциплину. Лучшие выпускники департамента политической науки составили когорту исследователей, осуществивших, по образному выражению Гэбриэла Алмонда, «чикагскую революцию» в американской политологии (Алмонд, 1999: 86). В их числе – Гарольд Госнелл, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт. Весьма показательно, что в отношении своих учеников старшего поколения Мерриам добился отмены запрета на «академический инбридинг» – правила, согласно которому выпускники какого-либо университета, избравшие по его окончании научную и преподавательскую карьеру, должны продолжить ее в другом университете. В результате в момент провозглашения новой программы исследований и преподавания политической науки Мерриам уже знал, на кого он сможет опереться в ближайшие годы.

Каждый из трех учеников и младших коллег Мерриама внес свой, весьма значимый, вклад в развитие политического знания. Но если Гарольд Лассуэлл до сих пор входит в топ-лист наиболее цитируемых американских политологов, то имя Леонарда Уайта вспоминают чаще всего специалисты по проблемам государственного управления. Тем не менее, вклад Уайта в эту дисциплинарную

область заслуживает отдельного рассмотрения, а его работы представляют интерес для современного читателя, занимающегося данной проблематикой.

Леонард Дюпи Уайт родился 17 января 1891 г. в Эктоне, штат Массачусетс. После получения магистерской степени во входящем в Лигу плюща Дартмутском колледже с 1915 по 1918 г. Уайт работал инструктором в Университете Кларка, а затем снова в Дартмуте в качестве помощника профессора. Его исследовательские приоритеты с самого начала научной карьеры были связаны с государственным управлением. Судя по всему, выбор этой области политических исследований был обусловлен теми вызовами, с которыми столкнулось государственное администрирование в США и других странах в годы Первой мировой войны (Gaus, 1958: 231). В 1920 г. он познакомился с Чарльзом Мерриамом, который пригласил его в свой департамент в Чикагском университете, где Уайт продолжил научную и преподавательскую деятельность начиная с 1921 г. При этом Мерриам, сам мало интересовавшийся деталями государственного управления, настоятельно рекомендовал Уайту познакомиться на практике с предметом его исследований. Следуя этому совету, Уайт активно участвовал в работе комиссий, осуществлявших гражданский контроль за деятельностью городских служб, в том числе чикагской полиции.

В 1922 г. Уайт, только что защитивший докторскую диссертацию, организовал неформальный ужин на полях ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки, проходившей в Чикаго. Во встрече приняло участие очень небольшое количество исследователей, в чью сферу научных интересов входило государственное управление (Gaus, 1958: 232). Однако несмотря на скромные масштабы мероприятия, Уайту удалось главное – сформировать ядро будущей исследовательской сети. Она в дальнейшем достаточно быстро разрасталась, причем в немалой степени – за счет учеников Уайта.

В 1926 г. Уайт выпустил учебное пособие «Введение в исследование государственного управления», которое для своего времени считалось эталонным и выдержало на протяжении 30 лет четыре издания (каждое последующее – с исправлениями и дополнениями). Рассматривая государственное управление как распоряжение «людьми и материалами для достижения целей государства», Уайт фиксировал следующие принципы разработки темы:

- государственное управление представляет собой единый процесс, содержательно единый в своих базовых характеристиках, в связи с чем нет необходимости жестко разделять его на муниципальное управление, управление на уровне штатов и федеральное управление;
- его изучение должно начинаться с рассмотрения основ управления, а не его юридических аспектов (в том числе решений судебных инстанций)¹;
- государственное управление по-прежнему является искусством, но при этом необходимо стремиться к его трансформации в науку;
- управление стало и будет оставаться впредь центральной проблемой деятельности современных правительств (White, 1926: vii-viii).

Уайт не стремился в данной работе к созданию оригинальной теории государственного управления, но видел свою задачу в «выстраивании упорядоченной системы взаимосвязей», позволяющей «представить проблему» и найти продуктивные способы ее решения (White, 1926: viii). Признавая необходимость отделить политику от управления, автор констатировал, что администратор в любом случае действует в политическом окружении и испытывает на себе влияние многих политических факторов. Данные вопросы Уайт обсуждает и в статье «Политика и гражданская служба» (White, 1933a), перевод которой публикуется в этом номере журнала.

Следует отметить, что знакомство со статьей требует известного погружения в американский политико-административный контекст последней трети XIX–первой трети XX вв. Уайт начинает с упоминания о юбилее Акта Пендлтона (Pendleton Civil Service Reform Act), принятом Конгрессом в 1883 г. Акт Пендлтона вводил принцип опоры на заслуги при назначении на административные должности. Тем самым наносился удар по одной из опор политической коррупции – клиентелизму, сопровождавшему доминирование политических машин в избирательном процессе и системе власти, особенно в крупных городах. По сути дела, политические машины двух ведущих политических партий США, обеспечивавшие электоральный успех поддержанных партийными боссами кандидатов, оказывали мощное влияние и на систему административного управления (особенно в крупных городах – Нью-Йорке, Чикаго и др.). Характеризуя типичные для Америки той эпохи политические ма-

¹ Тем самым Уайт выступил решительным оппонентом Вудро Вильсона, который рассматривал государственное управление как «детальное и систематическое исполнение публичного права» (Wilson, 1887: 214).

шины, Гарольд Госнелл, коллега Уайта по департаменту политической науки, писал, что само это понятие ассоциируется «с безжалостными боссами, нечистыми на руку чиновниками, политиками-гангстерами, мошенничеством на выборах и беспринципными юристами и бизнесменами, которые сообща манипулируют запутавшимися и апатичными избирателями с помощью особых одолжений, обмана и силы» (Gosnell, 1933: 22). Например, в Нью-Йорке XIX в. городская штаб-квартира Демократической партии – Таммани-холл – стала настоящим символом политической коррупции. Поистине легендарным было влияние на политическую жизнь партийного босса Уильяма Твида (1823–1878), вокруг которого сформировалась мощная система клиентелизма, взяточничества и даже организованной преступности – «шайка Твида», о которой упоминает в статье Леонард Уайт. Добившись в годы Гражданской войны практически неограниченного контроля над Таммани-холлом, Твид за счет манипуляций с подрядами, многократного завышения сметной стоимости объектов строительства, финансируемых городом и штатом Нью-Йорк, прямого казнокрадства, сколотил огромное состояние, а общий объем аккумулированных «шайкой Твида» средств превышал размер внешнего долга США к исходу Гражданской войны. В результате разоблачения со стороны одного из немногих не контролируемых им изданий, Твид был арестован в 1873 г., но бежал из-под ареста и сумел добраться до Испании. Однако испанское правительство выдало беглеца американским властям. Вплоть до своей смерти от пневмонии он содержался в нью-йоркской тюрьме Ладлоу, на подрядах на строительство которой он ранее неплохо нажился (Askerman, 2005).

Акт Пендлтона был направлен на то, чтобы ограничить систему партийного патронажа в сфере государственного управления и в целом нанести удар по политической коррупции. Уайт положительно оценивает результаты действия этого Акта, полагая, что меритократический подход позволил освободить от политического вмешательства и порочного круга покровительства целые сектора административных работников. В итоге, по крайней мере, лучшие образцы американской государственной службы стали в полной мере соответствовать мировым стандартам, а масштаб происшедших изменений автор охарактеризовал как революцию. При этом он отмечал, что по состоянию на начало 1930-х гг. наиболее высоким престижем пользуется федеральная служба, тогда как престиж службы в органах власти штатов, и особенно городов, оказывается ощутимо ниже. Последнее, по мнению Уайта, связано с тем, что меритократические принципы утвердились в разных штатах далеко неравномерно, а в крупных городах с их мощными политическими машинами все еще ведется «окопная война» с покровительством. В частности, Уайт обращал внимание на тревожные попытки отмены или ревизии в отдельных штатах законодательства о заслугах, предпринимавшиеся Демократической партией.

Рассматривая далее перспективы укрепления меритократической системы, Уайт фокусировал внимание на группах интересов, выступающих за или против принципа назначения на административные должности в соответствии с заслугами. Очевидными сторонниками этой системы являются существующие организации гражданских служащих и профессиональные группы государственных чиновников. Последние не действуют напрямую, но вполне способны формировать благоприятные условия для укрепления меритократической системы, задавая стандарты профессиональной квалификации.

В то же время позиция ведущих американских партий относительно окончательного искоренения патронажа оставалась противоречивой, поскольку это означало отказ от одного из наиболее эффективных инструментов партийного влияния. Итоговый вывод статьи, однако, не слишком оптимистичен: Уайт уверен, что ведущие партии будут стремиться сохранить систему покровительства и лояльности чиновников-назначенцев до тех пор, пока это допускает закон, терпят избиратели, а сами партии не найдут альтернативных инструментов политического влияния.

С начала 1930-х гг. Уайт, подобно Мерриаму и другим ключевым фигурам чикагской политологической школы, активно участвовал в экспертной деятельности на федеральном уровне. Он был включен президентом Гербертом Гувером в состав Комитета по изучению социальных тенденций, где отвечал за подготовку аналитических материалов по проблематике государственного управления. Как отмечал Уайт в одном из этих материалов, американская система государственного управления, подобно всем другим административным системам, отражает собственную окружающую среду. Однако американская система, в отличие от административных систем ведущих европейских стран, не претерпела значительных изменений, хотя ее социальное окружение изменилось очень сильно (White, 1932: 3). Тем самым Уайт обосновывал необходимость дальнейших реформ, включая более решительное избавление от наследия политического патронажа.

В 1932 г. Уайт в течение нескольких месяцев находился в Великобритании, где изучал опыт работы советов Уитли (Whitley Councils). В 1917 г. под председательством члена Палаты общин Джона Генри Уитли (в 1921–1928 гг. – спикер этой палаты) был сформирован комитет для изучения взаимоотношений трудящихся и работодателей. В соответствии с рекомендациями комитета, под влиянием роста социальной напряженности и примера большевистской революции в России, с 1919 г. начали создаваться т.н. советы Уитли – органы социального партнерства, позволяющие поддерживать устойчивый диалог между сторонами трудовых конфликтов. Принцип работы этих советов был распространен и на другие сферы, в частности, на гражданскую службу (с 1919 г.), что, разумеется, представляло для Уайта особый интерес. Он стал убежденным сторонником британского опыта, обеспечившего институционализацию механизмов переговоров, сотрудничества, арбитража и координации между правительством и гражданскими служащими. По оценке Уайта, система Уитли породила «обширную сеть соглашений», определивших условия службы почти 300 тыс. британских административных работников (White, 1933b: 334).

По возвращении в США Уайт получил весьма лестное предложение от Гарольда Икеса, министра внутренних дел в администрации Франклина Рузвельта, занять вакантную должность члена Комиссии по гражданской службе от Республиканской партии. Приняв предложение и вступив в должность в начале февраля 1935 г., Уайт должен был выработать определенную тактику в отношении действий президента и Демократической партии, касающихся закрепления меритократического подхода при назначении на административные должности. Достаточно мощные группы влияния в Демократической партии стремились к возврату к патронажной системе, сам президент явно колебался. Уайт предпочел не критиковать Рузвельта, но акцентировать те высказывания президента, в которых он заявлял о поддержке меритократического принципа. Пытаясь таким способом представить президента в качестве своего единомышленника, Уайт развернул целую кампанию в поддержку профессиональной государственной службы. Его усилия способствовали тому, что в 1938 г. Рузвельт своим указом перевел 100 тыс. административных должностей на федеральном уровне из патронажной в меритократическую систему.

Во второй половине 1930-х гг. обстановка в Чикагском университете становилась все более неблагоприятной для возглавляемого Мерриамом научного направления. Неумолимо приближался срок, когда Мерриам должен был сложить с себя полномочия руководителя Департамента политической науки. После того, как под давлением президента Чикагского университета Роберта Хатчинса департамент политической науки вынуждены были покинуть Лассуэлл и Госнелл, Леонард Уайт оставался практически безальтернативным преемником «шефа». В свою очередь, руководством университета Уайт мог рассматриваться в качестве наименее неприятного из учеников Мерриама. Тем не менее, президент университета Хатчинс отказался утвердить Уайта в должности руководителя департамента. Хатчинс настоял на том, чтобы Департаментом руководила «тройка», двое членов которой служили бы противовесом Уайту. На деле замысел Хатчинса не вполне удался, и фактическое руководство оставалось за Уайтом (Baer, Jewell, Sigelman, 1991: 110).

Однако в силу ряда объективных и субъективных причин Уайт не сумел обеспечить полную преемственность в отношении программных установок Мерриама. Лассуэлл и Госнелл уже прервали устойчивую связь с университетом; с началом Второй мировой войны многие сотрудники департамента надолго (в нескольких случаях – навсегда) покинули Чикаго. Лишь четыре преподавателя (включая самого Леонарда Уайта) читали лекции и вели занятия со студентами. В дальнейшем кадровая эклектика становилась еще более сильной, особенно если поддержку ей оказывало руководство на уровне университета.

С субъективной точки зрения Леонард Уайт прodelывал эволюцию как исследователь, постепенно уводившую его не столько даже от программы «новой науки о политике», сколько от политической науки как таковой. К Мерриаму он сохранял полный пиетет и даже подготовил в 1942 г. в его честь сборник эссе ведущих авторов Чикагской политологической школы (White, 1942). В своей собственной статье в этом сборнике он изложил взгляды на пути трансформации американской системы государственного управления в ближайшие два десятилетия, а также на перспективы формирования структурных элементов мирового правительства после неизбежной победы антигитлеровской коалиции. Но обсуждая возможное будущее, Уайт все более тяготел к исследованию прошлого.

Особый и постоянно возрастающий интерес Уайта к истории увенчался созданием *Opus magnum* – четырехтомной «Административной истории» Соединенных Штатов (White, 1948; White, 1951; White, 1954; White, 1958). Он использовал широкий круг источников, в том числе неопубликованные официальные документы, дневники чиновников и государственных деятелей, частную переписку.

Впечатляющий успех этого труда привел к тому, что сегодня Уайта чаще называют историком, а не политологом¹.

Стоит отметить, что первый том – «Федералисты», посвященный истории административного управления в США в период президентств Джорджа Вашингтона и Джона Адамса (1789–1801), был опубликован почти одновременно с выходом двух фундаментальных работ по проблемам административного управления. Автором одной из них был Герберт А. Саймон, представитель младшей когорты Чикагской школы политических исследований, впоследствии – лауреат Нобелевской премии по экономике (1978). Его книга «Административное поведение» (Simon, 1947), основу которой составила диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1942 г., с полным основанием может считаться парадигмальной основой исследовательского подхода, рассматривающего государственное управление в контексте человеческого поведения (и, следовательно, тесно связанного с социальной психологией). Подход Саймона позволяет выстраивать науку государственного управления вокруг тезиса об ограниченности человеческой рациональности, с учетом которого оптимальной является стратегия управления, способствующая наиболее полному достижению поставленных целей. Однако выбор такой стратегии в любом случае будет происходить в условиях неполного и приблизительного знания об имеющихся альтернативах.

С минимальным временным лагом на прилавках американских книжных магазинов появилась еще одна фундаментальная работа о государственном управлении, ставшая базисом противоположной парадигмы. Речь идет о книге Дуайта Уолдо «Административное государство» (Waldo, 1948), также основанной на недавно защищенной диссертации (правда, не в Чикагском, а в Йельском университете). Уолдо анализирует противоречия между бюрократией и демократией, отягощенные тем, что в странах, подобных Соединенным Штатам, профессионалы государственной службы обязаны защищать демократические принципы. По мнению Уолдо, эти противоречия разрешимы, если государственные служащие стремятся найти баланс между эффективным управлением, правовыми нормами и общественными интересами. Соответственно, государственное управление качественно отличается от бизнес-менеджмента, поскольку, помимо эффективности, должно учитывать общественное мнение и доминирующие ценности. При этом Уолдо был весьма критичен в отношении работ предшественников, включая и Леонарда Уайта с его фокусировкой на принципах государственного управления.

Ретроспективно можно сказать, что «Административная история» Уайта оказалась в тени работ и последовавших вслед за их публикацией дебатами Саймона и Уолдо (Waldo, 1952a; Simon, 1952; Waldo, 1952b). Однако есть достаточно оснований согласиться с мнением А. Робертса, который ставит труд Уайта в один ряд с книгами Саймона и Уолдо, причем не в силу его бесспорных достоинств как исторического исследования, но благодаря аналитическому методу изучения макродинамики административного развития (Roberts, 2009). Благодаря этому методу историческая реконструкция эволюции государственного управления позволила учесть изменения политической и экономической структуры США с конца XVIII до начала XX вв., трансформацию международного порядка, социокультурные факторы, развитие коммуникационных и организационных технологий. Немаловажно, что в тетралогии Уайта можно вычленить аргументацию, близкую к основным аргументам будущих теорий зависимости от пути предшествующего развития (path dependency).

Подготовка Уайтом первого тома «Административной истории» пришлось на период руководства Департаментом политической науки. Когда в 1948 г. после медицинского обследования личный врач настоятельно рекомендовал Уайту значительно сократить нагрузки, он без колебаний отказался от должности руководителя Департамента в пользу продолжения работы над «Административной историей». В результате последующие тома тетралогии объемом 2 тыс. страниц выходили с интервалом в 3–4 года.

В октябре 1956 г. Леонард Уайт вышел на пенсию, оставаясь заслуженным профессором Чикагского университета. Несмотря на онкологическое заболевание, он продолжал работать над «Административной историей». Уайт ушел из жизни 23 февраля 1958 г. в возрасте 67 лет. Спустя несколько недель вышел последний том его тетралогии, за который Уайту и помогавшей ему Дж. Шнайдер была присвоена Пулитцеровская премия в области работ по истории.

¹ Так характеризует Уайта статья в англоязычной Википедии, впрочем, весьма краткая и малоинформативная (mode of access: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonard_D._White, accessed 30.03.2023); статья в электронной Британике представляет Уайта как историка и политолога (mode of access: URL: <https://www.britannica.com/biography/Leonard-Dupee-White>, accessed 30.03.2023).

Публикация перевода статьи Леонарда Уайта продолжает серию публикаций текстов классиков Чикагской школы политической науки 1920–1940-х гг. В течение одного года выдержал два издания новый, полный перевод «Техники пропаганды в мировой войне» Гарольда Лассуэлла (Лассуэлл, 2021), а также опубликована на русском языке программная статья Чарльза Мерриам «Современное состояние изучения политики» (Мерриам, 2021). В ближайшее время увидят свет переводы нескольких статей Гарольда Госнелла. Тем самым российские читатели получают возможность составить более полное представление о выдающемся и многостороннем вкладе чикагцев в развитие политической науки и ряда ее субдисциплинарных направлений.

Перевод статьи Леонарда Уайта выполнен к.соц.н., доцентом Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики В.Г. Николаевым.

Политика и гражданская служба

Леонард Д. Уайт
(перевод с английского¹)

Пятидесятая годовщина Акта Пендлтона, введшего в формирование федерального правительства принцип опоры на заслуги, служит удобным поводом, чтобы оценить прогресс «гражданской службы» в нашей стране.

До 1883 г. агитация, призывавшая защитить родники американской демократии путем сокращения объемов покровительства, выпадающего на выборщиков на каждых крупных выборах, была настойчивой, но тщетной. Наблюдатель, пишущий в 1880 г., отметил бы почти полное доминирование системы покровительства, доходившее в худшем случае до таких вакханалий воровства, как «шайка Твида». Он заметил бы, что покровительские ресурсы нации, штата, округа и города одинаково беспрепятственно эксплуатируются партийными машинами обеих главных политических групп.

Единственное ограничение, которое можно было найти, исходило от просвещенного эгоизма. Сенатор Марси, пытавшийся в бытность свою государственным секретарем защитить штат своего департамента законом о заслугах, в ответ на упоминание его знаменитой ремарки «Добыча принадлежит победителям», возражал, что вовсе не собирался этим сказать, что станет грабить собственное гнездо. Правительству надо было работать, и рядом с политическим растратчиком, приходящим и уходящим с каждым поворотом политического колеса, даже в самые мрачные дни предвоенного периода, можно было различить неброскую фигуру «регулярного» работника, на которого политик опирался в выполнении необходимых минимальных функций.

В 1933 г. сценарий изменился. Американское муниципальное управление, поначалу характеризовавшееся Брайсом в 1888 г. как «наш самый вопиющий провал», теперь год от года привлекает выдающихся исследователей управления из-за рубежа. Целые сектора муниципальных работников и служащих практически свободны от всякого политического вмешательства; в 11 штатах формальные требования создают более или менее эффективный барьер для раздатчиков покровительства; огромное число из 470 тыс. позиций в федеральном правительстве подчинено конкурсному отбору. Сильные организации государственных служащих, развивающие мастерство и эффективность своих членов, встречаются на каждом шагу; многие издают журналы со свежей информацией; некоторые занимаются исследованиями. Короче говоря, лучшие образцы американской государственной службы ныне заслуживают того, чтобы их поставили вровень с лучшими образцами тех стран, чьи стандарты повсеместно приняты в качестве моделей для всего мира.

Система заслуг на уровне нации, штата и округа

Основополагающее значение для заметных улучшений, принесенных последними 50 годами, имеет постепенное, но неуклонное убывание покровительства в американской государственной службе. Одобрение Акта Пендлтона в 1883 г. установило систему заслуг для менее чем 14 тыс. позиций, т.е. примерно для 10% правительственной гражданской службы. Благодаря президентскому указу и, в некоторых случаях, акту Конгресса число позиций, охваченных законом Пендлтона в 1930 г., составило 462 тыс., или 75% правительственной гражданской службы. Вопреки упорному сопротивлению произошла настоящая революция в характере федеральной службы, абсолютно не-

¹ Перевод выполнен по источнику: White L.D. (1933) 'Politics and civil service', *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 169 (1), pp. 86–90.

обходимая для должного выполнения тех деликатных и трудных задач, с которыми она в настоящее время сталкивается.

Влияние этой революции на престиж национальной государственной службы очевидно. К федеральной службе у общественности, несомненно, доверия больше, чем к любой службе штата или локальной службе; и хотя отчасти это обусловлено очарованием далекого, это обусловлено также и репутацией, которую «правительство» заслужило своим честным, надежным и эффективным управлением. Недавний эксперимент, обобщивший взгляды 7 500 чел., статистически показал, что престижность федеральной службы составляет около 80 баллов по 100-балльной шкале; для штатской службы она была около 70 баллов, для городской – около 58. В целом дружелюбное отношение общественности к федеральной службе может быть подтверждено общественными реакциями на службу лесного хозяйства, дипломатическую, службу национальных парков, налоговую службу; но переменные успехи службы по соблюдению сухого закона, вероятно, выявили бы в этот момент иной уровень престижа. Необходимо также признать, что в кругу федеральных служащих циркулирует немало критики, что вызвано отчасти нынешней необходимостью сокращения жалований и привилегий.

В штатах прогресс системы заслуг был относительно медленным. 12 штатов законодательно ввели эту систему; из них один штат (Коннектикут) вернулся к покровительству. В последнее десятилетие законы штатов нового типа ввели элементы классовых разрядов и стандартизации оплаты труда без законодательного требования отбора достойных или установления резонных гарантий сохранения должности. Реальное применение законов о заслугах сильно варьировало. В Массачусетсе, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Мэриленде стандарты были в целом удовлетворительными; в других штатах многое оставляет желать лучшего; в некоторых – враждебно настроенные губернаторы или законодательные органы фактически свели смысл законов о заслугах на нет.

Округа после полувека агитации остаются почти не затронутыми системой заслуг, несмотря на существование отдельных комиссий окружной гражданской службы и, что выглядит более многообещающе, отдельные случаи менеджерских форм управления округами.

Система заслуг в городах

В крупных городах система заслуг все еще втянута в окопную войну с покровительством. Некоторые сектора определенно отвоеваны, такие как инженерия, библиотечное дело, медицина и конторская работа. Другие открыто остаются в руках организации, в частности, юридические услуги и услуги по найму рабочей силы. Третьи добились признания заслуг в ходе конкурсного отбора, но остаются под глубоким влиянием политических соображений при назначениях, переводах, продвижениях и увольнениях, как, например, полиция, пожарная и инспекционная службы.

В группе средних городов достигнут весьма заметный прогресс. Он достигнут не столько благодаря формальному введению в действие законов о заслугах или принятию статей об учете заслуг в хартиях самоуправления, сколько благодаря усилиям группы, включающей около 425 городских менеджеров, призванных обеспечить в их городах непартийное управление. Устойчивый прогресс схемы управления по типу «совет–менеджер» был одним из самых могущественных факторов, способствовавших в последние 15 лет упразднению покровительства, и с расширением влияния этого типа муниципального управления система заслуг будет продолжать укрепляться.

В этих городах и городах меньшего размера тренд в сторону непартийных выборов также действительно готовил почву для повышения стабильности в государственной службе, даже без гарантий и поддержки законов о заслугах. Хотя мы и не можем в точности выяснить, какой эффект можно отнести на счет таких влияний, как развитие конкурирующих типов массового интереса вроде «кино», автомобиля и радио, можно утверждать, что они много сделали для отвлечения внимания от избыточного интереса к тому виду личностной «политики», который превозносил поколение тому назад мистер Дули. Больше и лучшее образование расширили кругозоры за пределы участка или квартала.

Итак, при весьма скромных недавних завоеваниях формальной системы заслуг, как ее понимало старшее поколение реформаторов гражданской службы, можно параллельно констатировать явный прогресс в существенных элементах здоровой кадровой практики: это и назначение на должности по достоинствам, как бы они ни удостоверялись, и должностное продвижение на благо службы, а не ради выгоды индивида или партии, и дисциплина и исполнительность, ориентированные на защиту высоких стандартов, а не на ублажение обид или капризов какой-либо фракции.

Союзники системы заслуг

Во многих секторах, однако, окопная война все еще в порядке вещей, и с каждым изменением в политическом контроле силы и решимость армии покровительства обновляются. Система заслуг, даже будучи закреплённой в законодательстве, не всегда находится в безопасности. Целеустремленные демократы в Иллинойсе последовали примеру, поданному в этом трудном штате предыдущей республиканской администрацией, и пытаются отменить закон штата о гражданской службе *in toto* или, по крайней мере, вернуть его в то убогое состояние, в котором он находился в 1911 г. Когда пишутся эти строки, этот натиск вроде бы еще сдерживается; но и надежды на успешное контрнаступление и отвоевание новых территорий тоже уже нет. В штате Висконсин сенат поддержал отмену закона о заслугах и передал этот вопрос на рассмотрение в палату представителей; на июнь 1933 г. решение еще не было принято.

Замена покровительства как критерия назначения на должности с учетом заслуг – вещь совершенно элементарная с точки зрения экономии. Но лиги налогоплательщиков и национальные группы бизнесменов, стремящиеся сократить общественные расходы, вряд ли это понимают. Эти поборники экономии, похоже, сбиты с толку верой в то, что административные службы сократить невозможно, и совершенно не видят того, что упорядоченные процедуры увольнений и сокращения штата являются существенной частью любого набора правил, регламентирующих гражданскую службу.

Итак, бизнес не показал себя союзником системы заслуг в нынешнем кризисе. Организованный труд, находясь, несомненно, под влиянием того, что работодателем многих его членов является государство, и признавая ценности безопасности в ненадежном мире, настроен в отношении нее более дружелюбно. Организации гражданских служащих, функционирующие в федеральном правительстве, в штате Нью-Йорк и в некоторых крупных городах, действительно входят в число наиболее влиятельных групп, активно поддерживающих систему заслуг. Общество муниципальных служащих Чикаго, разумно управляемое и широко поддерживаемое более чем пятью тысячами городских служащих, является, по сути, главной опорой системы заслуг в этом городе. Чикагская ассоциация гражданской службы утратила то влияние, которым некогда обладала; деловые группы явно не заинтересованы в этой системе, индифферентны к ней или того хуже; какая-то газета будет выступать смело и эффективно во время крупного кризиса, но другие молчат; некоторые граждански мыслящие группы, особенно среди женщин, активны, но в ограниченном масштабе. Реально защищать систему заслуг выпало тем, чьи жизненные шансы зависят от ее внедрения.

В более широком масштабе система заслуг обнаруживает постоянного и полезного союзника в Лиге женщин-избирателей. Интересно и, наверное, значимо то, что в национальном масштабе мужчины существенно ослабили активную поддержку системы учета заслуг, в то время как женщины вышли на передний план как ее защитницы.

Влияние профессиональных групп и федеральной власти

Помимо организаций гражданских служащих, основными союзниками обоснованной процедуры подбора кадров в нашей стране сегодня являются профессиональные группы государственных чиновников. Напрямую они не всегда готовы прийти на помощь коллегам по государственной службе, сталкивающимся с покровительством, так, как можно было бы ожидать или желать, но поддержка инженеров в деле «Дэвис против Дэвиса» кое о чем говорит. Косвенно, задавая стандарты эффективности, которым не могут отвечать люди без должной квалификации, направляя вес профессионального неодобрения против практик, которым они не могут потакать, и постепенно изолируя случаи политического контроля, они приносят бесценную пользу обществу.

Одно из важных последних новшеств, способствующих укреплению влияния профессиональной группы в государственной службе, – размещение значительного числа организаций государственных служащих в Чикаго по соседству друг с другом в окрестностях Чикагского университета. Одна за другой такие организации, как Ассоциация городских управляющих, Бюро по управлению государственным персоналом, Ассоциация американских законодателей, Информационный центр по вопросам государственного управления, Американская ассоциация общественного благосостояния, Американская муниципальная ассоциация, Конференция мэров Соединенных Штатов, Ассоциация муниципальных финансовых служащих и Ассоциация правительственных исследований, открыли

свои офисы в Чикаго, где держат общую библиотеку и эффективно сотрудничают в развитии своих программ.

Быстрое развитие профессиональной подготовки для государственной службы и внутри нее в последние пять лет также содействовало ограничению влияния сугубо личных или фракционных соображений при назначении на должности и управлении государственными службами. По мере расширения профессиональной подготовки и профессионального опыта партийность вынуждена отступать.

Влияние федеральных властей на штаты в ряде случаев было очень полезным для обуздания неуместных влияний в управлении совместными проектами, имеющими грантовую поддержку. В распределении федеральных средств, выделяемых на оказание помощи, сложилась отчетливая тенденция требовать надлежащего распоряжения выделяемыми ресурсами. Покойный д-р Аллен рассказывал, что в департаменте сельского хозяйства федеральная власть использовалась иногда для сдерживания намечавшихся политических рейдов на опытные сельскохозяйственные станции.

Корпорация финансирования реконструкции, предоставляющая займы частным корпорациям, уже создала прецедент, устанавливающий, что там, где ждут федеральной помощи, чрезмерные жалобы чиновников терпеть не будут. Схожим образом влияние федерального правительства можно было бы решительнее бросить на поддержку высоких стандартов государственного и локального администрирования. Это могло бы в свою очередь потребовать реформы в некоторых федеральных кругах.

Эффекты партийной системы

Фундаментальное значение для окончательного искоренения системы покровительства в государственной службе имеет некоторое преобразование основы, на которой держатся американские партии. Доктор Госнелл отмечает в этом выпуске «Анналов», что «муторная работа по поддержанию контактов с избирателями не предпринимается партийными работниками, если за нее не предлагается какое-нибудь конкретное вознаграждение в виде денег или политической должности». Американская партия сохраняет свое могущество за счет перспектив предоставления должностей или иных преимуществ. Есть ли какая-то другая основа для обеспечения выполнения той огромной массы детальной и плотной работы, которой требует от политических организаций ситуация партийной конкуренции? Партии в своем состязании за власть ещё явно не нашли никакой другой эффективной основы.

В муниципалитетах между тем мы находим поразительные иллюстрации успешных политических организаций, вообще не зависящих ни от какого покровительства. Наверное, самым ярким примером является Комиссия по уставу города Цинциннати. Эта комиссия, почти всецело опирающаяся на добровольные усилия, за которые не предусмотрено никаких вознаграждений (кроме удовлетворения от победы в борьбе за хорошее правительство), уже лет десять держит под контролем муниципальные выборы в Цинциннати, расширила за это время свое влияние на округ и работает в тесной гармонии со школьными властями. «Город-королева», тем самым, дает пример нового типа политической организации, вполне конкурентоспособного в борьбе за выживание, поддерживающего высокие идеалы правительственной работы и не зависящего в своем существовании от покровительства.

В другой области Ассоциация общественных школ Балтимора достигла впечатляющего успеха в защите от покровительства и партийных влияний муниципальных школ города. С политической стороны точкой приложения усилий этой ассоциации стали выборы мэра, назначающего в свою очередь местный школьный совет. Этой ассоциацией движет желание обеспечить разумное, непартийное управление школами, и она вполне в этом преуспела, не будучи вынужденной строить свою силу на партийных соображениях.

В более широком масштабе мы еще ждем доказательств возможности успешной политической организации, опирающейся на ту или иную основу, исключаящую покровительство. Опыт других стран показывает, что партии могут организовываться по-разному. Пока американские партии не найдут силу в других опорах, которые позволили бы им поступательно двигаться к успеху, можно ожидать, что они будут цепляться за любое покровительство, которое будет допускаться законом и общественным мнением.

Перевод В. Г. Николаева

Список литературы / References

- Алмонд, Г. А. (1999) 'Политическая наука: история дисциплины', в: Гудин, Р., Клингеманн, Х. Д. (ред.) *Политическая наука: новые направления*. Москва: Вече, сс. 69–112. [Almond, G. A. (1999) 'Political Science: History of the Discipline' [Politicheskaya nauka: Istorija discipliny], in: Goodin, R., Klingemann, H. D. (eds.) *Political Science: New Directions*. Moscow: Veche, pp. 69–112. (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2021) 'Столетие манифеста научной политологии Чарльза Мерриам', *Полития*, 1 (100), сс. 170–182. [Efremenko, D. V. (2021) '100-Year Anniversary of Charles Merriam's Manifesto of Scientific Political Science' [Stoletie manifesta nauchnoy politologii Charlza Merriama], *Politeia*, 1 (100), pp. 170–182. (In Russ.)].
- Лассуэлл, Г. Д. (2021) *Техника пропаганды в мировой войне*. Москва: ИНИОН РАН. [Lasswell, H. D. (2021) *Propaganda Technique in the World War* [Technika propagandy v mirovoj vojne]. Moscow: INION]. (In Russ.)].
- Мерриам, Ч. Э. (2021) 'Современное состояние изучения политики', *Полития*, 1 (100), сс. 183–192. [Merriam, C. E. 'The Present State of the Study of Politics' [Sovremennoe sostoyanie uzuchenia politiki], *Politeia*, 1 (100), pp. 183–192. (In Russ.)].
- Ackerman, K. D. (2005) *Boss Tweed: The Rise and Fall of the Corrupt Pol Who Conceived the Soul of Modern New York*. New York: Carroll & Graf Publishers.
- Baer, M. A., Jewell, M. E., Sigelman, L. (eds.) (1991) *Political Science in America: Oral Histories of a Discipline*. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Gaus, J. M. (1958) 'Leonard Dupee White 1891–1958', *Public Administration Review*, 18 (3), pp. 231–236.
- Gosnell, H. (1933) 'Political Party Versus Political Machine', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 169 (1), pp. 21–28.
- Roberts, A. (2009) 'The Path not Taken: Leonard White and the Macrodynamics of Administrative Development', *Public Administration Review*, July–August, pp. 764–775.
- Simon, H. A. (1947) *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization* (1st ed.). New York: Macmillan.
- Simon, H. R. (1952) 'Development of Theory of Democratic Administration': Replies and Comments', *American Political Science Review*, 46 (June), pp. 494–496.
- Waldo, D. (1948) *The Administrative State: a Study of the Political Theory of American Public Administration*. New York: Ronald Press Co.
- Waldo, D. (1952a) 'Development of Theory of Democratic Administration', *American Political Science Review*, 46 (March), pp. 81–103.
- Waldo, D. (1952b) 'Development of Theory of Democratic Administration: Replies and Comments', *American Political Science Review*, 46 (June), pp. 501–503.
- White, L. D. (1926) *An Introduction to the Study of Public Administration*. New York: Macmillan.
- White, L. D. (1932) *Trends in Public Administration*. President's Research Committee on Social Trends, York, PA: Maple Press Company.
- White, L. D. (1933a) 'Politics and civil service', *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 169 (1), pp. 86–90.
- White, L. D. (1933b) *Whitley Councils in the British Civil Service*. Chicago: The University of Chicago Press.
- White, L. D. (ed.) (1942) *Essays in Honor of Charles E. Merriam: The Future of Government in the United States*. Chicago: The University of Chicago Press.
- White, L. D. (1948) *The Federalists: A Study in Administrative History*. New York: Macmillan.
- White, L. D. (1951) *The Jeffersonians: A Study in Administrative History, 1801–1829*. New York: Macmillan.
- White, L. D. (1954) *The Jacksonians: A Study in Administrative History, 1829–1861*. New York: Macmillan.
- White, L. D. (1958) *The Republican Era, 1869–1901: A Study in Administrative History*. New York: Macmillan.
- Wilson, W. (1887) 'The Study of Administration', *Political Science Quarterly*, 2(2), pp. 197–222.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2023

Статья принята к печати: 20.04.2023

**LEONARD WHITE AND HIS CONTRIBUTION TO THE STUDY
OF PUBLIC ADMINISTRATION**

D. V. Efremenko

D. V. Efremenko, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Deputy Director,
Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: efdv2015@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6988-472X. Researcher ID: Q-1907-2016

Abstract

The article is an outline of the biography and main stages of the academic career of Leonard D. White (1891-1958), anticipating the publication of the Russian translation of his article "Politics and Civil Service" (1933). White's contribution to the development of public administration studies in the United States is considered, especially his analysis of the meritocratic and patronage approaches to the formation of civil service personnel. The article provides insight into the White's role in the development of the Chicago School of Political Studies, his participation in providing expertise in public administration, including the activities of F. D. Roosevelt's New Deal. Special attention is paid to White's research on the administrative history of the United States and its significance in the context of the contest of different approaches to public administration research in the late 1940s and 1950s of the twentieth century.

Keywords: Leonard D. White; Chicago school of political studies; public administration; USA; patronage system; meritocracy; political expertise.

УДК: 327-057.54

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-123-132

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

О. В. Онопко

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет.
E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID: 0000-0001-5569-8256).

Аннотация

Представлен научный обзор работ по теории секьюритизации, направленный на выявление возможностей её применения для изучения внешнеполитической экспертизы. Автором характеризуются основные акторы секьюритизации международно-политических вопросов; выделены ключевые положения теории секьюритизации, которые могут быть использованы для изучения внешнеполитической экспертизы; предложена авторская интерпретация типологии политических экспертов О. Хвостуновой применительно к секьюритизации в рамках экспертного геополитического дискурса. В результате установлено, что применение теории секьюритизации может содействовать развитию научного представления о внешнеполитической экспертизе как о специфической сети экспертов, участвующих в геополитическом дискурсе государства и через него влияющей на внешнюю политику. Эксперты могут участвовать в секьюритизации международно-политических вопросов на всех уровнях геополитического дискурса. В перспективе изучение секьюритизационных шагов и в целом секьюритизирующих речевых актов может способствовать более глубокому пониманию того, как и на основании чего формируются представления лиц, принимающих внешнеполитические решения в сфере безопасности, какие каналы для этого используются, какую роль в этом процессе играет внешнеполитическая экспертиза и псевдокэкспертиза.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза; внешняя политика; теория секьюритизации; геополитический дискурс; экспертная сеть.

Внешнеполитическая экспертиза – один из ключевых компонентов политической системы, деятельность которого направлена на изучение международной среды и предоставление акторам политики рекомендаций по поведению в данной среде. Обладая эксклюзивными знаниями, опытом и навыками работы в сфере международных отношений, внешней и военной политики, политики безопасности, эксперты-международники и различные экспертные структуры являются активными действующими лицами процесса выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений в государстве. Их привлечение в консультативных целях давно стало нормой, которая часто помогает компенсировать ограниченную компетентность политических лидеров и государственных гражданских служащих в вопросах международной политики. В этих условиях эксперты и экспертные структуры не просто предоставляют оценки международно-политической действительности и предлагают проекты решений по коррекции внешнеполитического курса государства, но и имеют возможность навязывать акторам политики своё видение мира, ценностные установки и геополитические представления. К последним относятся и утверждения о том, что те или иные вопросы международной политики представляют угрозу для государства, а потому требуют принятия определённых «экстраординарных мер» в сфере безопасности (Никитина, 2019: 729). Для объяснения того, как возникают и существуют такие представления, ещё в 1990-х гг. Б. Бузаном и О. Уэвером была предложена теория секьюритизации (Buzan, Waever, Wilde, 1997), с тех пор получившая популярность и ставшая значимой в подходе к изучению вопросов международной безопасности и внешней политики. Несмотря на внушительный эвристический потенциал и опыт применения, её использование в исследованиях внешнеполитической экспертизы до сих пор является достаточно ограниченным.

С момента своего зарождения теория секьюритизации получила развитие во множестве научных работ, найдя применение как в фундаментальных, так и в прикладных исследованиях междуна-

родной безопасности. Более того, за почти тридцать лет существования она сама стала объектом научного анализа: в мировой и отечественной политологии сформировался целый пул работ, в которых изучаются особенности теории секьюритизации, аргументированно критикуются или же, наоборот, обосновываются её концептуальные положения, категориальный аппарат, практика использования. К современным зарубежным учёным, исследующим секьюритизацию, помимо упомянутых выше основателей теории, относятся К. Арадау, Т. Бальзак, П. Бильгин, С. Леонард, А. Луповичи, Дж. Найман, Х. Патوماки, Д. Рычновска, Х. Стритцель, Р. Таурек, М. Уильямс, Р. Флорид и др.; к российским – О. Гайдаев, К. Григорьева, А. Декальчук, В. Коньшев, А. Макарычев, В. Морозов, Ю. Никитина, М. Тамбовцева, Д. Эйвазов и др. В трудах этих и других авторов эксперты-международники и сам институт внешнеполитической экспертизы как действующие лица секьюритизации каких-либо международно-политических вопросов рассматриваются наряду с другими акторами этого процесса (политиками и политическими партиями, журналистами и СМИ, общественными деятелями и НКО, и др.), зачастую без выделения какой-либо специфики.

Принимая это во внимание, автор поставил цель – дать аналитический обзор работ по теории секьюритизации и определить возможности применения последней в политологических исследованиях и внешнеполитической экспертизе.

Актеры секьюритизации

В научных работах, выполненных в рамках теории секьюритизации, речь идёт о самых разнообразных акторах этого процесса, т.е. субъектах, которые заявляют о каких-либо вопросах как об угрозах безопасности государства, нации, общества, мирового порядка или других референтных объектов. К таким акторам относятся специалисты в сфере внешней политики (*foreign policy professionals* (Casarini, Musu, 2007)) и безопасности (*security / insecurity professionals* (Balzacq, Leoard, Ruzicka, 2016)), лица, вырабатывающие политику в определённых сферах общественной жизни (*policymakers* (Neo, 2020)), технические (*technical experts* (Balzacq, Leonard, Ruzicka, 2016)) и академические эксперты (*academic experts* (Middleton, 2016)), эксперты в сфере безопасности (*security experts* (Salter, 2008)), журналисты, лидеры общественного мнения и др. Помимо них, существуют и иные акторы секьюритизации международно-политических вопросов. В самом общем виде всех их можно разделить на пять основных групп:

1) политики – лица, секьюритизирующие те или иные вопросы внешней политики и международных отношений с целью завоевания, удержания и использования власти. Акты секьюритизации для них служат средствами получения политических дивидендов: повышения легитимности, узнаваемости, личного авторитета и престижа, которые даёт им комментирование вопросов внешней политики, обороны и безопасности. Кроме того, секьюритизация позволяет формировать образ врага, что может способствовать консолидации и мобилизации электората или даже целой нации. Вероятно, классическими примерами здесь могут считаться Дж. У. Буш и Т. Блэр, чьи действия в своё время были направлены на создание иллюзии угрозы безопасности США и Великобритании со стороны Ирака для легитимации вторжения в это государство в 2003 г. Также примечательны в этой связи курсы президентов Украины П. Порошенко и В. Зеленского, чья публичная антироссийская и антирусская риторика, безусловно, способствовала сохранению ими власти в государстве, но привела к разжиганию крупнейшего вооружённого конфликта в современной истории Европы;

2) гражданские и военные служащие и должностные лица, участвующие в секьюритизации различных вопросов как уполномоченные представители государства. Фактически это те, кого в англоязычном политологическом дискурсе называют «*foreign policy / security / defense professionals*». Данные лица, находясь на службе у государства, обязаны выявлять потенциальные или уже существующие угрозы безопасности, вырабатывать, принимать (преимущественно во взаимодействии с политиками) и реализовать внешнеполитические, военные и иные решения, направленные на предупреждение или устранение таких угроз. Речевые акты, с помощью которых они осуществляют секьюритизацию, зачастую непубличны и связаны с докладами политическому руководству страны, публикациями аналитических записок и отчётов, разработкой проектов стратегий, концепций и доктрин в сфере внешней политики, обороны и безопасности. Показательным примером в этом плане, по мнению Борозенца, может быть бывший советник по вопросам национальной безопасности и обороны, помощник руководителя Офиса президента Украины (2019 г.) И. Апаршин (Борозенец, 2020), во многом стоявший у истоков современной Стратегии национальной безопасности Украины, в которой

Россия рассматривается как главная угроза¹. Вместе с тем очень часто госслужащие берут на себя роль политиков, используя секьюритизацию внешнеполитических вопросов для борьбы за власть. К примеру, на той же Украине такими можно считать советников Офиса президента А. Арестовича (теперь уже бывшего) и М. Подоляка;

3) комментаторы – лица, обладающие определённым авторитетом или же просто узнаваемостью среди населения страны, при этом не являющиеся ни политиками, ни специалистами в сфере внешней политики, обороны и безопасности, но участвующие в секьюритизации. Это журналисты, блогеры, а также так называемые лидеры общественного мнения или персоны, которые позиционируются в СМИ в качестве таковых. Секьюритизируя какие-либо вопросы, они действуют, как правило, как агенты – в чужих интересах, не стремясь к извлечению личных политических дивидендов, но желая повысить собственную публичность, улучшить восприятие себя в общественном мнении с помощью участия в обсуждении важных политических проблем, став, выражаясь словами К. Доддса, «привилегированными рассказчиками» (Dodds, 1993: 71). Отдельные комментаторы, вероятно, даже обладают впечатляющими знаниями об объектах секьюритизации, но при этом им может не хватать экспертного опыта, квалификации или же просто формального статуса. Например, Н. Михалков и К. Шахназаров обладают большим авторитетом и узнаваемостью среди разных категорий граждан России, а их мнение по внешнеполитическим вопросам имеет значение при публичной секьюритизации, например, украинского направления внешней политики, но сами они не являются ни профессиональными политиками, ни экспертами-международниками;

4) псевдоэксперты – участвующие в секьюритизации лица, которые обладают статусом экспертов в сфере внешней политики и международных отношений или же позиционируют себя в качестве таковых, чьи оценки международно-политической действительности направлены на обоснование, оправдание и легитимацию заранее заданной точки зрения, «а иногда уже принятого политического решения» (Богатуров, 2002: 97). В отличие от комментаторов, которые не претендуют на компетентность своих оценок, псевдоэксперты подчёркивают свою значимость, акцентируют внимание на собственном статусе, говорят об «объективности», «научности», «независимости» и «обоснованности» своих суждений, прогнозов и рекомендаций. Их участие в секьюритизации практически всегда обусловлено волей других акторов политики и служит их интересам. Как отмечает О. Гайдаев, для эффективной секьюритизации требуется «привлечение разного рода "экспертов", позиционирование подаваемой информации как "аналитики"» (Гайдаев, 2019: 62). В связи с этим для имитации экспертного статуса псевдоэксперты часто создают «карманные» аналитические центры с реальным штатом в один-два человека. Это позволяет им участвовать в секьюритизации как «генеральным директорам», «председателям правления», «ведущим аналитикам» и т.п. представителям каких-либо «независимых экспертных» организаций. «Чтобы секьюритизация состоялась, её актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом – быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности» (Володькин, 2019: 84). Наличие псевдоэкспертных структур создаёт иллюзию такого авторитета. Псевдоэксперты и их организации получили большое распространение после 2014 г. на Украине, когда правящий политический режим, аффилированные с ним политические силы и иностранные агенты начали использовать их в целях антироссийской пропаганды и для легитимации евроатлантического внешнеполитического курса страны;

5) эксперты – участвующие в секьюритизации лица, которые в силу сложившихся обстоятельств и (или) личных особенностей обладают эксклюзивными знаниями в определённой предметной области, квалификацией, эрудицией и опытом, а также способностью эффективно применять эти качества для оценки политической действительности, в частности, вопросов внешней политики и международных отношений. От других акторов секьюритизации их отличает наличие претензий на объективную истинность и научную обоснованность суждений об угрозах референтному объекту. Кроме того, как отмечает С. Ясонофф, «чего политики и общество всё больше ожидают от экспертов в области принятия решений, так это способности оценивать разнородные массивы знаний и предлагать сбалансированные мнения, основанные на далеко не совершенном понимании, по вопросам, которые не входят ни в одну конкретную дисциплинарную компетенцию. Суждение в условиях неопределённости и способность выносить это суждение в общественных интересах – главные требования, предъявляемые сегодня к экспертам, которых просят информировать лиц, вырабатывающих по-

¹ Указ Президента Украины №56/2022 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 30 грудня 2021 року «Про Стратегію забезпечення державної безпеки» / Президент України [Электронный ресурс]. URL: https://www.president.gov.ua/documents/562022-41377?_x_tr_sl=uk&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 09.10.2022).

литику» (Jasanoff, 2006). Соответствие этим требованиям, а также заинтересованность СМИ, блогеров и других создателей информационного контента в привлечении экспертов для придания авторитета своим материалам делают из них чрезвычайно влиятельных акторов секьюритизации. Экспертные суждения также становятся всё более значимыми в условиях, когда лица, принимающие внешнеполитические решения, не обладают достаточной компетентностью, а политические институты, участвующие в их выработке и реализации, являются носителями низкой организационной культуры, не позволяющей эффективно оценивать как собственную деятельность, так и международно-политическую действительность. Так, например, на Украине экспертное сообщество и, в частности, представители Национального института стратегических исследований, Центра Разумкова и Совета внешней политики «Украинская призма» внесли значительный вклад в секьюритизацию образа России, последовательно объясняя властям и населению «неизбежность» вооружённого конфликта и необходимость подготовки к нанесению превентивного удара по республикам Донбасса и Крыму.

Эксперты и теория секьюритизации

Эксперты периодически упоминаются в научных трудах по теории секьюритизации. Так, уже в одном из первых – «Безопасность: новая рамка анализа» – Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде отмечали специфический статус экспертов по безопасности, мнение которых «там, где заканчиваются формальные доказательства, оказывается уместным именно потому, что он или она является экспертом, а доказательства неубедительны. В этом эксперт по безопасности больше похож на консультанта по вопросам управления, которого просят оценить ситуацию, чем на традиционного учёного, чьи аргументы имеют значение только в той мере, в какой доказательства убедительны» (Buzan, Waever, Wilde, 1997: 178). В дальнейшем внимание вопросам экспертизы уделяли учёные, представляющие две основные научные школы теории секьюритизации: Копенгагенскую и Парижскую. Достаточно подробный научный обзор их работ с постановкой актуальных проблем для дальнейших научных исследований был подготовлен в 2017 г. Д. Рычновской (Rychnovska, Pasgaard, Berling, 2017). Как отмечает Т. Виллюмсен-Берлинг, Парижская «школа занимается изучением того, как эксперты участвуют в установлении истины и тем самым помогают формировать среду угроз... Согласно Парижской школе, Копенгагенская школа изучает лишь верхушку айсберга, сосредоточив внимание на исключительных мерах. Вместо этого секьюритизация рассматривается как не очень впечатляющая повседневная практика, в которой часто участвуют "эксперты". Это привлекает внимание к статусу и повседневной работе конкретных экспертов по безопасности и представляет собой важную информацию для теории секьюритизации» (Berling, 2011).

Изучение научных работ по теории секьюритизации позволяет выделить несколько её основных положений, которые могут быть успешно использованы для исследований внешнеполитической экспертизы.

Во-первых, секьюритизация представляет собой политический коммуникативный процесс, в ходе которого какая-либо проблема из неполитической становится политизированной, а в дальнейшем секьюритизированной, т.е. рассматривается как экзистенциальная угроза безопасности, требующая принятия определённых мер со стороны государства (Никитина, 2019: 729). В основе этого процесса лежат секьюритизационные шаги / действия («securitizing moves») (Taureck, 2006: 55) – «речевые акты, которые сами по себе не являются секьюритизацией; проблема секьюритизируется только в тот момент, когда соответствующая аудитория принимает идентификацию экзистенциальной угрозы. Многие вопросы секьюритизированы (то есть существует много секьюритизаций), но только тогда, когда применяются чрезвычайные меры для устранения угрозы, в первую очередь приведшей к речевому акту, секьюритизация будет считаться успешной» (Floyd, 2015: 4). В этих условиях эксперты в сфере внешней политики и международных отношений совершают секьюритизационные шаги (консультируют государственные органы, публикуют аналитические записки, выступают в СМИ и пр.) в адрес различных аудиторий, пытаясь представить какие-либо вопросы угрозами референтному объекту, если аудитории принимают такие оценки экспертов, то свершается секьюритизация.

Во-вторых, эффективность секьюритизационных шагов определяется тремя основными факторами: аудиторией, контекстом и особенностям самих акторов секьюритизации. По Т. Бальзаку, «первый [фактор]... состоит из трёх компонентов: (i) система взглядов аудитории; (ii) готовность аудитории быть убеждённой, зависящая от того, воспринимает ли она [аудитория] секьюритизирующего актора как знающего проблему и заслуживающего доверия; и (iii) её [аудитории] способность предоставлять официальный мандат государственным должностным лицам или отказывать в его предос-

тавлении. Второй фактор касается влияния контекста на реакцию аудитории на аргументы секьюритизирующего актора – релевантные аспекты духа времени, влияющие на слушателя, и влияние непосредственной ситуации на то, как слушатель интерпретирует предложения секьюритизирующего актора. Третий фактор включает в себя способность секьюритизирующего актора использовать соответствующие слова и убедительные системы координат в данном контексте, чтобы заручиться поддержкой целевой аудитории в политических целях» (Balzacq, 2005: 192). В этих условиях эксперты могут справедливо считаться одними из наиболее эффективных акторов секьюритизации, поскольку специфический статус обеспечивает им легитимность и доверие аудитории, а квалификация, навыки, опыт экспертизы и социальной коммуникации позволяют максимально эффективно с ней взаимодействовать, распространяя и укрепляя в общественном мнении необходимые секьюритизированные представления.

В-третьих, эксперты являются полноценными акторами секьюритизации, носителями дискурсивной власти, эпистемным сообществом (Коньшев, Сергунин, Субботин, 2016: 105). Их главный ресурс – то, что придаёт силу осуществляемым ими секьюритизационным шагам, – специальные экспертные знания. Именно они «обеспечивают эпистемологическую основу для преобладания секьюритизирующих дискурсов», а их «производители должны продемонстрировать определённый послужной список, [включающий в себя] образовательную подготовку в престижных учебных заведениях, соответствующие звания или ранги, профессиональную принадлежность к соответствующим учреждениям или публикации в признанных... изданиях. Однако доступ к такому послужному списку не обязательно взаимосвязан с определённой профессиональной сферой деятельности» (Scheel, 2002: 6, 8). Таким образом, исходя из данной позиции, экспертом может быть как профессиональный учёный, так и практический специалист и даже, например, журналист – главное, чтобы он обладал знаниями и соответствовал критериям, подтверждающим его специфический статус.

В-четвёртых, эксперты осуществляют секьюритизацию тех или иных вопросов международно-политической действительности, исходя из «воображаемой безопасности» («security imaginary») – по Ю. Вельдес, комплекса «устоявшихся смыслов и социальных отношений, из которых создаются представления о мире международных отношений» (Weldes, 1999a: 10), «государственного представления о мире, воплощённого в речах государственных деятелей и распространённого на все общество, разъясняющего, кто и что такое "мы", кто и какие "наши враги", чем они нам угрожают и как нам лучше всего справиться с этими угрозами» (Weldes, 1999b: 15). Фактически это особая часть геополитической картины мира (Колосов, 2011: 38) экспертов, предметом которой являются вопросы безопасности. Как отмечает С. Гуццини, «в процессе репрезентации и интерпретации событий в мире акторы мобилизуют этот резервуар необработанных значений, встроенных в коллективную память экспертного поля, включая исторические сценарии и аналогии..., а также встроенную субъектную позицию страны в международной системе...» (Guzzini, 2015: 6).

Наконец, участвуя в секьюритизации международно-политических вопросов, «эксперты не просто обслуживают центр [принятия решений], они также способны преследовать свои собственные цели, которые могут быть связаны с локальными интересами или конкретными задачами секторов, в которых они работают» (Andersson, 2021: 28). Таким образом, эксперты могут быть как агентами каких-либо акторов политики, так и действовать самостоятельно, целенаправленно стремясь представить тот или иной объект угрозой безопасности для извлечения дивидендов (политических, материальных, символических). Например, украинским экспертам и аналитическим центрам выгодно максимально секьюритизировать все вопросы, связанные с Россией, поскольку успешная секьюритизация ведёт к увеличению финансирования российского направления украинской внешнеполитической экспертизы как со стороны властей Украины, так и со стороны зарубежных правительств, некоммерческих организаций, политических сил. Более того, содействуя секьюритизации каких-либо вопросов, эксперты могут создавать легитимные основания для учреждения новых направлений внешнеполитической экспертизы: так, в ответ на «красную угрозу» в своё время в США возникла советология, а сейчас на Украине в связи с противостоянием с Россией – «российские студии».

Секьюритизация и экспертный геополитический дискурс

Секьюритизация вопросов внешней политики и международных отношений осуществляется экспертами в рамках особого направления геополитического дискурса, действующими лицами которого они являются, – это экспертный геополитический дискурс. Для определения основных функциональных ролей, которые эксперты могут в нём выполнять, секьюритизируя те или иные вопросы,

автор предлагает применить типологию, разработанную О. Хвостуновой и изложенную в работе «Театр политического дискурса: за кулисами и на сцене» (Хвостунова, 2007).

Эксперты-идеологи. Как отмечает О. Хвостунова, «в задачу экспертов-идеологов в политическом дискурсе входит разработка новых идеологических конструкций и их социальная адаптация в виде этических, правовых норм и политической символики. Эксперты нередко просто переосмысливают уже существующие идеологии. Негативной стороной деятельности экспертов-идеологов может стать политическое мифотворчество, которое тесно связано с искусственным созданием семиотических структур» (Хвостунова, 2007: 161–162). В геополитическом дискурсе эксперты-идеологи участвуют в секьюритизации международно-политических вопросов, на уровне, выражаясь словами Дж. О’Тоала, «формальной геополитики» (Tuathil, 1999: 109–110). Для лиц, вырабатывающих внешнюю политику государства, они формулируют стратегическое, концептуальное видение геополитического прошлого, настоящего и будущего международных отношений, в котором те или иные вопросы позиционируются ими как устойчивые угрозы безопасности нации, государству или мировому порядку. Особенностью секьюритизации, осуществляемой экспертами-идеологами, является её системность: создаваемые и распространяемые ими нарративы, описывающие и «объясняющие» геополитическую действительность, представляют собой целостные повествования, объединённые общей логикой и смыслами. Отсюда и характер угроз, выдвинутых такими экспертами, имеет часто глобальный, фундаментальный масштаб: «англосаксонская угроза», «мир G-Zero», «ревизионизм Китая и России» и т.п. Примерами экспертов-идеологов могут быть Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма и С. Райс в США, А. Дугин и А. Панарин в России, В. Горбулин на Украине.

Эксперты – политические консультанты. Данная группа экспертов занимается текущим аналитико-прогноznым обеспечением акторов политики, «решением актуальных политических вопросов» (Хвостунова, 2007: 161), тактическим сопровождением процесса выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Их деятельность связана с анализом международных ситуаций и оценкой курса внешней политики государства, а участие в геополитическом дискурсе связано с созданием и распространением нарративов и, уже, секьюритизированных представлений о различных вопросах международно-политической действительности на его «практическом», «среднем» уровне (Колосов, 2011: 35). Это осуществляется как посредством личного общения с лицами, принимающими внешнеполитические решения, так и путём публикации различных продуктов внешнеполитической экспертизы: аналитических записок, справок, докладов, отчётов и т.п. Эксперты-консультанты имеют возможность непосредственно доносить и навязывать свои секьюритизированные представления акторам политики, которые зачастую воспринимают данные решения некритично, поскольку специально наняли консультантов для ликвидации пробелов в собственной компетентности. При этом консультируют акторов не только отдельные эксперты, но и экспертные структуры (аналитические центры, научные учреждения), коллективные представления которых основываются, в том числе, и на общих идеологических убеждениях или научно-теоретических предпочтениях их членов (либертарианская RAND Corporation, реалистский Stratfor, националистический Фонд «Демократические инициативы», консервативный Институт Собесского и др.). При этом если эксперты-идеологи предлагают фундаментальные рекомендации по ведению внешней политики, дают комплексное видение международных отношений, то консультанты просто действуют, ориентируясь на конкретные проблемы, требующие решения здесь и сейчас, а потому и определяемые ими «угрозы» референтному объекту часто являются не такими устойчивыми, зависят от обстоятельств.

Эксперты-адвокаты. Как отмечает О. Хвостунова, «деятельность по легитимации должна сопровождаться внятной аргументацией, агентами которой выступают эксперты-адвокаты. Легитимация не требует от эксперта глубоких знаний, но для неё необходим опыт, профессионализм, понимание психологии общественных групп, чёткое представление о ходе политических процессов и о расстановке сил на политической арене, а также разнообразный арсенал средств политического пиара. В процессе легитимации принципы профессиональной ответственности эксперта могут вступить в конфликт с представлениями об общественных интересах и благах – искусство политического лукавства оборачивается манипуляциями общественным мнением» (Хвостунова, 2007: 163). Такое определение экспертов-адвокатов делает их тождественными псевдоэкспертам, что размывает суть проблемы внешнеполитической псевдоэкспертизы и одновременно вешает ярлык манипуляторов на целый класс специалистов. Решение этой проблемы автор видит в подходе к публичному аффилированию, которого придерживаются эксперты в своей деятельности, а также в проистекающем из этого вопросе о независимости / предвзятости оценок международно-политической действительности. Если эксперт публично позиционирует себя как лицо, аффилированное с какой-либо политической партией, госу-

дарственным органом, конкретным политиком или другим актором, и даёт оценки происходящему с точки зрения этого актора, его интересов и идеологии, такие экспертные суждения являются адвокацией и не могут считаться псевдоэкспертизой. Если же эксперт целенаправленно позиционирует себя как независимого и объективного, при этом делает всё вышеперечисленное, то он занят псевдоэкспертизой и введением общества в заблуждение. Секьюритизационная специфика участия экспертов-адвокатов в геополитическом дискурсе проявляется в содействии формированию и трансляции общественности секьюритизированных представлений актора, с которым они аффилированы, о международно-политической действительности. Вероятно, наилучшими примерами здесь являются Международный республиканский институт (IRI) и Национальный демократический институт по международным вопросам (NDIFIA), тесно связанные Республиканской и Демократической партиями США соответственно и формирующие и транслирующие их взгляды на угрозы национальной и международной безопасности при осуществлении публичной внешнеполитической экспертизы.

Заключение

В современной политологии теория секьюритизации устоялась как эффективный и достаточно распространённый исследовательский подход к вопросам международной безопасности. Результаты проведённого обзорного исследования свидетельствуют о том, что она может быть также применена и при изучении внешнеполитической экспертизы, чего пока ещё практически не наблюдается. Ни в западной, ни в отечественной политической науке эксперты в сфере внешней политики и международных отношений до сих пор не рассматриваются как отдельный, самостоятельный актор секьюритизации. Предпочтение отдаётся «экспертам по безопасности» и другим акторам.

В это же время категориальный аппарат и основные положения теории секьюритизации позволяют в полной мере изучать специфику участия экспертов-международников в формировании и распространении представлений об «угрозах» различным референтным объектам (государствам, идентичностям, внешнеполитическим курсам и др.), а также рассматривать внешнеполитическую экспертизу как особую сеть, эпистемное сообщество, участвующее в геополитическом дискурсе и секьюритизирующее вопросы внешней политики и международных отношений.

Обзор исследований показал, что эксперты и экспертные структуры могут рассматриваться как полноценные акторы секьюритизации. Своё видение проблем безопасности и конкретных угроз своим референтным объектам они формулируют и транслируют аудитории, исходя из представлений о безопасности, содержащихся в их геополитических картинах мира («воображаемая безопасность»), и с учётом актуальных целей, которые ставят перед ними как акторы политики, так и сами они, исходя из своих личных или иных, в т.ч. корпоративных, интересов.

В основе поистине привилегированного положения экспертов как действующих лиц секьюритизации лежит их особый статус в обществе и его политической системе. Обладая в глазах и политических элит, и остального населения эксклюзивными знаниями, опытом, компетенцией и авторитетом, эксперты-международники пользуются общим доверием для эффективного распространения секьюритизированных представлений. Совершая «секьюритизационные шаги» в адрес различных аудиторий, они содействуют легитимации решений, направленных на противодействие мнимым или реальным угрозам безопасности. Как показывает практика, эти угрозы определяются и озвучиваются экспертами на всех уровнях геополитического дискурса: в идеологиях и фундаментальной науке, практических рекомендациях акторам политики и доктринальных документах, в публичных выступлениях – и могут иметь как ситуативный, так и концептуальный, стратегический характер.

Специфическое положение экспертов в геополитическом дискурсе не только делает их исключительно влиятельными акторами секьюритизации, но и ставит перед ними ряд проблем. Вероятно, важнейшая из них – это проблема внешнеполитической псевдоэкспертизы и её соотношения с адвокативной деятельностью, грань между которыми достаточно тонка и в значительной мере может определяться особенностями публичного аффилирования.

Дальнейшее применение теории секьюритизации в исследованиях внешнеполитической экспертизы может привести к следующим позитивным последствиям для отечественной политологии:

- в теоретическом плане может получить развитие научное представление о внешнеполитической экспертизе как о специфической сети, участвующей в геополитическом дискурсе государства и через него влияющей на внешнюю политику, путём воздействия на геополитическую картину мира, существующую в сознании как широкой общественности, так и политических элит, в частности, лиц, занимающихся выработкой, принятием и реализацией решений в сфере внешней политики, обороны

и безопасности. Такой подход органично сочетается с научным видением внешнеполитической экспертизы в рамках других политологических теорий, в частности, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса и критической геополитикой Дж. О’Тоала. Новую область применения в политической науке могут найти политический дискурс-анализ, лингвополитический анализ, контент-анализ, драматургический анализ и другие междисциплинарные методы исследований, объектами которых могут являться секьюритизирующие речевые акты с участием экспертов и экспертных структур. Может появиться дополнительная возможность сместить внимание исследователей внешнеполитической экспертизы с её отдельных институтов на те секьюритизированные представления о международно-политической действительности, которые они транслирует общественности и элитам;

- в практическом плане изучение секьюритизационных шагов и в целом секьюритизирующих речевых актов, в которых участвуют эксперты-международники и экспертные структуры, может способствовать более глубокому пониманию того, как и на основании чего формируются представления лиц, принимающих внешнеполитические решения, в сфере безопасности, какие каналы для этого используются, какую роль в этом процессе играет псевдоэкспертиза.

Список литературы / References

- Богатуров, А. Д., Косолапов, Н. А., Хрусталёв, М. А. (2002) *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. Москва: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. [Bogaturov, A. D., Kosolapov, N. A., Khrustalev, M. A. (2002) *Essays on the theory and political analysis of international relations* [Oчерki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh odnoshenii]. Moscow: Nauchno-obrazovat. forum po mezhdunar. odnosheniyam. (In Russ.)].
- Борозенец, Д. И. (2020) ‘Контент-анализ политического текста как метод определения базовых концептов политической картины мира эксперта-политолога (на примере высказываний И. М. Апаршина)’, *Парадигмы истории и общественного развития*, 19, сс. 62–67. [Borozenets, D. I. (2020) ‘Content-Analysis of Political Texts as a Method for Finding Basic Concepts of Political Expert’s Picture of the World (on Example of I. M. Aparshin)’ [Kontent-analiz politicheskogo teksta kak metod opredeleniya bazovykh konceptov politicheskoy kartiny mira eksperta-politologa (na primere vyskazyvaniy I. M. Aparshina)], *Paradigms of history and social development*, 19, pp. 62–67. (In Russ.)].
- Володькин, А. А. (2019) ‘Значение теории секьюритизации О. Уивера и Б. Бузана для изучения внешней политики государств Балтии в постсоветский период’, *Беларусь в меняющемся мире: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции*, сс. 82–87. [Volodkin, A. A. (2019) ‘Applications of the Securitization theory of B. Buzan and O. Waever to the Study of the Foreign Policy of the Baltic States in the Post-Soviet Period’ [Znachenie teorii sek'yuritizatsii O. Uivera i B. Buzana dlya izucheniya vneshnej politiki gosudarstv Baltii v postsovetskij period], *Belarus in a Changing World: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 82–87. (In Russ.)].
- Гайдаев, О. С. (2019) ‘Эволюция и современный этап развития теории секьюритизации в контексте глобального информационно-психологического противоборства’, *Youth World Politic*, 1, сс. 57–67. [Gaidaev, O. S. (2019) ‘Evolution and Current State of Securitization Theory in the Context of Global Psychological Warfare’ [Evolyuciya i sovremennyy etap razvitiya teorii sek'yuritizatsii v kontekste global'nogo informacionno-psihologicheskogo protivoborstva], *Youth World Politic*, 1, pp. 57–67. (In Russ.)].
- Колосов, В. А. (2011) ‘Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России’, *Политическая наука*, 4, сс. 31–52. [Kolosov, V. A. (2011) ‘Critical Geopolitics: Main Concepts and Field Experience in Russia’ [Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii], *Political science*, 4, pp. 31–52. (In Russ.)].
- Коньшев, В. Н., Сергунин, А. А., Субботин, С. В. (2016) ‘Социальный конструктивизм о проблемах безопасности’, *Теории и проблемы политических исследований*, 3, сс. 94–112. [Konyshchev, V. N., Sergunin, A. A., Subbotin, S. V. (2016) ‘Social

- Constructivism on Security Problems' [Social'nyj konstruktivizm o problemah bezopasnosti], *Theories and problems of political research*, 3, pp. 94–112. (In Russ.).
- Никитина, Ю. А. (2019) 'Теория секьюритизации в анализе политики', в: Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) *Современная политическая наука. Методология*, сс. 728–741. [Nikitina, Yu. A. (2019) Securitization Theory in Policy Analysis [Teoriya sek'yuritizacii v analize politiki], *Contemporary political science. Methodology*, Moscow: Aspect Press, pp. 728–741. (In Russ.)].
- Хвостунова, О. (2007) 'Театр политического дискурса: за кулисами и на сцене', в *Реснянская, Л. Л. (ред.) СМИ и политика*, сс. 154–226. [Khvostunova, O. [Theater of Political Discourse: behind the Scenes and on Stage [Teatr politicheskogo diskursa: za kulisami i na scene], in: Resnyanskaya, L. L. (eds.) *Media and Politics*, Moscow: Aspect Press, pp. 154–226. (In Russ.)].
- Andersson, P. S. (2021) *Why Does China Seek Arctic Minerals? Categories as Tools for Shaping and Navigating Foreign Policy and Industrial Development Priorities*. PhD thesis. Aalborg Universitet.
- Balzacq, T. (2005) 'The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context', *European Journal of International Relations*, 11(2), pp. 171–201.
- Balzacq, T., Léonard, S. & Ruzicka, J. (2016) "Securitization" Revisited: Theory and Cases', *International Relations*, 30 (4), pp. 494–531.
- Berling, T. V. (2011) 'Science and securitization: Objectivation, the authority of the speaker and mobilization of scientific facts', *Security Dialogue*, 42 (4–5), pp. 385–397. DOI: 10.1177/0967010611418714.
- Buzan, B., Wæver, O. & De Wilde, J. (1997) *Security: A new framework for analysis*. Lynne Rienner Publishers Inc.
- Casarini, N. & Musu, C. (eds.) (2007) *European Foreign Policy in an Evolving International System: the Road Towards Convergence*. Springer.
- Dodds, K.-J. (1993) 'Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy', *Area*, 25(1), pp. 70–74.
- Floyd, R. (2015) 'Extraordinary or ordinary emergency measures: what, and who, defines the "success" of securitization?', *Cambridge Review of International Affairs*, 29(2), pp. 677–694. DOI: 10.1080/09557571.2015.1077651.
- Guzzini, S. (2015) *Foreign policy identity crises and uses of the "West"*. DIIS Working Paper.
- Jasanoff, S. (2006) 'Judgment Under Siege: The Three-Body Problem of Expert Legitimacy', *Sociology of the Sciences Yearbook*, pp. 209–224. DOI: 10.1007/1-4020-3754-6_12.
- Middleton, A. (2016) 'Populist radical right parties and the securitization of migration in France', *Independent Study Project (ISP) Collection*. 2430. Available at: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2430 (Accessed: 15 December 2022).
- Neo, R. (2020) 'The securitisation of fake news in Singapore', *International Politics*, 57(4), pp. 724–740.
- Rychnovská, D., Pasgaard, M. & Berling, T. V. (2017) 'Science and security expertise: Authority, knowledge, subjectivity', *Geoforum*, 84, pp. 327–331. DOI: 10.1016/j.geoforum.2017.06.0.
- Salter, M. B. (2008) 'Securitization and desecuritization: a dramaturgical analysis of the Canadian Air Transport Security Authority', *Journal of International Relations and Development*, 11(4), pp. 321–349. DOI: 10.1057/jird.2008.20.
- Scheel, S. (2020) 'Reconfiguring Desecuritization: Contesting Expert Knowledge in the Securitization of Migration', *Geopolitics*, pp. 1–27. DOI: 10.1080/14650045.2020.1774749.
- Taureck, R. (2006) 'Securitization theory and securitization studies', *Journal of International Relations and Development*, 9 (1), pp. 53–61. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800072/.
- Tuathail, G. Ó. (1999) 'Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society', *The Journal of Strategic Studies*, 22, pp. 107–124, DOI: 10.1080/01402399908437756.
- Weldes, J. (1999) *Constructing National Interests: The United States and the Cuban Missile Crisis*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Weldes, J. (1999) *Cultures of insecurity: states, communities, and the production of danger*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.01.2023

Статья принята к печати: 11.04.2023

**FOREIGN POLICY EXPERTISE:
THE RESEARCH POTENTIAL OF THE SECURITIZATION THEORY**

O. V. Onopko

O. V. Onopko, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Donetsk State University.

E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID: 0000-0001-5569-8256).

Abstract

The article is a scientific review of the studies of securitization theory, aimed at identifying its possible application to the study of foreign policy expertise. The study characterizes the main actors of securitization of international political issues; highlights the key provisions of securitization theory, which can be used to study foreign policy expertise; offers the author's interpretation of O. Khvostunova's typology of political experts regarding securitization in the framework of expert geopolitical discourse. The findings show that the application of securitization theory can contribute to the development of the scientific notion of foreign policy expertise as a specific network of experts engaged in the geopolitical discourse of the state and influencing foreign policy through it. It happens by having an effect on the geopolitical view of the world of both the political elite and the masses. In the future, the study of securitization steps and securitizing speeches in general can contribute to a deeper understanding of how and on what basis perceptions of foreign policy of decision makers in the security field are formed, what channels are used for this purpose, what role foreign policy expertise and pseudo-expertise play in this process.

Keywords: foreign policy expertise; foreign policy; securitization theory; geopolitical discourse.

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-133-141

ПОСТКАПИТАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕВЫХ: ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Шефер

Шефер Александр Александрович, аспирант, факультет политологии, кафедра российской политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
E-mail: shefer.a97@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8014-5730).

Аннотация

Предметом анализа является теория посткапитализма как совокупности идей и течений, характеризующих предпосылки трансформации капитализма в новую стадию социально-экономических отношений в перспективе. На фоне усиливающегося мирового кризиса, девальвирующего неолиберальную систему, проблематика дальнейшего развития мировой политики и экономики становится особенно острой. Автор рассматривает политические теории современных левых через призму их взгляда на развитие посткапиталистической формации. Проведенный анализ показал тенденцию кризиса современной левой мысли (в первую очередь – на Западе) и её трансформацию в русло анархизма, левого либертарианства, альтерглобализма и пр. Обобщенно современные левые теоретики и активисты видят построение формации, следующей за капитализмом, через создание сетей локальных сообществ, не имеющих вертикального контроля. Одним из главных принципов построения новой системы отношений они считают полную ликвидацию человеческого труда с заменой его роботизированным производством. Человеку при этом предлагается перейти на Безусловный базовый доход (ББД) – стабильные социальные выплаты.

Ключевые слова: посткапитализм; неолиберализм; новые левые; анархо-локализм; экологическое движение; левый акселерационизм; безусловный базовый доход; левая теория.

Глобальный финансовый кризис 2008 г. вызвал массовое недовольство людей по всему миру неолиберальной капиталистической системой, сложившейся в течение 30 лет. Мировая волна недовольства пороками капитализма отражается во многих социальных исследованиях: так, в опросе Trust Barometer, проведенном в 2020 г., приняли участие более 34 тыс. человек в 28 странах мира. Результаты получились следующими: 56% опрошенных согласны с тезисом, что капитализм в его нынешнем виде приносит больше вреда, чем пользы. Самое большое количество разочаровавшихся оказалось в Тайланде (75%) и Индии (74%), не менее высокими показателями отличились, на первый взгляд, благополучные страны Европы: Франция (69%), Италия (61%), Испания (60%), Нидерланды (59%), Ирландия (57%), Германия (55%), Великобритания (53%) и Сингапур (54%)¹. В связи с разочарованием капиталистической системой возникают симпатии к альтернативной ей социалистической системе. Так, в США, казалось бы, главной твердыне “мировой буржуазии”, среди молодого поколения (представители поколения миллениалов) практически половина опрошенных – 49,6% – хотели бы жить в социалистическом государстве (всего по стране о таком желании заявили 37,2% опрошенных), как сообщает исследовательский центр Harris Poll². Россия здесь тоже не стала исключением: опрос, проведенный в 2019 г. Центром независимой общественной экспертизы «АКСИО», показал, что 51,3% опрошенных россиян хотят жить при социализме, примерно 40,6% – поддерживают социал-демократию³. Все вышеперечисленные показатели социальных настроений позволяют сделать вывод о общемировой тенденции роста отрицательного отношения к неолиберальной капиталистической системе. При всем этом можно наблюдать кризис коммунистического и социал-демократического движения на Западе, которые практически полностью ушли с политической арены

© Шефер А. А., 2023

¹ Global Report Edelman Trust Barometer. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 23.04.2022).

² Kight, S. W. Exclusive poll: Young Americans are embracing socialism. URL: <https://www.axios.com/2019/03/10/exclusive-poll-young-americans-embracing-socialism> (дата обращения: 23.04.2022).

³ В России абсолютное большинство хочет жить при социализме – опрос URL: <https://regnum.ru/news/society/2776939.htm> (дата обращения: 23.04.2022).

после студенческих протестов 1968 г.¹. При этом “Призрак коммунизма” нашего времени, а также политическая несостоятельность классических левых заставили часть интеллектуалов и общественных деятелей на Западе переосмыслить марксистскую политическую мысль и рецепты по изменению системы социально-политических отношений, которые она предлагает. Среди наиболее активных выделяются британский журналист и активист П.Мейсон, канадские политологи Н.Срничек и А.Ульямс, американский антрополог Д.Грэбер и др. Данные мыслители развивают дискурс политической концепции посткапитализма. Под посткапитализмом здесь надо понимать совокупность концептов и течений, выявляющих и анализирующих предпосылки перехода к новой стадии экономических отношений в будущем (Давыдов, 2020а: 10). Исследователи данного направления приходят к общему выводу, что современная капиталистическая система зашла в тупик и больше не может удовлетворять потребности большинства, равно как и тормозит научно-технический прогресс, поэтому необходим радикальный пересмотр сложившейся системы. В данной статье рассмотрено формирование взглядов современных западных левых на формирование нового посткапиталистического общества.

Базисными для теоретиков посткапитализма являются политико-философские идеи новых левых, а также европейских и американских леворадикалов и родственных им движений экоактивистов, сквоттеров, антиглобалистов и пр. В частности, посткапиталисты берут за основу анархистскую идею о создании автономных локальных взаимодействующих сообществ, не имеющих единого административного центра. Такая идея перехода от института государства к институту локальных сообществ заимствована у французских философов-постструктуралистов Ж.Делёза и Ф.Гваттари (Делёз и Гваттари, 2007: 672), разработавших концепт “детерриторизации” – особой формы пространственных организаций человеком мира. Детерриторизация основана на двух аспектах: во-первых, на представлении о том, что явление детерриторизации исторически вторично по отношению к первично не разграниченному, “детерриторизированному” пространству; во-вторых, о желании символизации пространства, раскалывающего целостного индивида (Соловьева, 2009: 126–127). Эту концепцию переняли левые и анархистские движения Европы и США, такие как французская группа “Социализм или Варварство”(К.Касториadis, К.Лефор, Ж.Женетт и др.)² и американская “Джонсон-Форест” (С.Джеймс, Р.Дунаевская) (Дунаевская, 2011: 481), которые критиковали советскую систему за догматизм, централизм и бюрократизм. Подлинной целью рабочего движения леворадикалы считали автономизм и сетевизацию автономий как подлинную свободу и главный фактор упразднения государства как института угнетения.

Немалую роль в развитии данной идеи также сыграл американский философ и социолог М.Букчин – автор концепции либертарного социализма. Букчин критиковал систему промышленного капитализма не только за распространение дешевых товаров и нарушение экологии. Главные пагубные последствия развития капиталистического строя философ видел в появлении наций и государств, а также в тотальном урбанизме, разрушившем «гражданственность» (citizenship) и институт политического участия граждан в жизни города. Индивид в результате промышленной революции утратил себя как базовый элемент социума, от воли которого зависит развитие сообщества, и превратился в пассивного потребителя, забывшего ценность стремления к свободе (Bookchin, 1992: 228). В качестве решения данной проблемы М.Букчин предложил передать власть от институтов государства обратно к общественным объединениям – советам, городским и сельским собраниям. Современные государства как иерархические и централизованные системы с аппаратом подавления должны смениться сетью локальных эко-сообществ (Крымов, Романовская, 2021: 20). Процесс отказа от капиталистической формации должен сопровождаться, по мнению американского философа, возрождением принципов античной демократии, а именно: 1) открытость и доступность насущных вопросов для понимания и решения обычных граждан; 2) ликвидация армии и полиции как аппарата насилия и замена их народной милицией, являющейся гарантом защиты гражданских свобод (по аналогии с древнегреческими гоплитами с собственным оружием и выборным командованием). По мнению Букчина, деградация демократических институтов в Античной Греции сопровождалась укреплением олигархии, формированием профессиональной армии с массовым разоружением народа (Bookchin, 1992: 285).

В дальнейшем многие идеи экологизма и либертарного социализма Букчина получили распространение на Западе. В США в начале 1970-х зародилось движение культуры DIY (“сделай сам”), проповедовавшей экологизм и самодостаточное от рыночного общества потребление существование человека. Столпом течения стал журнал футуриста и эколога С.Брэнда “Каталог всей Земли” (The

¹ Жиленков, М. (2019) Левые в Европе: поражение вместо победы. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7b84e571> (дата обращения: 25.04.2022).

² van der Linden M.M. (1997) Socialisme ou Barbarie: A French Revolutionary Group (1949–1965). URL: <http://www.left-dis.nl/uk/lindsob.htm> (дата обращения: 26.04.2022).

Whole Earth Catalog)¹. Эта культура впоследствии дала толчок развитию движения за свободное программное обеспечение, которое ставило главной своей целью ликвидацию системы патентного права. Один из основателей движения Р. Столлман констатировал конкурентное преимущество крупных мегакорпораций по производству программного обеспечения в сравнении с небольшими командами программистов: “У каждой из них [мегакорпораций] тысячи патентов, и компании взаимно лицензируют их друг с другом. Это дает им преимущество перед меньшими соперниками, которые не в состоянии делать то же самое. Вот почему мегакорпорации выступают за патенты на программы”². В связи с этим Столлман и его сторонники продвигают “свободное” программное обеспечение с открытым исходным кодом, иными словами, данное движение носит характер хакерского или “информационного” анархизма, который активно набирает популярность среди работников постиндустриального сектора экономики (Давыдов, 2020а: 28–29).

Ещё одним идеологическим основанием для идеи посткапитализма является теория “коммунизма знаний” французского философа А. Горца, ещё одного яркого представителя левых радикалов. Согласно Горцу, в современном капитализме растет ценность знаний – оно фактически стало новым капиталом, наряду с капиталом материальным. Но между ними есть радикальная разница: в отличие от производства материального продукта, знание – результат спонтанного, неконтролируемого творчества. Потребление знания имеет свою специфику: оно не означает поглощение знания, какое имеет место в первом случае, а скорее его приращение (например, в полемике между учёными). Поэтому знание должно стать всеобщим безвозмездным достоянием. Именно такую экономику знаний Горц и называет “коммунизмом знаний” (Давыдов, 2020а: 29). Поэтому он тоже симпатизирует различным хакерам и борцам за свободное программное обеспечение. Ликвидация патентного права помогла бы избавиться от системы рентных отношений, благодаря которой небольшой слой буржуазии извлекает прибыль с зависимых от них работников интеллектуального труда. “Свободный способ производства знания, – пишет Горц, – вылился бы в общинную экономику, где социальные отношения были бы противоположны товарно-денежным отношениям стоимости в политэкономии капитализма” (Горц, 2012: 107).

Другое немаловажное явление, которое сторонники взяли на вооружение, – популяризация безусловного базового дохода (ББД) т.е. фиксированной ежемесячной выплаты каждому гражданину вне зависимости от его социального положения. Идею выдвинули бельгийские политические философы Ф. Ван Парайс и Я. Вандерборхт (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 440), доказывая, что данная мера поможет выправить материальное положение прекариата (слоя наемных работников, не имеющих устойчивого положения). Мыслители уверены, что в перспективе ББД позволит перейти из капитализма в коммунистическое общество, минуя социалистическую фазу. Данную тему подхватили и другие современные ученые, такие как американский антрополог Д.Грэбер, призывающий в своей книге “Бредовая работа” ликвидировать бесполезные, по его мнению, профессии типа лоббиста, менеджера, консультанта и пр., переведя освободившегося от работы человека на пособие ББД (Graeber, 2018).

В России также есть политические и интеллектуальные деятели, разделяющие современный западно-левый проект. Среди таковых можно выделить философа А. Майданского, сторонника автоматизации производства вещественного труда (Майданский, 2013), или уральских марксистов А. Коряковцева и С. Вискунова, отстаивающих в своей работе “Марксизм и полифония разумов” идею ликвидации труда, которая, по их мнению, позволит человеку реализовать “чувственно-духовную деятельность” (Коряковцев и Вискунов, 2017: 649). Схожих взглядов придерживался и другой российский философ и культуролог В. Межуев, являясь апологетом идеи об освобождении человека от абстрактного труда в пользу интеллектуальной деятельности (Межуев, 1991: 85). С некоторыми оговорками эту идею продвигает российский социолог и видеоблогер Б. Кагарлицкий. Во многих своих работах он критикует концепции левых постмодернистов М.Хардта, А. Негри и др. (Hardt and Negri, 2000), анархистское движение в целом, но однако сам при этом не является сторонником вертикальных централистских институтов – весь централизм его концепции сводится к проблемам координации и тактики рабочего движения (под которыми подразумевается сеть из нескольких “очагов” протеста). Государство Кагарлицкий признаёт как главного агента движения к социалистическому будущему: «Государство как структура, обеспечивающая демократическую координацию, остается необходимостью в любом социалистическом проекте, как бы серьезно мы не относились к угрозе его бюрократического перерождения» (Кагарлицкий, 2007: 544). Но при этом такое государство должно

¹ Агашанова, Н. «Каталог всей Земли». Кто такой Стюарт Бранд, и как его идеи продолжают менять наш мир. URL: <https://esquire.ru/life-style/62032-whole-earth-catalog/> (дата обращения: 28.04.2022).

² Stallman, R. Bill Gates and other communists. URL: <https://www.zdnet.com/article/bill-gates-and-other-communists/> (дата обращения: 28.04.2022).

быть лишено централизма, вплоть до его деполитизации, и на первый план выходят сетевые структуры: ”Смысл сетевых структур в том, чтобы заменить рынок в качестве стихийного регулятора и координатора человеческой хозяйственной деятельности” (Кагарлицкий Б., 2007: 545). Представители школы ”критического марксизма” А. Бузгалин и А. Колганов, хотя полностью и не отказываются от государства как института, тоже мыслят в тренде анархо-локализма, поскольку рассматривают ”царство свободы” именно как совокупность сетевой самоорганизации творческих личностей. Государство, по их мнению, будет заниматься селективным (т.е. ограниченным по методам и сферам применения) планированием (Бузгалин и Колганов, 2017: 29–43). Иными словами, нужно сократить влияние государственных институтов для повышения роли социальных движений и неправительственных организаций (Бузгалин и др., 2015: 3–13).

Так или иначе, на сегодняшний день главными ”архитекторами” концепции посткапитализма являются канадские ученые Н.Срничек и А.Уильямс, написавшие на эту тему ряд работ – как отдельных (”Капитализм платформ”) (Срничек, 2020), так и совместных (”Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда”) (Срничек и Уильямс, 2019), а также систематизировав свои идеи в ”Манифесте левого акселерационизма” (Срничек и Уильямс, 2018: 7–20). В своих работах Срничек и Уильямс в основном аккумулируют дискурс представителей лево-анархистских движений, о которых говорилось ранее. Однако, в отличие от предшественников, они оказались критично настроены к анархистской идее о ликвидации государства, а также других направлений леворадикального характера. Вместо этого они выдвигают идею ”народной политики”. Они пишут, что ”в противоположность абстрактности и бесчеловечности капитализма, народная политика стремится свести политику к ”человеческому масштабу”, подчеркивая ее временную, пространственную и концептуальную непосредственность... Во временном аспекте современная народная политика обычно остается реактивной (отвечает на действия корпораций и правительства, вместо того чтобы инициировать их самой); игнорирует долгосрочные стратегические цели, предпочитая тактику (выбирает один вопрос и мобилизуется вокруг него или делает акцент на процессе достижения цели)” (Срничек и Уильямс, 2019: 22). То есть Срничек и Уильямс под понятием ”народная политика” обобщенно подразумевают тенденцию к деградации левого политического движения. Эта деградация имеет два аспекта: во-первых, это разочарование в иерархических и бюрократических структурах, а отсюда – и скептицизм по отношению к государству и партиям. Во-вторых, сокращение индустриального рабочего класса и его деградация. Отсюда и произошел переход к локальным группам с горизонтальной структурой, а политическая повестка – с борьбы за права рабочих сменилась на борьбу за права меньшинств и борьбу против буржуазной культуры (феминизм, ЛГБТ-движения, движения за права чернокожих, экологи и т.д.). Именно все эти движения, борющиеся за построение новой посткапиталистической реальности, Срничек и Уильямс и включают в ”народную политику”, которая выражается в локальности и ситуативности. По мнению мыслителей, именно поэтому все новые левые и околовые течения не могут ничего противопоставить гегемонии неолиберального капитализма т.к. они несоразмерны этой гегемонии. Вследствие этого все начинания этих течений повсеместно проваливаются, к примеру, построение трудовой ”коммуны” или ”артели” не ликвидирует капиталистическую систему – на макроуровне они вынуждены подстраиваться под логику капитализма (Давыдов, 2020b: 8–9).

Вследствие недееспособности течений левого и анархо-локалистского толка, Срничек и Уильямс призывают создать глобальный универсалистский проект, нацеленный на создание нового прогрессивного общества в масштабах всего мира. Такая попытка создания контрпроекта ими сделана в ”Манифесте акселерационизма”. На вопрос ”Как построить левую контрегегемонию?” Срничек и Уильямс призывают взять пример с построения неолиберальной гегемонии: впервые термин ”неолиберализм” был употреблен в 1938 г. в Париже, на встрече экономистов - противников государственного регулирования экономики. Встреча получила название ”Коллоквиум Уолтера Липпмана”. В 1947 г. создается общество ”Мон Пелерин”, члены которого поставили главной целью распространение неолиберальных идей. В качестве инструмента пропаганды была создана сеть аналитических центров, таких как Американский институт проблем предпринимательства, сотрудники которых активно внедрялись в политическую элиту Соединенных Штатов в качестве советников и консультантов, а также широко распространяли идеи неолиберализма в СМИ. Таким методами неолиберальная доктрина постепенно занимала всё большее положение в политическом дискурсе, и с наступлением экономического кризиса в 1970-е гг. взяла инициативу и превратилась в гегемонию (Срничек и Уильямс, 2019: 90). Урок неолиберализма должен, по мнению Срничека и Уильямса, показать левым необходимость выстраивать свою ”дискурсивную гегемонию”, идею формирования нового посткапиталистического смысла.

Также Срничек и Уильямс в своих работах предлагают свои методы по слому капиталистической системы: главными пороками в неолиберальном капитализме они считают не сверхэксплуата-

цию рабочих или массовую безработицу, а существование человеческого труда как такового, поэтому выступают за полную его автоматизацию. Для идеологов акселерационизма главным постулатом становится не логика извлечения прибавочной стоимости как у классических марксистов, а логика освобождения от труда. Оставшиеся рабочие места акселерационисты предлагают поделить между всеми рабочими и значительно сократить рабочий день, перейдя на систему выделения безусловного дохода каждому. В новом “посттрудо­вом обществе” акцент теперь будет смещен с трудовой деятельности человека на творческую, а также на социальную работу (уход за людьми и т.д.). При этом Срничек и Уильямс прямо пишут, что с приходом посттрудо­вого общества человечество неизбежно столкнется с переизбытком населения, которое обязательно придет с автоматизацией труда, и левое движение неизбежно должно к этому готовиться (Срничек и Уильямс, 2019: 126). Правда, на вопрос “как решить данную проблему?”, авторы ответа не дают. Для них посткапиталистический мир отнюдь не царство праздности – это мир свободы, где каждый сам определяет свою жизнь (Давыдов, 2020а: 12). Схожей позиции придерживается и британский экономист, научный сотрудник Баллиол-колледжа Оксфордского университета Д. Саскинд в работе «Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться». Он проводит мысль, что человеческому сообществу предстоит научиться конструктивно взаимодействовать с высокими технологиями либо переходить в сферы, связанные с заботой о человеке.

Обобщенно именно так и выглядит современный левый дискурс относительно вопроса построения посткапиталистической формации, или выражаясь категориями Маркса, рецепт перехода из “царства необходимости” в “царство свободы”. Фактически многочисленные теоретики и активисты подвергли жесткому пересмотру идеи Маркса и его последователей в пользу его ранних работ об отчуждении, а отдельные представители данного сообщества уходят в откровенный анархизм с его локализмом и упразднением крупных производств. Однако же сам Маркс об идее построения посткапиталистического (коммунистического) общества писал следующее: “Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют этот обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила” (Маркс, 1962: 387). Стоит обратить внимание, что автор “Капитала” в первую очередь выделяет такие категории, как “коллективный человек” и “ассоциированные производители”, которые должны “рационально регулировать” обмен с природой и ставить “под общий контроль”. Из этого становится ясно, что речь идет о больших централизованных политических институтах, контролирующих всеобщий трудовой процесс. Ф. Энгельс видит переход из “царства необходимости” в “царство свободы” – победу людей над господствующими силами природы и возможность им самим творить свою историю (Энгельс, 1961: 227–228). Очевидным становится факт, что человеческий социум не в силах возобладать над внешними обстоятельствами без централизованного управления и контроля, поэтому классики марксизма отрицают саму возможность идти по сценарию анархистов и утопистов. То же самое касается и вопроса труда – Маркс отвергает идею, что человек должен полностью освободиться от труда. Труд должен лишь свестись к минимуму, и основное условие его минимизации – сокращение рабочего дня (Маркс, 1952: 236–307). Ну и, конечно, известная многим формула Энгельса “труд создал из обезьяны человека” (Энгельс, 1988) говорит о важности социальной составляющей труда, которую так игнорируют левые акселерационисты в наше время.

Стоит отметить немаловажный факт, что идеи современных левых акселерационистов популярны среди представителей западных элит, в первую очередь, среди глав крупнейших IT-компаний и других высокотехнологичных корпораций. Ярким примером служат И. Маск, американский венчурный предприниматель Э. Ян и др., которые активно продвигают внедрение того же абсолютного дохода в США¹. Но однако сама концепция левого акселерационизма является полностью утопичной, и предпосылок к естественному изживанию “царства необходимости” с внедрением высоких технологий и появлением креативного класса, так и не появилось. К примеру, внедрение общего базового дохода в США для бедных привело к фрустрации и разложению значительных слоев населения, но никак не к раскрытию их творческого потенциала². И проблема заключается не только лишь в выравнивании минимальных благ и вынужденной продаже собственного труда – капиталистическая система существует также и за счёт стремления людей к богатству и получению лучших благ, и поэтому “вся старая мерзость”, выражаясь понятиями Маркса, просто так не исчезнет. Утопична так же и идея

¹ Носков, А. (2019) Илон Маск поддержал безусловный общий доход. URL: <https://hightech.plus/2019/08/12/ilon-mask-podderzhal-bezuslovnii-obshii-dohod-i-prezidenta-gota> (дата обращения: 12.05.2022).

² Зелендинова, В. (2021) Рынок труда начал перезагрузку. URL: https://octagon.media/ekonomika/rynok_truda_nachal_perezagruzku.html (дата обращения: 14.05.2022).

об исчезновении общественно-необходимого труда благодаря автоматизации производства – темпы автоматизации рабочих процессов явно переоцениваются исследователями. Так, Д. Маркофф приводит пример с появлением банкоматов в США, когда многие оптимисты прогнозировали сокращение числа банковских кассиров. Однако произошёл обратный процесс – фактическое число кассиров в США только возросло (Маркофф, 2016). Процесс автоматизации многих узконаправленных сфер деятельности является весьма дорогостоящим, поэтому крупнейшие сети торговли и ресторанов быстрого питания не торопятся избавляться от человеческого труда.

Таким образом, проанализировав взгляды современной левой политической мысли на Западе, стоит сделать вывод о постепенном вытеснении идей мыслителей-последователей марксизма на периферию с заменой нарративов концептами анархизма, автономизма, экологизма и пр. Поэтому сегодня мы можем говорить о кризисе левой идеологии, как о политической несостоятельности сторонников данных идей, которые повсеместно терпят неудачу и нивелируются из-за своей неорганизованности и стихийности, как например движение “Occupy Wall Street” или Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) в Мексике. Разрешение данного кризиса возможно только с помощью глубокой рефлексии над феноменом левого проекта и его возможностей в условиях современного общества.

Список литературы / References

- Агашанова, Н. (2018) «Каталог всей Земли». Кто такой Стюарт Бранд, и как его идеи продолжают менять наш мир. [электронное издание]. URL: <https://esquire.ru/life-style/62032-whole-earth-catalog/> (дата обращения: 28.04.2022). [Agashanova, N. (2018) “The Whole Earth Catalog”. Who is Stewart Brand, and how his ideas continue to change our world [«Katalog vsei Zemli». Kto takoi Styuart Brand_ i kak ego idei prodoljayut menyat nash mir] [online]: URL: <https://esquire.ru/life-style/62032-whole-earth-catalog/> (Accessed: 28 April 2022). (In Russ)].
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2017) ‘Планирование в экономике XXI в.: какое и для чего?’, *Terra Economicus*, 1, сс. 29–43. [Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. (2017) ‘Planning in the Twenty-First Century Economy: What and For What?’ [Planirovanie v ekonomike XXI veka: kakoe i dlya chego?], *Terra Economicus*, 1, pp. 29–43. (In Russ)].
- Бузгалин, А. В., Гринберг, Р. С., Колганов, А. И. (2015) ‘Глобальный мир в тупике. Где выход?’, *Социологические исследования*, 11, сс. 3–13. [Buzgalin, A. V., Grinberg, R. S., Kolganov, A. I. (2015) ‘The Global World at a Dead End. Where's the way out?’ [Globalnii mir v tupike. Gde vihod], *Sociologicheskie issledovaniya*, 11, pp. 3–13. (In Russ)].
- В России абсолютное большинство хочет жить при социализме: опрос (2019) [электронное издание]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2776939.htm> (дата обращения: 23.04.2022). [In Russia, the absolute majority wants to live under socialism: poll (2019) [V Rossii absolyutnoye bol'shinstvo khochet zhit' pri sotsializme: opros] [online]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2776939.htm> (Accessed: 23 April 2022). (In Russ)].
- Ван Парайс, Ф., Вандерборхт, Я. (2020) *Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики*. Москва: ИД Высшей школы экономики, 440 с. [Van Parijs, P., Vanderborght, Y. (2020) *Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy* [Radikalnii proekt dlya svobodnogo obschestva i zdorovoi ekonomiki]. Moscow: ID Visshei shkoli ekonomiki, 440 p. (In Russ)].
- Горц, А. (2010) *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 208 с. [Gorz, A. (2010) *Intangible. Knowledge, value and capital* [Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Visshei shkoli ekonomiki, 208 p. (In Russ)].
- Давыдов, Д. А. (2020) *Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации*. Москва: ЛЕНАНД, 218 с. [Davydov, D. A. (2020) *Personality and the state in the thorns of post-capitalism: On the way to a new antagonistic social formation* [Lichnost' i gosudarstvo v terniyakh postkapitalizma: Na puti k novoy antagonisticheskoy obshchestvennoy formatsii]. Moscow: LENAND, 218 p. (In Russ)].

- Давыдов, Д. А. (2020) 'Посттрудовая (анти-)утопия? Критический взгляд на концепцию посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса', *Свободная мысль*, 2, сс. 5–24. [Davydov, D. A. (2020) 'Post-labor (anti-)utopia? A critical look at the concept of post-capitalism by Nick Srnicek and Alex Williams' [Post-trudovaya (anti-)utopiya? Kriticheskiy vzglyad na kontseptsiyu postkapitalizma Nika Srnicheka i Aleksa Uil'yamsa], *Svobodnaya mysl*, 2, pp. 5–24. (In Russ.)].
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2007) *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 672 с. [Deleuze, J., Guattari, F. (2007) *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* [Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya]. Yekaterinburg: U-Factoria, 672 p. (In Russ.)].
- Дунаевская, Р. (2011) *Марксизм и свобода: с 1776 года до наших дней*. Москва [Dunaevskaya, R. (2011) *Marxism and Liberty: From 1776 to until now* [Marksizm i svoboda: s 1776 goda do nashih dnei]. Moscow: "Praxis", 481 p. (In Russ.)].
- Жиленков, М. (2019) *Левые в Европе: поражение вместо победы* [электронное издание]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7b84e571> (дата обращения: 25.04.2022). [Zhilenkov, M. (2019) *The Left in Europe: Defeat Instead of Victory* [Levyue v Yevrope: porazheniye vmesto pobedy] [online]. Available at: URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7b84e571> (25th April 2022). (In Russ.)].
- Зелендинова, В. (2021) *Рынок труда начал перезагрузку* [электронное издание]. URL: https://octagon.media/ekonomika/rynok_truda_nachal_perezagruzku.html (дата обращения: 14.05.2022). [Zelendinova, V. (2021) *The labor market has started to restart* [Rynok truda nachal perezagruzku] [online]. Available at: https://octagon.media/ekonomka/rynok_truda_nachal_perezagruzku.html (Accessed: 14th 2022)]. (In Russ.)].
- Кагарлицкий, Б. Ю. (2007) *Политология революции*. Москва: Алгоритм. [Kagarlitsky, B. (2007) *Political Science of the Revolution* [Politologiya revolyutsii]. Moscow: Algorithm. (In Russ.)].
- Коряковцев, А., Вискунов, С. (2017) *Марксизм и полифония разумов. Драма философских идей в 18 главах с эпилогом*. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 682 с. [Koryakovtsev, A., Viskunov, S. (2017) *Marxism and the polyphony of minds. The Drama of philosophical ideas in 18 chapters with an epilogue* [Marksizm i polifoniya razumov. Drama filosofskih idei v 18 glavah s epilogom]. Moscow; Ekaterinburg: Cabinet Scientist, 682 p. (In Russ.)].
- Крымов, А. В., Романовская, Л. Р. (2021) 'Антиэтатизм Мюррея Букчина и проблемы экологии', *Вопросы российского и международного права*, 11, 3А, сс. 15–23. [Krymov A. V., Romanovskaya, L. R. (2021) 'Murray Bookchin's anti-statism and environmental issues' [Antietatizm Myurreya Bukchina i problemy ekologii], *Issues of Russian and international law*, 11, 3A, pp. 15–23. (In Russ.)].
- Майданский, А. Д. (2013) 'Не отомрет с-собака!' Э.В. Ильенков о государстве', *Свободная мысль*, 4, сс. 171–182. [Maidanski, A. D. (2013) 'The dog will not die out!' E.V. Ilyenkov on the state' ['Ne otomret s-sobaka' E.V. Ilenkov o gosudarstve], *Free thought*, 4, pp. 171–182. (In Russ.)].
- Маркофф, Д. (2016) *Номо Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания*. Москва: Альпина нон-фикшн, 408 с. [Markoff, D. (2016) *Homo Roboticus? Humans and machines in search of mutual understanding* [Homo Roboticus? Lyudi i mashini v poiskah vzaimoponimaniya]. Moscow: Alpina non-fikshn (In Russ.)].
- Маркс, К. (1952) *Капитал*. (Том 1). Москва: Государственное издательство политической литературы. [Marx, K. (1952) *Capital* [Kapital]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literature. (In Russ.)].
- Маркс, К. (1962) 'Капитал (Том 3)' в: Маркс, К. и Энгельс, Ф. *Сочинения* (Том 25), ч. II. Москва: Государственное издательство политической литературы, сс. 3–486. [Marx, K. (1962) 'Capital (Volume 3)' [Kapital] in: Marx, K. and Engels, F. *Writings* (Vol. 25), Part II. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literaturi, pp. 3–486. (In Russ.)].
- Межуев, В. М. (1991) 'Есть ли будущее у социализма?', *Свободная мысль*, 7–8, сс. 73–78. [Mezhuev, V. M. (1991) 'Does socialism have a future?' [Est li budushee u socializma], *Free thought*, 7–8, pp. 73–78. (In Russ.)].
- Носков, А. (2019) *Илон Маск поддержал безусловный общий доход* [электронное

- издание]. URL: <https://hightech.plus/2019/08/12/ilon-mask-podderzhal-bezuslovnii-obshii-dohod-i-prezidenta-gota> (дата обращения: 12.05.2022). [Noskov, A. (2019) Elon Musk backed unconditional total income [Ilon Mask podderzhal bezuslovnuyu obshchiy dohod] [online]. Available at: <https://hightech.plus/2019/08/12/ilon-mask-podderzhal-bezuslovnii-obshii-dohod-i-prezidenta-gota> (Accessed: 12th May 2022). (In Russ.)].
- Соловьева, А. Н. (2009) 'Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов', Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки, 5. pp. 126–130. [Solovieva, A. N. (2009) 'Deterritorialization of Social Practices in the Context of Ethnocultural Landscapes' [Deterritorizatsiya sotsial'nykh praktik v kontekste etnokul'turnykh landshaftov], Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki, 5, pp. 126–130. (In Russ.)].
- Срничек, Н. (2020) Капитализм платформ. Москва: ИД Высшей школы экономики, 128 p. [Srniczek, N. (2020) Platform Capitalism [Kapitalizm platform]. Moscow: ID Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)].
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. Москва: Strelka Press, 336 p. [Srniczek, N., Williams, A. (2019) Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Labor [Izobretaya budushcheye: postkapitalizm i mir bez truda]. Moscow: Strelka Press, 336 p. (In Russ.)].
- Уильямс, А., Срничек, Н. (2018) 'Манифест акселерационистской политики', Логос, 28 (2), сс. 7–20. [Williams, A., Srniczek, N. (2018) 'Accelerationist Politics Manifesto' [Manifest akseleratsionistskoy politiki], Logos, 28 (2), pp. 7–20. (In Russ.)].
- Энгельс, Ф. (1961) 'Развитие социализма от утопии к науке' в: Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения, Т. 19. Москва: Государственное издательство политической литературы, сс. 185–230. [Engels, F. (1961) 'The Development of socialism from utopia to science' [Razvitie socializma ot utopii k nauke] in: Marx, K. and Engels, F. Writings, Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literaturi, pp. 185–230. (In Russ.)].
- Энгельс, Ф. (1988) Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Москва: Прогресс. [Engels, F. (1988) The role of labor in the process of transformation of apes into humans [Rol' truda v protsesse prevrashcheniya obez'yany v cheloveka]. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Bookchin, M. (1992) Urbanization Without Cities. The Rise and Decline Citizenship. Montréal / New York: Black Rose Books, 340 p.
- Global Report Edelman Trust Barometer (2020) [online]. Available at: https://www.edelman.com/sites/g/files/aaatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (Accessed: 23th April 2022).
- Graeber, D. (2018) Bullshit Jobs: A Theory. N. Y.: Simon & Schuster.
- Hardt, M., Negri, A. (2000) Empire. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England.
- Kight, S. W. (2019) Exclusive poll: Young Americans are embracing socialism. [online]. Available at: <https://www.axios.com/2019/03/10/exclusive-poll-young-americans-embracing-socialism> (Accessed: 23th April 2022).
- van der Linden, M. M. (1997) Socialisme ou Barbarie: A French Revolutionary Group (1949–65) [online]. Available at: <http://www.left-dis.nl/uk/lindsob.htm> / (Accessed: 23th April 2022).
- Stallman, R. (2005) Bill Gates and other communists [online]. Available at: <https://www.zdnet.com/article/bill-gates-and-other-communists/> (Accessed: 28th April 2022).

Статья поступила в редакцию: 20.11.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.03.2023

Статья принята к публикации: 12.04.2023

**POST-CAPITALISM IN THE POLITICAL THEORIES OF THE MODERN LEFT:
ORIGINS, MODERNITY, PERSPECTIVES**

A. A. Shefer

A. A. Shefer, Graduate Student, Faculty of Political Science, Department of Russian Politics,
Moscow State University M. V. Lomonosov.
E-mail: shefer.a97@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8014-5730).

Abstract

This analytical review explores the contemporary political theories of the modern left. The subject of the study is the theory of post-capitalism - a set of ideas and currents that analyze the prerequisites for the transformation of capitalism into a new stage of socio-economic relations in perspective. The relevance of the topic is confirmed by the intensifying global crisis that devalues the neoliberal system. Against this background, the problems of further development of world politics and economics become particularly acute. The review targeted to examine the political theories of the contemporary Left through the prism of their view on the development of post-capitalist formation, as well as to compare similar views in classical Marxists. The study shows a trend of crisis in contemporary leftist thought (primarily in the West) and its transformation into anarchism, leftist libertarianism, alterglobalism, etc. Generally speaking, contemporary leftist theorists and activists see the construction of a formation following capitalism through the creation of networks of local communities that have no vertical control. Also, one of the main principles of the new system of relations is the complete abolition of human labour and its replacement by robotic production. The human being is supposed to switch to an Absolute Basic Income, a stable social payment.

Keywords: Post-capitalism; neoliberalism; new leftists; anarcho-localism; environmental movement; left accelerationism; absolute basic income; left theory.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [*Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike*], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [*Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya*]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2023. Том 17. № 2

Bulletin of Perm University.
Political Science
2023. Vol. 17. № 2

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 22.06.2023.
Выход в свет 30.06.2023.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 17,2.
Тираж 500 экз. Заказ 82.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8(342)239-66-36
Полиграфический отдел. Тел. 8(342)239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006